

10.333
1959

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

11

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

ДАВИД СУЛИАШВИЛИ. Солдат революции. Повесть о Камо. Окончание.	3
ШАЛВА АБХАИДЗЕ. Новые стихи	17
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Рустави. Роман. Про- должение.	21
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Стихи о Грузии	49
МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ. Каменщик и его со- сед-лекарь. Рассказ.	51

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ЭЛЬЗА ТРИОЛЕ. Лунный свет.	54

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

Б. БУКИЯ. Шаг в неизведанное	64

Трибуна писателя

ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Поэма — жанр современный.	72

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ЛАВРОСИЙ КАЛАНДАДЗЕ. Поэзия ясной мысли. К пятидесятилетию Ираклия Абашидзе.	76
М. ДЖИНЧВЕЛАШВИЛИ. В. И. Ленин и большевистские организации Грузии.	83
Н. РУХАДЗЕ. Ф. Шиллер и Грузия.	87

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

И. ДУБИНСКИЙ. Расшифрованный псевдоним Самуила Буачидзе.	89

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

«Театр» № 10.	92
«Литературная Армения».	93
Заметка о «замете».	95

11

НОЯБРЬ
1959

2000

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Давид Сулиашвили

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

ПОВЕСТЬ О КАМО

Перевод с грузинского К. Коринтели

Окончание

Революция 1905 года совершенно преобразила Камо. Нужно было готовиться к вооруженному восстанию, собирать оружие. Камо не жил, а горел. Партия поручила Камо, в числе других товарищей, формирование, вооружение и обучение боевых групп и дружин.

7 декабря 1905 года в Москве началась всеобщая забастовка. В знак солидарности с москвичами забастовали рабочие Закавказской железной дороги и различных предприятий Тифлиса. В Надзаладеви ежедневно проводились митинги, был организован стачечный комитет. Пожар восстаний и забастовок охватил и всю Западную Грузию.

Но московское вооруженное восстание было вскоре подавлено. Начались годы мрачной реакции. В Западную Грузию были посланы карательные отряды во главе с генералом Алихановым, который с огнем и мечом прошел через всю страну. Серьезное, упорное сопротивление оказал правительству тифлисский пролетариат. В Надзаладеви происходили настоящие сражения рабочих с жандармами и казаками. Рабочие революционные отряды каждую ночь дежурили на окраинах района. Одним из руководителей восставших рабочих был Камо.

Однажды возглавляемый Камо отряд, в составе которого были М. Калладзе, Г. Элиава, П. Цинцадзе, М. Двали и другие, расположился на ночное дежурство у подножья холма, возвышавшегося в самом начале Надзаладеви. Ночь прошла спокойно, но едва рассвело, рабочие заметили группу конных казаков, которые спешили поблизости и открыли огонь по холму. Оттуда тоже загремели выстрелы и полетели гранаты. Казалось, казаки уже стали отступать, но вдруг началась стрельба с противоположной стороны. Враг атаковал с двух сторон.

— Камо, давай еще гранаты, бей в одну цель, чтобы прорвать круг! — крикнул кто-то.

Но гранат больше не оказалось. Вскоре кончились и патроны. Камо, легко раненый, укрылся за кустом, а рабочие, не сумев прорваться через кольцо драгун и казаков, вступили с ними в рукопашную схватку. Вскоре казаки обнаружили Камо и начали бить его прикладами, но он стал кричать, что он-де крестьянин, шел в город и наткнулся на них. Казаки заколебались. Бить перестали, но все же увели его с собой. Привели в какой-то пустой дом, бросили на пол. Камо обеими руками принялся колотить се-

бя по голове, призывал в свидетели бога и всех святых, доказывая, что он крестьянин и знать ничего не знает. Ему не верили. Принесли веревку и пригрозили, что повесят, если он не сознается во всем. Камо умолял отпустить его, не губить семью. Казаки все же накинули ему на шею петлю. И когда он стал уже задыхаться, один из них сказал:

— А что, ребята, может, он и вправду крестьянин, а не бунтовщик?

Тогда с него сняли петлю и бросили на пол. Камо едва отдышался. Казаки снова начали допытываться:

— Эй, ты! Говори правду — с ними был или нет?

— Ничего не знаю! Крестьянин я! Утром пришел! — едва шевеля губами, отвечал Камо.

— А чего ж прятался?

— Испугался, потому и прятался!

Мысль его напряженно работала. Как быть? Что ждет его? Поверят? Отпустят? Ему никак нельзя попасть в тюрьму! Если узнают, кто он, да еще припомнят батумскую историю, — тогда конец...

Пришли полицейские. Казаки передали им Камо, и его увели в Метехскую тюрьму.

* * *

К полудню у тюрьмы собралась масса народу. Родственникам убитых разрешено было унести трупы домой.

Сестры Камо — Джаваира и Сандухта всю ночь не смыкали глаз, тревожась за брата. На следующий день, когда узнали, что доступ к телам разрешен, Джаваира побежала в тюрьму.

— Сыночки наши! Какой черный день настал для нас! Горе несчастным матерям вашим! Горе сестрам вашим... — донеслось до слуха Джаваиры. Обезумев от ужаса, она растолкала людей, столпившихся во дворе тюрьмы, и взбежала на балкон.

Здесь вполголоса переговаривались женщины.

— Кто же убитые? Неужели еще не узнали?

— Кое-кого узнали, но пока не всех.

— Там один из наших тоже есть — Георгий Элиава...

— Вай, вай, горе его матери!...

— А еще кто?

— Еще Илико Нинидзе, Петрэ Цицишвили, еще... да разве я знаю всех!..

— Вай, вай, несчастные!

Джаваира с трудом добрела до дверей и остановилась на пороге.

— Кого вы ищете? — спросила ее девушка с покрасневшими от слез глазами.

— Камо! — ответила Джаваира.

— Его здесь нет. Кажется, он арестован, — услышала Джаваира, с ужасом глядя на груду тел, сваленных на полу. «Кажется, арестован...» — дошло, наконец, до ее сознания. В сердце затеплилась надежда.

Сандухта каждый день бродила у стен Метехи, надеясь хоть что-нибудь узнать о Камо, а может, увидеть его в решетчатом узком окошке тюрьмы.

Однажды, когда она, как обычно, проходила перед тюрьмой, до нее донесся голос брата откуда-то сверху: «Вынесите велосипед из подвала, пусть стоит в комнате!»

Значит, Камо жив, здоров! Не в силах сдержать радость, она бегом помчалась домой.

Вскоре Камо через десятые руки получил белье и одежду.

* * *

Соседом Камо по камере был некий Шаншиашвили, арестованный по какому-то пустячному поводу. Вскоре выяснилось, что он всей душой сочувствует революции.

— Ты правда хочешь помочь революции? — спросил его как-то Камо.

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

— Хочу, очень хочу! Но чем? Как?

Камо положил руку ему на плечо и притянул к себе.

— Ты никогда не видел Камо?

— Видел один раз, да и то издали. Эх, бедняга, убили его казаки!

— Нет, дорогой, Камо никто не убивал. Он жив. И знаешь, что еще я тебе скажу? Камо стоит сейчас перед тобой.

— Как, ты — Камо?!

Шаншиашвили был изумлен и обрадован. Он много слышал о Камо и восхищался его смелостью.

— Слушай! — продолжал Камо. — Так ты правда хочешь помочь революции?

— Я же сказал — очень хочу!

— Тогда вот что. Ты и в тюрьме можешь сослужить нам большую службу.

— Но как?

— А вот так. Слушай, если меня здесь узнают, обязательно казнят. Пока нас не вызывали. Когда вызовут, вместо тебя пойду я. Меня, как Шаншиашвили, — выпустят. А ты потом жалуйся администрации: почему, мол, тебя не допрашивают и не освобождают. Ошибка выяснится, и все будет в порядке.

Произошло все так, как задумал Камо. Он отлично сошел за Шаншиашвили, и на второй же день перед ним распахнулись тяжелые кованые ворота Метехской тюрьмы. Камо снова был на свободе.

* * *

Несмотря на разгул реакции, большевики не считали революцию побежденной и не складывали оружия. Они продолжали вести борьбу, готовились к новым революционным битвам.

В 1906 году в Тифлисе была организована боевая группа, которую возглавил Камо. Группе было поручено проведение экспроприаций с тем, чтобы добытые таким путем деньги расходовать на покупку оружия.

...Вскоре меня арестовали в Боржоме и оттуда переправили в кутаисскую тюрьму. Туда же доставили Котэ Цинцадзе, близкого товарища Камо. От него я узнал о новых подвигах этого отважного рыцаря революции.

— Камо? Знаешь, что это за парень? Золото! Смелый, находчивый, добрый, душа нашей группы! — Котэ был членом боевой группы Камо. — Любое дело поручи ему — все выполнит. У него, милый мой, кочи всегда на «алчо» становится.¹

Котэ рассказал о первой экспроприации на Коджорской дороге, успешно проведенной группой, и, усмехнувшись, добавил:

— Вот подожди, что завтра в Кутаисе будет!

— Что будет?

— На Пушкинской улице разорвется граната, — таинственно понизив голос, сообщил Котэ.

— Террористический акт? — спросил я.

— Нет, экс².

— Камо тоже там будет?

— Ну, конечно! Все наши ребята будут! Я тоже должен был быть, но вот видишь... — улыбнулся Котэ.

Действительно, на следующий день в половине первого три взрыва, один за другим, потрясли воздух.

Экспроприация произошла около женской гимназии, на перекрестке четырех улиц. Камо прогуливался по тротуару от моста до гимназии в ожидании почтовой кареты с деньгами. Наконец, карета показалась. Когда она приблизилась на достаточное расстояние, Камо бросил гранату. Охрана ра-

¹ Кочи — игра в кости. «Кочи всегда на «алчо» становится» — т. е. обеспечивает выигрыш. (Прим. пер.).

² Экс — сокращенно «экспроприация».

стерялась, а один из товарищей в это время вытащил из кареты мешок с деньгами и, вскочив в нанятую Камо повозку, укатил.

Вскоре Камо отвез 15 тысяч рублей в Петербург.

По поручению Тифлисского комитета РСДРП Камо часто ездил в Финляндию и в Петербург за оружием.

В Финляндии, в Куоккале, в те годы жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, и Камо в каждый свой приезд обязательно навещал их.

Революционер Бебуришвили, живший тогда в Петербурге, рассказывает: «Однажды придя домой, я увидел в комнате чужие чемоданы и бурдюк. Хозяйка сообщила мне, что был какой-то кавказец, оставил все это и сказал, что зайдет вечером. Я полагал, что приехал кто-нибудь из моих родственников. И вот вечером приходит ко мне не кто иной, как Камо. Оживленный, радостный, полный кипучей энергии, такой же, каким я видел его в декабре 1905 года. Он ехал в Финляндию проведать Ильича. И вез ему ценный подарок — информацию от кавказских товарищей!»

* * *

После кутаисской экспроприации боевая группа Камо наметила более сложные и рискованные операции. Одной из них было похищение двухсот тысяч рублей казенных денег в Тифлисе, которое прошло также успешно. Вдохновителем и организатором этого дела опять был Камо. Бесстрашный и настойчивый, он все делал с юношеской горячностью и энергией и очень любил трудные, рискованные задания. Все его действия окутывались дымкой романтизма. Камо поражал всех неистощимым оптимизмом, твердой, непоколебимой верой в торжество дела рабочего класса.

«Знаешь, если понадобится, — я готов пожертвовать жизнью ради нашего дела», — сказал мне как-то Камо. Не раз рискуя жизнью, он прибегал ко всевозможным уловкам и хитростям, чтобы вырваться из рук полиции, спасти свою жизнь, потому что она была нужна революции. Он умел бороться и умел побеждать.

Камо глубоко презирал меньшевиков-начетчиков. «Ах, мерзавцы, — возмущался он, — сидят себе в кабинетах, зарылись в бумаги и воображают, что дело делают».

Он был рядовым бойцом, профессиональным революционером — и гордился этим.

Всегда деятельный, оживленный, с веселыми золотистыми искорками в умных карих глазах, одним своим видом он подбадривал окружающих и вселял в них веру в наше правое дело.

* * *

В кутаисской тюрьме я просидел недолго. Боевая группа организовала побег тридцати заключенных, в числе которых был и я.

Однажды, уже в Тифлисе, я шел по улице напротив Александровского сада, как вдруг кто-то схватил меня за руки:

— Дата!

Я едва узнал Камо. На нем был новый, с иголки, серый костюм, белая крахмальная сорочка, светлый в голубую полоску галстук. А меня, невзирая на мнимую хромоту, сбритые усы и громадные синие очки, Камо узнал сразу.

— Ну, рассказывай про ваш побег! — весело начал Камо, подхватив меня под руку. — Я знал, что ты приехал в Тифлис, но где тебя искать, — ума не мог приложить. Все время хотел сказать тебе, что оставаться здесь опасно. По городу рыщут шпики и ищут кутаисских беглецов.

— Конечно, я здесь недолго пробуду. Мне ведь ежедневно приходится искать себе новый ночлег и остерегаться, чтобы не быть пойманным. Эх, тяжела ты, нелегальная жизнь!

— А ты как думал? — засмеялся Камо. — Я, милый мой, всю жизнь так скрываюсь — маскируюсь, переодеваюсь, разъезжаю. Сегодня я — безусый гимназист, завтра — наряжусь в чоху, и я уже князь. Не так ли, а? Знаешь, Дата, наверное, мы долго теперь не увидимся.

- Почему? Ты уезжаешь?
 - Да, за границу еду.
 - Когда же ты едешь?
 - На днях. А ты что будешь делать? — спросил меня Камо.
 - Не знаю, право! Вот если бы и мне поехать за границу, я бы знал, что делать.
 - Не горюй, брат. Может, соберешься. Тогда там и встретимся.
- Мы распрощались. А через несколько месяцев и я выехал за границу, в эмиграцию. И хоть я не виделся с Камо, но знал о каждом его шаге.

* * *

Товарищам, работающим за границей, было поручено разменять все пятисотрублевые ассигнации из денег, похищенных в Тифлисе. Все их номера были записаны в тифлисском банке и поэтому в России сделать это было невозможно.

Но русское правительство сообщило эти номера иностранным банкам, и во время размена денег несколько товарищей было арестовано. Это событие всколыхнуло все социал-демократические и либеральные партии Европы. Социалистическая пресса выступила с протестом против передачи задержанных русскому правительству. Большевистский центр за границей приложил все усилия для освобождения арестованных и добился своего. Центр повел также борьбу с меньшевиками, препятствовавшими распространению экспроприированных денег.

Камо в тот период жил в Берлине под именем Мирского. Он уже приобрел большую часть тех боеприпасов, за которыми его послали за границу, и вскоре должен был выехать обратно. Но однажды к нему с обыском нагрянули полицейские, обнаружили большое количество нелегальной литературы на русском языке и различное оружие. Камо арестовали и заключили в берлинскую тюрьму.

Прусская полиция вскоре установила личность Камо. Он был объявлен анархистом-террористом. Германская социал-демократия приняла горячее участие в судьбе Камо, но не смогла добиться его освобождения.

Многие приходили навещать Камо. Был у него и Л. Б. Красин, который и посоветовал отважному революционеру симулировать сумасшествие.

— Только это может тебя спасти. В случае удачи тебя здесь же освободят и не отправят в Россию, — сказал он ему при свидании.

Камо долго молча смотрел на Красина. И вдруг, ослабившись, дико захохотал.

— Вот, вот, самое настоящее сумасшествие! — воскликнул Красин. — Но выдержишь ли ты?

— Выдержу, товарищ Красин! Выдержу! — уверенно ответил Камо.

С того дня Камо стал симулировать буйнопомешанного. Это было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Но Камо не умел отступать. Он должен был победить и в этой смертельной схватке.

Узнав об аресте Камо, Ленин отправил в Берлин Лядова, чтобы просить Карла Либкнехта найти для Камо адвоката. Этим адвокатом стал близкий друг и товарищ Либкнехта по партийной работе Оскар Кон. Либкнехт обещал кроме того воздействовать на правительство и через прессу.

Оскар Кон и Камо с первой же встречи прониклись большой симпатией друг к другу. Кона пленила необычайно сильная и благородная натура Камо, и он решил во что бы то ни стало спасти его.

Вскоре Камо, как буйнопомешанного, перевели в сырую и мрачную одиночную камеру подвального этажа.

Когда Оскар Кон после длительного перерыва навестил его, он был потрясен переменой, происшедшей в этом человеке. Кон даже подумал — не сошел ли действительно Камо с ума.

Но нет, разум этого сильного человека был трезв и ясен. Поразительно, какой неистощимой энергией, каким упорством обладал Камо, в течение двух лет находясь под наблюдением опытных психиатров, врачей-экспертов, следователей, тюремщиков и выйдя победителем из этой тяже-

лой борьбы. Мужество его восхищало Максима Горького, с которым Камо встречался впоследствии.

«...Больше всего хотелось мне понять, — писал Горький, — как этот человек, такой «простодушный», нашел в себе силу и умение убедить хиатров в своем будто бы безумии?»

Но ему, видимо, не нравились расспросы об этом. Он пожимал плечами, неохотно, неопределенно говорил:

— Ну, как это сказать? Надо было! Спасал себя, считал полезным для революции».

Камо добился, чтобы его поместили в тюремную больницу, в отделение для душевнобольных. В течение четырех месяцев, проведенных там, Камо ни днем, ни ночью не знал покоя, ни разу не прилег на постель! Он отказывался от пищи. Его начали искусственно питать с помощью зонда. Однажды этим зондом ему выломали два передних зуба. Изумляя своими безумными выходками даже врачей, Камо обрекал себя на страшные мучения, но упорно шел к намеченной цели.

Однажды перед ним поставили зеркало. Оттуда на него глянуло худое, изможденное лицо. Камо был потрясен своим видом, однако и здесь не вышел из роли — засмеявшись, стал плевать на свое изображение. Но в сознании пронеслась страшная мысль: «А не сошел ли я и вправду с ума?..»

Как-то раз Камо нашли повесившимся на окне. Тотчас же вынули его из петли и привели в чувство. Он знал, что его успеют спасти, поэтому и пошел на риск.

После долгих наблюдений его признали душевнобольным и поместили в берлинскую городскую больницу для душевнобольных — «Бух». Несколько дней он провел в палате с девятью больными, затем его перевели в другое отделение, в более спокойную палату.

Спустя некоторое время администрация больницы пришла к заключению, что «душевнобольной анархист-террорист Петросянц» полностью излечился и практически совершенно здоров. И из больницы Камо перевели в следственный отдел Альтмоабитской тюрьмы.

Камо решил бежать. Но несмотря на всяческое содействие Оскара Кона в осуществлении этого намерения, побег оказался невозможным.

Пришлось вновь обратиться к симуляции.

Камо надеялся, что его, как больного, в конце концов освободят, не высылая в Россию, где его ожидала неминуемая гибель. Всеми силами стремился Камо избежать этой участи.

В феврале 1908 года состоялось заседание суда по делу Камо. Медицинским советникам — доктору Гофману и доктору Ламансу было поручено выяснить душевное состояние обвиняемого.

По прошествии двух месяцев эксперты констатировали, что обвиняемый Петросянц был действительно больным.

В Гельцбурге, куда Камо был ненадолго переведен из «Буха», в больничных листках сохранились записи о состоянии больного Петросянца, потрясающие своим драматизмом. Вот некоторые из них:

«6 июня — очень шумит, заявил, что он врач, что выпил 10 литров водки.

8 июня — заявил служителю Фогту, что он — Соломон Петровский.

15 июня — отказывается от пищи. Безостановочно двигает левой рукой в одном и том же направлении.

19 июня — жалуется на боли. Во время разговора бьет себя кулаками в грудь, просит смерти, жалуется, что ему надоела такая жизнь».

Нет конца пыткам, которым подвергал он себя, опросам, наблюдениям врачей, переводам из одной больницы в другую. Жесткий режим, постоянное напряжение ума, нервов, воли, оторванность от родных и друзей, которые, быть может, и не знают, какие муки он переживает на чужбине в полном одиночестве...

Единственным человеком, который имел право на часовое свидание с подозрительным больным, был Оскар Кон. Он приходил в сопровождении надзирателя в вестибюль. И туда же приводили Камо.

— Guten Tag, Genosse Kamo!
— Guten Tag, Genosse Oskar! — едва подбирает немецкие слова
Камо.

— Wie geht es Ihnen?

— Sehr Gut, mein Kamerad!

— Immer Lustig, Kamo! Immer Lustig!¹ — ободряет его Кон. И Камо старается быть веселым, чтобы сделать приятное Кону. На ломаном русско-немецком языке он ухитряется рассказывать ему события минувшей недели.

Оскар Кон и Карл Либкнехт принимали большое участие в судьбе Камо. Они выступали в прессе, в парламенте, просили облегчить его тяжелое положение.

Последние месяцы пребывания в Германии были самыми тяжелыми для Камо. «Очень много думал: выдержу или действительно сойду с ума? Вот это было нехорошо. Сам себе не верил, понимаешь? Как над обрывом висел. А за что держусь — не вижу», — рассказывал впоследствии Камо Горькому.

Бывали мгновения, когда Камо готов был сдаться и разом покончить со всем. Но эти мгновения проходили, и он опять продолжал борьбу.

* * *

19 октября 1909 года Камо привозят в Тбилиси. Со скрипом распахнулись ворота Метехского замка, принимая долгожданного узника.

Когда Камо взглянул из решетчатого узкого окошка камеры на расстилавшийся перед ним город, сердце его забило надеждой — хоть и в тюрьме, но он был на родине, рядом были родные и друзья.

Вскоре Камо получил весточку от Джаваиры. Она сообщала, что Котэ и Элисо, Бачуа Купрашвили и другие находились в Тбилиси, что берлинский друг Оскар Кон не забыл его и выслал двести марок на телеграммы и свой адрес, чтобы сообщать ему о ходе дела.

Джаваира немедленно оповестила Кона: «Камо привезли, но не считают душевнобольным. Камо сидит в тюрьме в кандалах, ожидая смертной казни». Очень скоро пришел ответ от Кона: «Высылаю все нужные документы по экспертизе. Будет запрос в рейхстаге». Но вторую телеграмму Джаваиры цензура не пропустила, и связь с Коном прервалась.

Дело Камо было передано в окружной военный суд. Камо знал, что это значит, и решил снова прибегнуть к симуляции. Истинный борец никогда не складывает оружия. И Камо не сдавался. Он должен был победить, он верил в свою победу и боролся.

Казалось, сама судьба покровительствовала Камо. Несмотря на то, что суд был убежден в его виновности, было вынесено решение: «Разбор дела приостановить, выяснить душевное состояние Петросянца, для чего поместить его в специальную лечебницу и подвергнуть длительному исследованию».

В защиту Камо подняла голос вся западноевропейская пресса, обвинявшая германское правительство в том, что оно выдало варварскому правосудию царского правительства больного человека, не совершившего никакого преступления.

Русское правительство растерялось. Министр Столыпин был вынужден написать наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову:

«...Нападки прессы на германское правительство несомненно усилятся в том случае, если будет вынесен смертный приговор. Министерство

¹ — Добрый день, товарищ Камо!

— Добрый день, товарищ Оскар!

— Как вы поживаете?

— Очень хорошо, мой товарищ!

— Всегда веселый, Камо! Всегда веселый! (Нем.).

внутренних дел опасается, как бы это обстоятельство не повлияло дурно на интересы России в вопросах высылки анархистов. Пользуюсь случаем изъяснить Вам полное мое почтение и искреннюю преданность,

П. Столыпин

Камо перевели в психиатрическое отделение тюрьмы. Но дело его оставалось в военном трибунале.

Здесь, в Метехи, он чувствовал себя намного увереннее, спокойнее, чем в Германии, и теперь уже «научно» симулировал помешательство.

По утрам Камо ежедневно кормил на окне птиц. Однажды он даже поймал одного зазевавшегося воробушка.

И когда Камо привели в суд на допрос, он взял воробья с собой и шел нарочито веселый, радостный, словно собирался на пир. Он смотрел по сторонам, раскланивался с каждым встречным. Пришли в зал. Камо осмотрелся и, увидев на стене портрет царя, начал его ругать. Следователь тщательно задавал ему вопросы — он их словно не слышал. Покончив с царем, Камо начал нежно беседовать с птичкой, называл ее «Петькой», целовал. Вдруг Петька вырвался из рук Камо, и, облетев весь зал, стал биться в оконное стекло. А Камо, воспользовавшись этим, стал со смехом носиться по залу. «Петька! Петька!» — кричал он, бегая за птицей, опрокидывал стулья, прыгал на столы, словно ненароком толкал и ударял следователя. Караульные не знали, кого ловить — воробья или Камо. Наконец, кто-то догадался распахнуть окно, и Петька вылетел на волю.

Допрос пришлось отложить.

Этим днем Камо был очень доволен.

После несостоявшегося суда его перевели в городскую лечебницу, посадили в одиночную камеру и приставили специального надзирателя. Все его действия записывались.

Прокурор неоднократно заявлял начальнику тюрьмы, что его следует держать в отдельной камере под тщательным надзором. На одно из этих заявлений начальник тюрьмы наложил резолюцию: «Пусть прокурор знает, что он у меня был совершенно здоров и только на суде стал сумасшедшим». А врачи, тем не менее, требовали, чтобы с Камо сняли кандалы, которые удручающе действовали на состояние больных.

Под окном палаты Камо, которое выходило на пустынный берег Куры, каждую ночь дежурил наряд полиции. Днем они охраняли двор. Администрация была теперь спокойна — побег был невозможен. Но Камо думал иначе. Несмотря на надзор, он каким-то образом сумел установить связи с сестрами и товарищами.

«Может быть, вы думаете, я правда помешался? — пишет он Джаваире. — Нет, я лишь притворяюсь. У меня больше нет сил выдерживать эти муки. Единственное спасение мое в бегстве. Я не хочу умирать в заточении. Я хочу быть свободным, жить, видеть солнце. Я хочу еще послужить революции. Постарайтесь организовать мой побег».

Камо подружился с одним из служителей больницы — Брагиным, который и был посредником в переписке его с сестрами. Камо вскоре открыл ему свой план бегства, и Брагин помогал ему, чем мог. Он принес Камо стальной напильник для распиливания оконной решетки и кандалов, потом доставил веревку и одежду. Все это Камо спрятал под тюфяк. В дни дежурства Брагина он пилил решетку и, чтобы никто не заметил этого, залеплял хлебным мякишем распиленные места. Когда все было подготовлено, он назначил день побега и сообщил сестрам. Это было 15 августа 1911 года.

С утра над городом навис зной. Солнце жгло немилосердно. Стояла угнетающая тишина. Как всегда, Камо принесли завтрак. Начался обычный, похожий на все предыдущие, больничный день. И только сердце Камо билось так, словно стремилось опередить время.

В 10 часов утра к Верийскому мосту, откуда было видно окно камеры Камо, должен был подойти Котэ и подать знак Камо, чтобы он начал спускаться по веревке.

Котэ запаздывал. Камо не отходил от окна, вглядываясь в каждого прохожего. Наконец, Котэ в белом костюме, с белой шапкой в руке по-

явился на противоположном берегу. Он остановился у моста, но почему-то очень долго не подавал знака. Может, не ждать, спуститься? Но нет. Вот мимо Котэ промелькнули Джаваира и Сандухта. Они торопливо перешли мост и направились к самому окну Камо. А знака все не было. Камо уже стал тревожиться, как вдруг белая шапка Котэ трижды прочертила воздух. Веревка стремительно заскользила вниз по стене. Камо отогнул распиленные железные прутья решетки и вылез из окна. Тело его на миг повисло высоко в воздухе, а потом он стал медленно опускаться к земле. Неожиданно Камо стремительно полетел на зеленый мшистый берег. На стене болтался обрывок веревки. Джаваира и Сандухта на мгновение замерли на месте, но, овладев собой, бросились к брату. Камо уже встал. Прихрамывая, подошел к воде, швырнул что-то в мутные, бурные волны Куры. Это были его кандалы. Смеясь и плача, сестры бросились обнимать брата.

Переулками все трое выбрались на Михайловскую улицу.¹ Бесконечно пересаживаясь с трамвая на извозчика и снова на трамвай, они добрались, наконец, до конспиративной квартиры, где их уже ждали друзья.

Спустя две недели Камо на велосипеде выехал из Тбилиси в Мцхета. Там его встретил Котэ с билетами до Батуми.

Через три дня из Батумского порта вышел пароход, направлявшийся за границу. Между мешками, ящиками и различным грузом в трюме парохода затерялся и худощавый человек с твердым взглядом суровых золотистых глаз.

Через неделю Камо сошел с парохода на пристань Марсельского порта. Приведя себя в порядок, он в тот же день вечерним поездом выехал в Париж, где тогда жил Ленин. Адрес Ленина Камо узнал еще в Тифлисе. С трудом нашел он улицу и дом, где жил Ильич, и, с бьющимся от волнения сердцем, взбежал на четвертый этаж. Двери открыла ему Надежда Константиновна. Она не сразу узнала Камо и несколько секунд выжидающе смогрела на незнакомого молодого человека, который ей широко и радостно улыбался.

— Камо! Неужели это вы?! — наконец воскликнула она.

— Не узнали, Надежда Константиновна?

— Каким образом вы здесь? Так неожиданно! Да войдите же, войдите. Вот обрадуется Ильич!

Она провела Камо в кухню, которая одновременно служила и столовой.

— Володя, иди сюда! Посмотри, кто к нам пришел! — позвала она Ленина.

Ленин очень обрадовался Камо. Он долго тряс ему руку, улыбался, щуря свои лучистые глаза, и сразу же стал расспрашивать Камо, как он попал в Париж.

— Ведь берлинская полиция передала вас России, как же вы здесь очутились?

— Бежал из тифлисской тюрьмы.

— Бежал из тюрьмы? Еще раз?

— Да.

— Как же это вы умудрились? Кон писал мне, что побег невозможен, что вас в кандалах держат в психиатрической лечебнице, — Ленин встал, заложил большой палец правой руки за жилетку, левую сунул в карман и прошелся по комнате.

— Да, все это так и было, но вот, убежал, — застенчиво улыбаясь, проговорил Камо.

Такой ответ мало удовлетворил Ленина и Крупскую. Камо пришлось рассказать всю историю своего заключения и побега. Ильич слушал с большим интересом и вниманием. Он быстро шагал по комнате, порой останавливался, переспрашивал.

— Да что ж это я! — воскликнула вдруг Надежда Константиновна. — Вы ведь проголодались с дороги! — и она принялась варить кофе. Вскоре гость и хозяйка уселись за стол.

¹ Ныне проспект Плеханова.

— Ну, а как настроение у тифлисских товарищей? — допивая кофе, спросил Ленин.

— Многие в тюрьмах, в ссылке, но борьба продолжается. А меньшевики за ликвидацию партии.

Ильич встал. Прошелся по комнате и остановился перед окном.

— Обязательно нужно созвать конференцию, — решительно сказал он.

* * *

Камо часто бывал у Ленина, где его принимали очень тепло и радушно. Но ему не терпелось вернуться на родину.

— Скоро я вернусь в Грузию, разыщу товарищей, снова буду бороться, — говорил он Крупской.

— Соскучился, Камо? Но ведь там тебя могут быстро обнаружить, арестуют, а ты знаешь, чем тебе это грозит. Лучше живи пока здесь.

Но Камо вскоре действительно выехал из Франции.

Из Западной Европы Камо едет в Турцию. Здесь, в пригороде Стамбула, жили грузинские католические монахи, оппозиционно настроенные к русскому правительству. У них находили приют бежавшие из Грузии политические деятели, которые вели борьбу с царизмом. Сюда направился и Камо. Он выдал себя за грузинского социал-федералиста и быстро вошел в доверие к монахам. С их помощью он раздобыл паспорт на имя дворянина Зоидзе и поехал в Болгарию за оружием. Но болгарская полиция приняла его за турецкого шпиона и арестовала. Однако Камо не растерялся. Вспомнив, что вождь болгарских революционеров Благоев знал его еще со времен международного конгресса в Копенгагене, Камо потребовал свидания с ним. Благоев удостоверил его личность, и Камо был освобожден. Закупив оружие, Камо возвратился в Турцию, где его опять арестовали. Но Камо и на этот раз удалось добиться освобождения. Он заявил президенту полиции, что приехал от лица социал-федералистов Грузии, чтобы просить руководителей турецких господствующих партий принять такое же участие в судьбе Грузии, какое Россия и Австрия приняли в судьбе Македонии и Албании. Тем более, что сейчас Россия, пользуясь удобным моментом, сконцентрировала крупные военные силы в Карсе.

Камо так горячо и с таким знанием дела убеждал президента, что в конце концов ему поверили и не только освободили, но еще и напутствовали: «Смотрите, будьте осторожны, если не сможете вывезти все оружие, обращайтесь к нам — мы вам поможем».

Летом 1912 года Камо приехал в Батум, но здесь он пробыл недолго и вскоре перебрался в Тифлис. Это был опрометчивый шаг. Город тогда кишел шпионами и провокаторами и, конечно, о приезде Камо очень скоро стало известно полиции. «Не всегда кувшин будет воду носить, когда-нибудь и сломается», — гласит народная пословица. Вскоре власти напали на его след, и 10 января 1913 года Камо был задержан на Дворцовой улице.¹

* * *

Снова тюрьма. Одинокaя камера. Удвоенная стража. О побеге нечего и мечтать. Теперь уж Камо не миновать смертной казни.

Но этот удивительный оптимист не терял надежды.

Дело Камо было передано в военно-полевой суд. Четвертого февраля Камо перевели в камеру смертников. Врачебная комиссия признала его совершенно нормальным и здоровым человеком. 1 и 2 марта 1913 года суд вынес смертный приговор.

Но и на этот раз ему повезло. В 1913 году исполнялось 300 лет царствованию дома Романовых. По этому случаю была объявлена амнистия, и Камо смертную казнь заменили двадцатилетней каторгой.

¹ Ныне проспект Руставели.

«Эх, хоть и не хотел я спастись милостью царя, а вот пришлось. Ну, да ничего! Долго задерживаться я здесь не собираюсь, как-нибудь уж отблагодарю их величество!» — шутил Камо с товарищами по заключению.

Он вновь воспрянул духом. Ведь с каторги можно бежать! И опять бороться за революцию! Полный радужных надежд, Камо пишет Джаваире: «Жизнь моя спасена! Я здоров и жду лучшего будущего. Ведь я железный человек! Мне ничего не страшно».

* * *

В августе 1914 года грянула первая мировая война. Приговор Камо был утвержден только в декабре. Через месяц его отправили в Харьковскую каторжную тюрьму. Камо решил бежать по дороге, но его везли под таким конвоем, что это было совершенно невозможно.

Камо привезли в Харьков, где у него не было ни друзей, ни знакомых. Он переписывался с Джаваирой. Письма их были, конечно, зашифрованы. Камо писал Джаваире о некоем Андрее, который хочет поступить в университет: «Прошу тебя очень, как можно скорее устрой Андрея, он страшно переживает. Чем скорее он сдаст государственные экзамены, тем лучше — скорее будет самостоятельным».

Но время шло, и Камо, будучи не в состоянии больше ждать, решил прикинуться мертвым и затем бежать из покойницкой. Но, к счастью, в это время на свидание с братом приехала Джаваира. Один из арестантов, посвященный в план Камо, сказал ей, что он погибнет, так как перед выносом из тюрьмы мертвецов ударяют по затылку деревянным молотком.

Так провалился и этот план побега.

А тем временем в стране разворачивались большие события.

Камо сидел с уголовниками, но ухитрился установить связи и с политическими. Политкаторжане были более или менее осведомлены о происходящих событиях. От них Камо и узнавал новости. Он был возмущен поведением предателей дела рабочего класса, призывавших вести войну до победного конца.

Однажды в тюрьму пришла долгожданная весть — царь Николай свергнут с престола! Самодержавие пало!

Радости Камо не было границ. Ведь это значило, что вскоре он будет на свободе, что Ленин вернется из эмиграции, что революционное Временное правительство выведет Россию из мировой войны и поведет иную борьбу — борьбу за утверждение нового строя. И тогда, наконец, Камо сможет получить образование, поступить в политехнический институт, чтобы быть нужным и полезным человеком в той большой светлой жизни, которая наступит в его стране.

Он с нетерпением ждал амнистии. Но проходили дни за днями, а в жизни заключенных ничего не менялось. Камо тосковал. «Меня еще не выпустили, и я не знаю, выпустят ли, хотя все знают, что мои дела были сделаны для революционных целей, — писал он сестрам. — Если, несмотря на все, меня не освободят, вы не хлопчите и не просите никого обо мне... Только прошу тебя, дорогая Джаваира, приехать ко мне возможно скорее, и если ты будешь обманывать меня обещаниями, как до сих пор, то имей в виду, что от меня более писем не получишь, и я порву с вами всякие отношения».

Но 6 марта 1917 года Камо был освобожден и, конечно, сейчас же поехал сперва в Баку, а затем в Тифлис.

Родные, друзья, товарищи окружили измученного, полубольного Камо вниманием и заботой. Но он поехал все же в Петроград к Ленину. Владимир Ильич, увидев в каком он состоянии, уговорил его прежде всего восстановить свое здоровье... Камо вернулся домой. Здесь родные и друзья убедили его отдохнуть три месяца в Уцере. Но долго он там не смог пробыть. 15 августа, вернувшись из Уцеры в Тифлис, Камо вскоре выехал в Петроград. Он хотел еще раз повидать Ленина. Однако в Петрограде застал только Крупскую — Ленин тогда был вынужден скрываться

от агентов Временного правительства, и Камо снова приехал в Тифлис. Через несколько месяцев он снова отправился в Петроград. На этот раз ему удалось повидаться и с Лениным и со Сталиным. В это время Совнарком назначил Степана Шаумяна специальным комиссаром по делам Кавказа. Нужно было отвезти в Тифлис и вручить Шаумяну мандат за подписью Ленина и Сталина. Камо был для этого самым подходящим человеком, и Ленин поручил ему это дело. Гордый оказанным доверием, Камо с честью выполнил поручение Ильича.

В это время в Тифлис с Северного Кавказа приехал Серго Орджоникидзе. Почти месяц он прожил у Камо, в его конспиративной квартире (в меньшевистской Грузии Камо приходилось скрываться). Орджоникидзе собирался ехать в Москву, и его отъезд большевистский окружной комитет поручил организовать Камо. Он должен был сопровождать Орджоникидзе с женой и еще несколькими большевиками сначала в Баку, а оттуда — морем в Астрахань, где их ждал Сергей Миронович Киров.

— Смотри, Камо, будь осторожен, ты ведь знаешь, — предупреждал его Орджоникидзе перед отъездом.

— Я — Камо, ты ведь тоже знаешь, — многозначительно ответил ему Камо.

Действительно, до Астрахани они доехали прекрасно, а оттуда специальным вагоном Киров отправил их в Москву.

В Москве Камо виделся с Лениным. И на этот раз Владимир Ильич дал ему не менее ответственное задание. Для борьбы с бандами Деникина нужно было создать отряд, который можно было бы забросить в тыл врага и оттуда нанести сокрушительный удар по деникинскому штабу. Организация этого отряда и была поручена Камо. Сам он должен был в кратчайший срок пройти военную подготовку и изучить все обязанности и права красного командира. Когда Ленин сообщил ему о своем решении, восторгу и радости Камо не было границ.

— Я очень скоро обучусь всему! И людей сам подберу, Владимир Ильич! Все сделаю! — горячо уверял он Ленина.

— Ну, ну, смотри же, не оплошай! — ласково улыбаясь, отвечал Ильич.

За очень короткий срок Камо организовал отряд, состоявший преимущественно из кавказцев.

С этим отрядом он провел немало сложных и опасных операций, участвовал в многочисленных боях с белогвардейскими бандами.

Когда окончилась гражданская война, Камо вернулся в Тифлис, где все еще хозяйничали меньшевики. Здесь он был арестован и два месяца просидел в Метехской крепости.

Выйдя из тюрьмы, Камо снова поехал в Москву.

* * *

Легендарная жизнь Камо — замечательный пример самоотверженного служения делу рабочего класса. Максим Горький, с которым Камо познакомил известная русская революционерка Елена Стасова, написал о Камо статью, в которой с большой теплотой описывает встречи с ним и дает замечательную характеристику этому необыкновенному человеку. «Иногда кажется, — пишет Горький, — что Камо избалован своими удачами, той ловкостью, с которой он выходит из любых трудных положений, и поэтому немного проказничает. Но это происходит у него не от ветреного хвастовства молодости, или от желания выделиться, показать себя, или, скажем, от романтичности. Истоки этого таятся в другом. Проказничает Камо с полной серьезностью, но в то же время он живет, словно во сне, не считаясь с действительностью...»

И дальше: «Это был человек детского наивного мышления. Хочу к этому добавить, что в любви он был беспорочен и не искушен».

Действительно, он был всецело поглощен революционной деятельностью, и мы никогда ничего не слышали и не знали о его личной жизни.

Женился Камо лишь после установления Советской власти. «Он еще не изжил в себе юношу и юношески романтично был влюблен в хорошую женщину, хотя и не блиставшую красотой, да, кажется, и старше него, — пишет Горький. — О своем романе он говорил с тем лиризмом страсти, который доступен только здоровым, сильным и целомудренным юношам...»

Яркая, богатая событиями жизнь Камо восхищала Горького. Он очень хотел, чтобы советское искусство запечатлело ее, и очень был доволен, когда в 1931 году в Грузии был выпущен фильм о Камо.

«С удовольствием, — писал он, — узнал, что грузинская кинопромышленность выпустила картину «Камо». Я очень рад. Такие фильмы необходимы. Воспитательное значение их для молодежи очень велико. Мы должны показать Камо таким простым, безгранично смелым, ясным, каким он был. Это был человек без всяких эффектностей. Он был подлинным художником революции.

Я искренне, от всей души, от всего сердца желаю грузинской кинопромышленности успехов в ее работе...»

Кончилась гражданская война. Страна, утомленная битвами, вступила в мирную жизнь. Рождалось новое хозяйство, новая экономика. Весь народ включился в мирный созидательный труд.

Теперь и Камо, наконец, смог осуществить свою мечту — продолжать учебу.

Встретившись с Лениным, он рассказал ему о своих намерениях и попросил помощи и совета. Ленин с одобрением слушал Камо.

— Правильно, молодец! Тебе нужно учиться! — И, немного помолчав, предложил: — А не хочешь ли ты поступить в военную академию?

— О, это моя заветная мечта! — воскликнул Камо.

— Ну, значит, решено!

И Камо начал готовиться к сдаче приемных экзаменов. Жена его, Софья Васильевна Медведева очень помогала ему в занятиях.

Однако в 1921 году, вновь встретившись с Лениным на X партийной конференции, Камо попросил у него какой-нибудь работы. По распоряжению Ильича Камо прикрепили к Совнаркому исполнителем особых поручений. И учеба опять была забыта.

Летом 1922 года я встретил Камо в Тбилиси. Как всегда, он первый узнал меня. Оба мы очень обрадовались встрече и от волнения долго молчали, пожимая друг другу руки.

— Ну, как ты, Камо? — спросил я его наконец.

— Как видишь, жив, здоров и опять борюсь!

— Ты не женился еще?

— Женился, — смущенно улыбаясь, ответил он.

— А кто твоя жена?

— Она русская, врач. Очень умная и образованная женщина. Она со мной занималась, но и это мне не помогло. Ведь пока еще нужно работать! Нужно уничтожить всех врагов, которые нас окружают!

— Это верно, — согласился я.

— Дата! — оживленно заговорил Камо. — Ты ведь вместе с Лениным вернулся из-за границы? Вот человек, а? Такой умный, такой серьезный, великий человек! А ты заметил, как он смеется? Просто, как ребенок! Заметил?

— Конечно!

— Знаешь, мне часто приходилось встречаться и с Либкнехтом, и с Плехановым, и с Каутским, и с Горьким, которого я близко знал, — но Ленин — это совершенно особенный человек. Он совсем другой! Простой, душевный такой, приветливый, внимательный! Он один такой во всей России.

Долго еще говорили мы с ним. Вспоминали старых товарищей, 1905

год, Батуми... Камо, прощаясь, просил меня обязательно зайти к нему повидаться с тетей, с сестрами и познакомиться с женой. Я обещал.

Но, увы, эта наша встреча оказалась последней.

16 июля 1922 года я прочел в газете «Комунисти» глубоко потрясающее меня сообщение:

«14 июля трагически погиб известный революционер, видный партийный работник, товарищ Камо (Симон Петросян).

В 11 часов вечера тов. Камо спускался на велосипеде по Верийскому спуску¹ — по левой стороне. Навстречу по правой, шел автомобиль. Фары автомобиля горели. Тов. Камо не рассчитал и повернул в ту же сторону, куда повернул и автомобиль, на полном ходу велосипед налетел на автомобиль, ударивший тов. Камо передним крылом.

Удар был настолько силен, что тов. Камо отбросило в сторону, и он ударившись головой о каменную тротуарную плиту, потерял сознание...

Отсюда он был доставлен в Михайловскую больницу, где, не приходя в сознание, скончался в 3 часа утра».

Так неожиданно и нелепо погиб этот замечательный человек, стойкий борец за великое дело трудящихся, верный сын партии и народа.

Камо похоронили в сквере на Эриванской площади. На его могиле, среди несметного множества цветов и венков выделялись два венка — один с надписью:

«Незабвенному Камо
от Ленина и Крупской».

И второй:

«Бессменному часовому пролетарской революции
от ЦК РКП(б)».

* * *

Дорогой Камо! Я закончил летопись твоей славной жизни. Но мне хочется, чтобы ты всегда был со мной, чтобы и на закате моей жизни ты остался бы моим первым другом.

Ты был чужд всякому тщеславию, честолюбию. Ты был простым, рядовым солдатом революции, восторженным и целеустремленным, волевым и стойким. Ты обладал удивительной силой воли! Всем сердцем ты отдался делу революции, а когда сердце и воля сплетаются воедино — рушатся скалы и всходит солнце победы. И ты побеждал. Ты самоотверженно служил партии, которая тебя воспитала и была источником твоей силы.

Теперь, окинув взглядом прошлое, я еще яснее осознал, в какую великую эпоху мы жили. Современность — ее дитя. И ты боролся за ее рождение.

¹ Ныне спуск Элбакидзе.

Шалва Абхаидзе

Н О В Ы Е С Т И Х И

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ОСОБЕННО ХОРОШ

Перевод с грузинского Е. Николаевской

69.308
Сегодня день особенно хорош!
Был тучей я, но туча пролилась,
Дождь смыл ночную мглу с лица земли...
Я славлю росчерк ласточек вдали —
Они весну на крыльях принесли.

Сегодня день особенно хорош!
Качнулась ель в небесной синеве,
Мелькнула грусть — и вот уж грусти нет!
Сегодня вижу только жизни цвет,
И у тебя в глазах — весенний свет!..

Сегодня день особенно хорош!
Я слышу, как ликует молодежь,
Как голуби шумят в сиянье дня,
Мир рукоплещет, песнями звеня, —
Вот-вот ладони треснут у меня!..

Сегодня день особенно хорош —
Таким красивым не был он вовек!
Блестит Тбилиси в синеве сквозной,
Густая синь висит над крутизной,
Плывет над Картли васильковый зной.

Сегодня день особенно хорош —
Мечтами дышит весь земной простор,
Над миром вспыхнул молодости сад,
Цветы, как птицы, над землей летят —
Я сердцем слиться с юным полднем рад!

Сегодня день особенно хорош —
Взгляни, он всеми красками цветет,
Я верю: мгла его не захлестнет,
И сердце, сбросив ночи мрачный гнет,
Любовь и свет, не отрываясь, пьет.

ИСПОВЕДЬ

Перевод с грузинского Л. Магистровой

Подходит к концу мой нелегкий путь.
Как знать —
 за каким поворотом смерть?
Усталому сердцу пора б отдохнуть.
Мечте непокорной —
 пора б присмиреть.
Но тщетно склоняет меня к земле
Тревожная тяжесть прошедших лет.
Ведь сердце живет!
Ему все милей
Земной красоты нетленный цвет,
Последний привет угасшего дня,
И нового утра трепетный луч.
...Природа властно зовет меня,
А зов природы — могуч!
Как много заложено в слове «жить», —
Дыханье цветов,
Созвучья стихов.
Я жизнь до капли хочу испытать,
И только потом сказать:

«Готов».

Неизлечимой любовью к земле
Болен я.
И в последний путь
Готов,
Чтоб тепло, что живет во мне,
Этой земле вернуть.

КОГДА Я ПИСАЛ СТИХИ

Перевод с грузинского И. Снеговой

О чем я только не писал стихов!
Каким путем я к ним ни шел навстречу!
Вот дождь мне шепчет много добрых слов,—
И входят в стих мой этот дождь и вечер.

Прислушайся к моей строке — и ты
Услышишь дальний отзвук водопада,
И ветер гор, гудящий с высоты,
И стук станка и грохот канонады.

Подругу встречу юности моей,
В чьих пальцах трепет пламени таится,
И мысль моя, прикованная к ней,
Уже спешит скорей в стихах излиться.

Вплывает в стих и небо в октябре,
Орел влетает с клекотом и криком,

Врастает дуб, стоящий во дворе,
Как мать-земля, исполнен сил великих.

Весь век свой шел с родным народом я,
Одной мечтой с ним жил, одной борьбою, —
Вот почему навеки песнь моя
Судьбу свою слила с его судьбою.

«ЛЕТОПИСЬ ГРУЗИИ»

Перевод с грузинского Г. Мазурина

Летопись эта
 кровью горячей
Писалась в мерцанье зарниц;
Над ней
 только меч обнаженный маячил,
И нет в ней
 спокойных страниц.

В ней
 с каждой страницы
 сабельный скрежет
И лязг рассеченных кольчуг!
В ней
 черное горе над временем кружит,
В ней
 слезы тяжелых разлук.

В ней
 гибнут в пожарах грузинские горы
И сердце сгорает мое...
О пращур далекий,
 родные просторы
Спасло мне
 твое бытие!

Покой не дают мне
 ни поле Марабды,
Ни тишь за Метехской стеной...
Я тронул страницы —
 далекие правды, —
Я молнии тронул рукой.

Я дальше листаю святыи страницы —
Мне
 новые дали видны,
И свет несказанный
 струится,
 струится
На грудь моей древней страны.

И вижу я Грузию в буре великой,
Свободною вижу страной,
И небо

глубоко

над ней, солнцеликой,
Горячей горит синевой.

И ветви весенние сильных растений
Заполнили новый наш сад!

Я

дальше

листаю страницы свершений,
И годы летят и летят.

В славную летопись

дат и событий

Вписал

в наш стремительный век

Страницы

дерзаний,

труда

и открытий

Советский

простой

человек.

РУСТАВИ

РОМАН

Продолжение

Перевод с грузинского Т. Гамкрелидзе

Вепхиа схватил письма и уже ничего не видел и не слышал вокруг. Он держал в руках письмо от Мзекалы — поистине сегодня был праздничный день!

«...Мы читали твое письмо всей деревней. Вепхиа, что ты пишешь? В каком ты находишься пекле! Мужчины единодушно решили во что бы то ни стало выволить тебя оттуда.

Если не хватит на дорогу тех денег, которые прислала твоя тетя Сандуа, — сообщи, мой отец и все остальные соберут сколько нужно и пришлют по телеграфу. Оказывается, тогда получишь их на второй или третий день.

Апарека поручает привезти ему сталь для шашки и спрашивает — выковал ли ты себе лезвие? А парни говорят, что ты приедешь с шашкой, острее бритвы и тверже алмаза. Приезжай, Вепхиа...»

Вепхиа улыбнулся — снисходительно, как улыбается взрослый, слушая лепет ребенка. Но все же ему стало приятно, когда он представил себя идущим по деревне в старинном, расшитом бисером, талавари, с шашкой на боку.

Вепхиа уже видел, как стоит на гребне скалы; внизу, рассекая зеленое море колосьев, идет Мзекала с волосами цвета меда, улыбается, взбегаёт на пригорок и тихо говорит:

— Приехал, Вепхиа?

И заглядывает ему в глаза.

— Из-за меня вернулся?

— Из-за тебя, родная!

Вепхиа даже зажмурился. Когда он открыл глаза, почти все ребята ушли. Он один сидел на койке. За окном шумел дождь, ветер гудел в печке, гремел железными листами на крыше.

Разбрызгивая лужи, по улице проехала автомашина. Бледные лучи фар заглянули в комнату.

Вепхиа зажег свет и снова углубился в чтение письма.

«...Лела вышла замуж за Гага, Бецика переселился с семьей в Кахетию. Говорят, нас всех собираются переселить в долину. Утурги и Мгелика руководят этим делом, а старейшие против: мы, мол, здесь родились и здесь же должны умереть.

Вепхиа, приезжай, милый. Приезжай, и мы переедем вместе. Хоть бы и я могла увидеть эту большую страну. Но разве я удостоюсь? У нас по-прежнему одни скалы, туман и горы... За все лето два раза было кино. Приезжай, Вепхиа».

Вепхиа долго глядел в окно. По стеклам бил дождь и струйками стекал вниз.

Второе письмо было от тети Сандуа. Она тоже звала его поскорее приехать, заклинала именем покойного брата — отца Вепхиа.

Эти письма наполнили гордостью сердце Вепхиа. Да. Он вернется. Но только не сейчас. Он прежде всего изучит свое дело и вернется в родную деревню, когда станет мастером.

Вепхиа снова ясно представил себе, как возвратится в Хевсуретию совершенно изменившимся, взрослым, в новом костюме. И у него обязательно будет галстук, красивый, как у Чичико Шубитидзе. Даже лучше.

Вот удивится Мзекала, когда увидит его таким нарядным! Удивится и, пожалуй, не узнает. Вместо юноши-хевсура с шашкой через плечо — молодой человек в городском наряде. Но на следующий день он наденет вышитую ее руками рубаху, перепояшется шашкой.

Шашкой?

И Вепхиа вскочил, натянул шапку, накинул брезентовый плащ и вышел на улицу.

Холодный ветер, словно обрадовавшись, набросился на него, заполз под одежду, рвал плащ, кидал в лицо пригоршни дождя.

Вепхиа запахнул плащ покрепче и, шлепая по лужам, прошел несколько кварталов.

Уже на пороге булатовского дома он помедлил минуту, потом решительно покрутил звонок.

Дверь отворила Аниська.

— Ух ты, Тигр! — удивленно воскликнула она. Видимо, приход Вепхиа обрадовал ее. Но не желая показать это, Аниська деловито сказала:

— Заходи.

— Я к отцу. Василий Иванович дома? — глухо произнес Вепхиа.

— Дома. Да входи же. Ты весь вымок. Снимай дождевик. Вот тряпка, вытирай ноги.

Аниська справилась с волнением и, пропуская Вепхиа в комнату, подчеркнуто спокойно позвала:

— Папа, к тебе Тигр пришел.

— Давай его сюда! — отозвался Василий Иванович.

Он играл с сыном в шашки. Вид у него был весьма сосредоточенный.

— Здорово, Вепхиа! — сказал он. — Присаживайся... Ни одну партию не могу выиграть у этого сморчка.

Он сделал ход и ожидающе уставился на сына. Но Булатов-младший неожиданно «съел» четыре шашки, вышел в дамки и торжественно заявил:

— Проиграл! Сдавайся.

Василий Иванович огорченно смешал шашки и встал.

— Василий Иванович, у меня есть одна просьба, — сказал Вепхиа. — Помните, вы обещали повести меня к мастеру? Вашему другу...

— К Анিকেю? Как же... Однако, в такую погоду? Ты что, сейчас хочешь?

Василий Иванович посмотрел в окно.

— Впрочем, к Аникею Григорьевичу можно, он тут неподалеку живет. Они надели плащи и вышли на улицу. Дождь моросил по-прежнему, но ветер утих. Стемнело. Редкие фонари мигали вполнакала красными бликами.

— Отстают с энергией, не поспевают, — пробурчал Василий Иванович. — В доменном новую печь задули, вот электричества и не хватает. Город-то ведь иждивенцем сидит у завода. А у вас, в горах, электричество есть?

— Есть, Василий Иванович! — откликнулся Вепхиа. — В нашей деревне нет, война помешала. А в Барисахо есть.

— Война помешала, — задумчиво протянул Булатов. — Многому она помешала. А все же осилили мы ее...

Они остановились у старинного деревянного домика. Василий Иванович подергал за подвешенное к проволоке кольцо, и где-то в глубине дома, за стеной, зазвенел звонок. Однако открывать им не торопились.

— Аникей Григорьевич, — заговорил Булатов, — знаменитый был мастер. Еще в Златоусте. Дед его, Кузьма, у Аносова обучался. Ну и сам Аникей что хочешь сделать сумеет, а главное — секрет знает, сталь варить может особую — булат.

За дверью послышалось шарканье и глухой голос спросил:

— Кто там?

— Свои, Аникей Григорьевич, свои! — ответил Булатов. — Отворяй двери, принимай гостей...

Дверь со скрипом раскрылась — и как раз в эту минуту свет на улице мигнул и погас. В прихожей вспыхнул красный язычок коптилки, осветив грузную фигуру в накинутом на плечи халате, и низкий густой голос произнес:

— Разоблачайтесь. Свет сейчас дадут, это подстанцию пробуют. Подключают.

— И все-то ты знаешь, Аникей Григорьевич, — засмеялся Булатов. — Вот гостя тебе привел, любителя оружия. Ученик мой, Вепхиа.

— Очень приятно, — пробасил старик. — Входите. Анфиса, зажги молнию.

Комната, в которой они очутились, походила на мастерскую. Посередине стоял стол, освещенный лампой-молнией в массивном железном футляре с завитушками. По обе стороны ее свисали цепи для спуска и подъема. Лампа напомнила Вепхиа мостовой кран в миниатюре.

На полках, лавках и тумбочках вдоль стен расположились модели паровых машин, тигели, тиски различной величины, блестящие куски минералов, зубчатые шестеренки и колесики, причудливые формы для литья, винты, инструменты и даже малахитовая скульптура. В одном углу стояли бронзовые часы на подставке, в другом — пальма в деревянной кадке. Вепхиа подошел поближе и убедился, что пальма была железной.

— Ну, познакомимся, — прозвучал тот же густой глуховатый голос, и хозяин протянул гостю руку. Только теперь Вепхиа как следует разглядел его.

Аникей Григорьевич улыбнулся, обнаружив пожелтевшие, но крепкие зубы и, наклонив голову с густой, без единого седого волоса, шевелюрой, приветливо сказал:

— Что ж вы стоите? Присаживайтесь.

Вепхиа сел и сейчас же утонул в мягком старинном кресле. Брон-

зовые часы вдруг зазвонили, заиграли, и вслед за мелодичным боем из-за малахитовой фигуры выскочила кукушка и пропела три раза: «ку-ку, ку-ку, ку-ку».

Василий Иванович сидел и смеялся:

— Ну, как тебе нравится здесь, Тигр? Музей да и только.

Неожиданно вспыхнул свет и заиграл на полированных боках медной модели паровоза.

— Да будет свет! — воскликнул Булатов. — Надолго ли?

— Анфиса говорит, подсоединили к новой подстанции. Теперь будет. Ну как у тебя, Вася, дела? Что Евпраксия Ивановна, как меньшей? Все хотел зайти, да Ванюшке обещал самострел, а никак не соберусь смастерить его.

— Делать тебе нечего, Аникей Григорьевич! — сказал Василий Иванович. — И без твоего самострела все стекла на улице разбил рогаткой. За воробьями охотится.

— Тоже нешуточная охота! — засмеялся старик. — А этот хлопец откуда? На нашего не похож.

— Он с Кавказа. Приехал обучаться сталь варить.

— Кавказец, говоришь? — Аникей Григорьевич не сводил с Вепхиа глаз. — Я многих знал с Кавказа. В Златоусте был один инженер — Гогавя Геннадий Петрович. Хороший человек... — Потом задумался и спросил: — Так это ты любитель оружия?

Аникей Григорьевич повернулся к Булатову:

— Что же он понимать может, Вася? У него ведь еще молоко на губах не обсохло, молод еще.

— Да ты покажи все же, что у тебя есть.

— Э-эх, — вздохнул хозяин. — Много вы понимаете, знатоки. Вот, помню, разбирался в оружии великий князь Владимир Сергеевич. Бывало, из Петербурга приезжал специально ко мне в Златоуст. Пожалуй, самую богатейшую коллекцию холодного оружия имел. Даже в Москве, в Кремле, в Оружейной палате половины того нет, что он собрал.

— А сабли у вас какие в ходу? — продолжал Аникей Григорьевич, обращаясь к Вепхиа. — Кавказ всегда славился отличным оружием.

— У нас самой хорошей шашкой считается давитперули, — робко произнес Вепхиа и нерешительно посмотрел на Аникея Григорьевича.

— Что?

— Давитперули.

— Ничего не понимаю. Как ты сказал? Давит...

— ...перули.

— Перули, перули. Может, ты имеешь в виду мечи Ферара? Ты слышал что-нибудь о мечах Ферара с обоюдоострыми клинками?

— Нет. У нас давитперули ценится в двадцать пять коров.

— Ничего себе. Ваши цену знают. Так какова же она, эта сабля? Вепхиа беспомощно оглянулся и даже привстал от волнения.

— Не знаю, как объяснить. Вот, если вокруг руки обогнуть, а потом отпустить — выпрямится.

— Ага, из булата. Понятно. Ну, а еще?

— Еще есть гранджа. Очень дорогая. Стоит двадцать коров.

— А она как выглядит?

— Как куриное крыло. Вся в точках. Красивая.

— Это, наверно, узорная сталь, — подсказал Василий Иванович.

— Какие там еще у вас имеются сабли? — продолжал спрашивать Аникей Григорьевич.

- Франгула.
- Франгула? Это что—оружие франков?
- Десять коров цена.
- Понятно. Дальше.
- Еще джарули. Тоже коров десять стоит. Есть еще горда.
- Горда? М-да. Никогда не слышал таких названий. Ну, вот что,— решительно встал Аникей Григорьевич, — пошли, покажу вам тут кое-чего.

Он отыскал старинный фонарь, зажег огарок свечи и, крикнув: «Анфиса, готовь чай!», повел Вепхиа и Булатова за собой.

Все трое спустились в кладовую. Она действительно была складом необыкновенных вещей. Вепхиа переступил порог и сейчас же ушиб колено о длинную перевернутую вверх дном лодку. В глаза ему бросился старинный трехколесный велосипед, переднее колесо которого было высотой с человеческий рост, а какая-то странная машина с колесами и крыльями заставила Вепхиа вспомнить мельницу в далеких горах. Вепхиа попробовал сделать еще шаг, но ударился головой об огромную железную клетку, в которой свободно можно было запереть льва, и застыл на месте.

Аникей Григорьевич повесил на гвоздь фонарь, открыл крышку большого, окованного железом, сундука и вытащил несколько чуть поржавевших сабельных лезвий. Одно из них он протянул Вепхиа.

Вепхиа потрогал большим пальцем лезвие, провел рукой по желобу клинка, приложил к глазу, проверил гибкость, потом отошел в сторону и рассек воздух.

— Хорошо! — вырвалось у него. — Лучше не может быть.

— погоди, — сказал старик, — мы ее сейчас наждачком протрем, тогда увидишь, какая это сталь. Настоящий булат.

Вепхиа посмотрел и другие шашки. Внутренне ликуя, он перебирал их, гладил, клал на место и снова брал. Ничего подобного не могло ему и присниться. Тут были сабли тяжелые и негнущиеся, как вертела; сверкающие, как зеркало, палаши; искривленные дугой ятаганы; гибкие казацкие шашки и тонкие, словно игрушечные, парадные шпаги. У одной турецкой сабли лезвие расширялось книзу.

— Это для парада, — показал на блестящий клинок Аникей Григорьевич. — Чтобы на солнце глаза слепить. Настоящее боевое оружие вот это, и вот это,— и он взял старинную турецкую саблю.— Видите, на конце — пошире и тяжелее, чтоб во время удара со всего взмаха обрушиться сильнее. Ну, а тебе, значит, эта пришлась по вкусу? Хвалю, хвалю...

Старик собрал остальное оружие, уложил в сундук, взял фонарь, и все трое вернулись наверх. Вепхиа держал в руках понравившуюся ему шашку.

В комнате их встретила немолодая уже, полная женщина. Она протянула Вепхиа руку, маленькую и жесткую, как рукавичка.

На столе пытело какое-то странное сооружение, в котором Вепхиа с трудом признал самовар.

— Господи, помилуй, опять сабли! — воскликнула женщина. — Отца не корми, не пои, дай только власть поговорить об оружии.

— Вот я и привел ему любителя, своего ученика, — сказал Булатов.

— Очень приятно! Только пора уже чай пить. Милости прошу к столу, — пригласила хозяйка.

— Обожди, обожди... Где шкурка? — засуетился Аникей Григорьевич, полез в ящик, порылся в нем и вернулся к столу с куском наждачной бумаги в руках. Он взял у Вепхиа шашку, потер клинок с обеих сторон, провел по нему мокрой тряпочкой и обрадованно произнес:

— Вот, любуйся!

Маленькие точки, пестрые, как расшитая хевсурская рубаха, образовали на тусклой поверхности шашки тончайший узор.

— Не хуже дамасской, — любовался шашкой старик. — Такой булат в старину на Кавказе делали. Дед мой Кузьма знал секрет, отца научил, тот меня, а я вот Васю хотел обучить...

— Я, Аникей Григорьевич, и без того могу варить сталь нескольких десятков марок. А булат никому сейчас не нужен, — ответил Василий Иванович.

— Тогда меня научите, — и Вепхиа в упор посмотрел на Аникея Григорьевича.

— А почему бы и нет, — с готовностью отозвался старый мастер. — Это раньше такие секреты в тайне держали. Теперь другие времена. Секрет этот я тебе открою. Только сперва научись варить сталь разных сортов. Ну, а булат — это так, баловство одно, — и Аникей Григорьевич махнул рукой.

— Мне нужно, — упрямо сказал Вепхиа. — В горах у меня старый дедушка, столетний кузнец. Сварю сталь, а он мне выкует шашку.

— Да для чего тебе шашка?

— У нас в Хевсуретии...

— Где это?

— Хевсуретия, Аникей Григорьевич, — вмешался в разговор Булатов, — это в Грузии есть такой уголок в горах. Верно я говорю, Вепхиа?

— Правильно. У нас в Хевсуретии человека не считают мужчиной, если нет шашки.

Старик с недоумением перевел взгляд с Булатова на Вепхиа, который мечтательно поглаживал мерцающий клинок.

— Хороша работа? Владей саблей. Дарю. На ловца и зверь бежит. Сколько времени в сундуке валялась, оказывается, тебя ждала. Рукоятку приделать — пара пустяков.

Вепхиа стоял, весь зардевшись от радости и смущения.

— Бери, Вепхиа, бери, — ободрил его Василий Иванович. — Знаешь поговорку: «Дают — бери, а бьют — беги...» Этой шашке — лет сто, не меньше. И, пожалуй, теперь уже их делать не будут. Только вот, на что она тебе?

— Ну-ну! — обиделся на него Аникей Григорьевич, а Анфиса засмеялась, пододвинула к себе самовар и сказала:

— Давайте лучше чаевничать, оружейники!

* * *

Вепхиа очень не хотелось, чтобы ребята увидели его с шашкой — засмеют. Поэтому он завернул клинок в газету, спрятал под плащ и попытался украдкой проскользнуть к себе в комнату. Но это не удалось, хотя, к его удивлению, никто и не подумал смеяться. Напротив, шашку рассматривали с большим вниманием, попробовали даже проверить: подходят ли к ней старые ножны. Но лезвие вошло лишь до половины.

— Ничего, Вепхо, подгоним, — успокоил его Ахмед. — Хочешь, я тебе это сделаю?

— Я сам справлюсь, — гордо сказал Вепхиа. — Ножны подточу немного и они будут как раз.

Он спрятал шашку под постель.

— Хорошая все же вещь шашка, — задумчиво произнес Ахмед. — Особенно если с ней уметь обращаться!

— А ну, если ты парень, выходи со мной драться — ты с шашкой, а я с хорошей дубиной! — не утерпел Бисмарк. — Покажу тогда тебе шашку! Шашка — ерунда...

— Это в твоих руках — ерунда, а в руках молодца...

— Рука молодца — сама оружие! — возразил Гайк.

Вдруг все замолкли — в дверях стоял Чахмах и неловко мялся. Он озирался по сторонам и не решался, по-видимому, войти в комнату. Из-за спины Эстате выглянула Шура Нятилова.

— Мальчики, у вас нет свободной койки? — спросила она.

— Есть, — ответил Гига, — вон, вторая от стены.

— Вот и ладно, — сказала Шура Чахмаху. — Располагайся.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

После того дня, когда Эстате уличили в воровстве, прошло три месяца. Все это время он лежал в больнице. Вначале Гига, Вепхиа и Тедо навещали его. Потом, когда убедились, что опасность миновала, ходить перестали и в конце концов совсем забыли о нем.

Сейчас Чахмах стоял в нерешительности, не зная, видно, как поступить. К койке он так и не подошел. Ребята, пораженные его неожиданным появлением, словно застыли.

В это время в дверях показался Симон Алпаидзе. Он тоже с удивлением взглянул на Эстате и спросил его:

— Пришел?

Чахмах не ответил. Но этот простой вопрос неожиданно разрядил обстановку. Отовсюду посыпались вопросы:

— Чахмах, ты живой?

— Совсем выздоровел?

Вепхиа даже достал и протянул ему шашку:

— Посмотри, какое у меня оружие!

Чахмах только криво улыбался и молчал.

Тогда, расталкивая ребят, к нему подошел Гига. Его коротко остриженные волосы сбились, открывая вспотевший лоб, а черные, глубоко посаженные глаза смотрели на Эстате уверенно и властно.

— Что же ты молчишь? — спросил его Гига громко. — В молчанку играешь? И тогда не хватило смелости признаться и сейчас молчишь. Знаешь, как нам досталось и от администрации, и от райкома комсомола?

— Уйду я, — пробормотал Чахмах. Он повернулся и взялся за ручку двери.

— Постой! — преградил ему дорогу Гига. — Я тебе мораль не собираюсь читать. Просто хочу сказать: будешь работать — рассчитаешься, вернешь все, что взял. По частям — с зарплаты. И никто тебя пальцем не тронет. Понятно? Лучше скажи — почему ты не сознался? Просили тебя по-хорошему, как человека. Собрание созывали.

— Не мог, Гиго-джан! — вырвалось у Чахмаха.

— Да почему, чудака ты этакий? Простили бы ведь, — недоумевал Гига.

— Не мог, Гиго-джан, — снова повторил Эстате.

— Зачем тебе понадобилось воровать? Чего тебе не хватало? В рембригаде говорят: такой выносливый, как Чахмах, в сто лет один раз родится! Человеком бы стал...

— Отпусти, Гига, — взмолился Чахмах, — я лучше пойду.

— Куда ты пойдешь, балда?

— Пойду. Не принимаете меня — не надо.

Чахмах опустил голову.

— Да кто тебя не принимает! Посмотри, как все обрадовались: и Вепхиа, и Симон, и Гайк. Раз пришел, все решили — изменился. Разве не так?

— Так.

— Ну, и дело с концом.

— Все верну, — сказал Чахмах тихо. — Потом отпустите?

— А кто тебя держит? Ты же сам пришел. Хочешь—уйди хоть сейчас. Только жаль. Думали—человеком хочешь стать. Ну, а нам, как ты считаешь — хорошо? Загляни-ка к нам в душу. Если бы мой родной брат ударил меня ножом—не так бы больно было, как в тот день, когда у Вепхиа пропали деньги. На всех пало пятно, на всех, без исключения. И на меня, и на Симона, и на Гайка, и на Тедо... А когда с тобой это случилось, разве нам не было больно? Э-э, что ты можешь понять! Говорят, у воров чувство дружбы большое. Неправда. Вор вору помогает в грязных делишках, а так—лживое это братство. Один другого продает и топит. Они щедрые, когда сорят ворованным. И не думают, каково тому, чье, потом и трудом заработанное, транжируют. Им что—они не трудились...

— Гиго-джан, разве я от труда бежал?—перебил Гигу Чахмах и рванул ворот, задыхаясь от обиды. Тяжело дыша, он сказал жалобно: — Гиго-джан, ты умеешь хорошо говорить, а я не могу. Кроме ругательств, ничему не учился. Если я воровал, разве потому, что нуждался в деньгах? Я...

Чахмах замолчал, увидев в дверях столпившихся девушек, привлеченных шумом. Он глубоко дышал, стараясь не всхлипывать. Плечи его дрожали.

— Что вы с ним нянчитесь! — возмутился Симон Алпаидзе. Наклонив голову, как молодой бычок, он протиснулся вперед и стал возле Эстате: — Хочет уходить, пусть идет. И пускай скажет спасибо, что уходит целым. Собирай вещи. Деньги на дорогу я тебе дам.

Симон начал шарить в карманах.

— погоди, Симон, не вмешивайся, — удержал его Гига. — Дай ему сказать...

— А что тут разговаривать?— повернулся Алпаидзе к Чахмаху. — Будешь еще воровать?

— Нет, — после недолгого молчания тихо произнес Эстате. — Не буду.

— Клянешься? — упрямо спросил Симон.

— Да. Если случится — убейте. Я ничего не боюсь — ни тюрьмы, ни смерти. Только одному плохо, братцы. Меня выписали сегодня утром из больницы, сказали: в общежитие мы тебя проводим, если хочешь, пошлем с тобой милицию и ваших ребят предупредим: кто тебя тронет — привлечем к ответственности. «Нет, — сказал я, — сам разберусь. Сам пойду и договорюсь». И ушел. Целый день шатался по городу. Потом несколько часов на вокзале крутился. На поезда смотрел из зала. Все думал: пойти к ребятам или нет? Под конец решился и вот — пришел. А сейчас, что хотите, то и делайте со мной.

Чахмах ударил себя кулаком в грудь и всхлипнул.

— Ладно, ладно. Пришел и правильно сделал. Давно бы так.

Гига тронул за плечо Чахмаха и, обращаясь к девушкам, столпившимся у дверей, сказал:

— Пошли в кино. «Георгий Саакадзе» идет, вторая серия. Я всех приглашаю. И тебя тоже, Чахмах...

* * *

На следующий день Вепхиа достал песок, наждачную бумагу и когда очистил от ржавчины, а потом вымыл клинок, он засверкал, как зеркало. В верхней части лезвия проступило изображение человеческого лица и под ним непонятная надпись. У безбородого мужчины красовались длинные усы, а на голове каланчой возвышалась высокая шапка. По-видимому, это был прежний владелец шашки. Но кто он? Надпись не походила ни на старинные грузинские буквы, ни на славянскую вязь. Разобрать ее было невозможно.

Вепхиа долго вертел шашку, потом позвал на помощь товарищей. Но никто не только не смог прочесть замысловатые значки, но даже установить, на каком языке сделана надпись. Бисмарк утверждал — на шашке изображен Георгий Саакадзе. Его старинный портрет Самсониашвили видел в одной книге и теперь божился, что это он.

— Счастливчик! — хлопнул Бисмарк Вепхиа по плечу. — Что ни говори, а повезло тебе — досталась шашка великого моурави!

— Откуда здесь может быть шашка Саакадзе? — осадил его Гига, насмешливо улыбаясь. — И вовсе он не похож. Разве в кино не видал?

Тем не менее все уже знали, что у Вепхиа есть оружие Георгия Саакадзе, и хотели убедиться в этом. Даже девушки заинтересовались находкой Вепхиа, и хевсур снова почувствовал себя в центре внимания. Только Ламара презрительно сжала губы.

Но Вепхиа этого не заметил.

Он приделал, наконец, к лезвию рукоятку, пригнал ножны и, одев новую хевсурскую рубаху — подарок Мзекалы, опоясался шашкой и прошелся по общежитию. Радости его не было предела. Никто не смеялся, напротив, все провожали Вепхиа восхищенными взглядами — как яркий мак среди ржаного поля, выделялся он, нарядный и статный.

И Ламара не выдержала. Украдкой оглядев его, она отвернулась и сказала громко, так, чтобы он услышал:

— Женщины и правда дуры, глупые существа!

— Почему это? — простодушно спросила Зизо.

— Потому! Этот талавари,¹ или как он там у них называется, бедная девочка шила, наверное, дни и ночи напролет, целую зиму сидела и вышивала, все глаза проглядела, думала...

Ламара замолчала.

— О чем думала? — заинтересовалась Зизо.

Вместо ответа Ламара вздохнула:

— Бедняжка...

— Про кого ты говоришь? — удивилась Зизо.

— Ни про кого! Отстань! — коротко отрезала Ламара и быстро ушла в свою комнату.

Вепхиа почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он пре-

¹ Т а л а в а р и — хевсурская верхняя одежда.

красно понял, кого имела в виду Ламара и на что она намекала. Понял — и словно вдруг очнулся от сладкого и томительного сна.

Перед ним пронеслось видение далеких гор и нежная девушка с пылающими щеками. Она склонилась у очага над этим нарядом. В самом деле, кто знает, сколько ночей она не спала, вышивая и украшая его? Письмо от нее и сейчас хрустело у него в кармане.

Вепхиа вдруг стало душно. Нет, он не оскорбит доверчивую душу ожидающей его в хевсурских горах девушки! Вышитой руками Мзекалы рубашки не коснутся чужие руки!

Он вернулся к себе, снял шашку и рубаху и спрятал их.

— Вепхиа, Вепхиа! — послышалось в коридоре, и в комнату влетели ребята.

— Ты уже разделся? — огорченно спросил его Тедо. — Давай-ка, надень снова свой наряд.

— Надень, Вепхиа, — стали просить и остальные. — Там собрание созывают. Какое-то ДСО «Металлург». И инструктор пришел.

Но Вепхиа был неумолим. Он молча натянул куртку и последовал за Тедо.

В красном уголке уже было полно народу. За столом сидел и беседовал с Гигой коренастый светлоголовый военный в кителе с орденскими колодками. Они разговаривали вполголоса, а ребята вокруг шумели и пытались по ленточкам определить, какие ордена и медали носил их гость.

— Орден Ленина — раз, Красного Знамени — два, Отечественной войны — три, Красной Звезды — четыре, — считал кто-то вслух. — Остальные — медали.

— Это кто, наш новый начальник? — спросил Алпаидзе. — Боевой парень.

— Да нет, это физкультурник! — ответил тонким голосом Бисмарк. — Нам только его не хватало, как будто времени девать некуда!

— Ну, что ж, товарищи, кажется, все собрались? — спросил военный, подняв голову. — Можно начинать.

— Начнем, — согласился Гига.

Гость провел рукой по светлым льняным волосам и негромко сказал:

— Сначала, товарищи, давайте познакомимся. Моя фамилия — Бушуев, Алексей Петрович. Вы, конечно, приехали издалека, и фамилия эта вам ничего не говорит. Поэтому для ясности доложу — все Бушуевы из поколения в поколение были мастеровые. И отец, и дед, и остальные предки. Оружейных дел мастера. Ну, а я играл в футбол...

— Я вас знаю! — воскликнул Гайк. — Вас весь Тбилиси знает. Кто не помнит знаменитый бушуевский удар! Вы центра играли.

— Да, соревновался с вашим Пайчадзе. Вот замечательный футболист. Но об этом позже... Так вот, товарищи, война вынудила меня оставить футбол, но там, на фронте очень пригодилась моя физическая подготовка. Скажу больше, если бы не она, я, наверное, не разговаривал бы теперь с вами. Совсем недавно я начал работать руководителем спортивной организации нашего завода. Узнал, что к нам с Кавказа приехало около пятисот человек, все молодежь, а никто из них не занимается ни в одной спортивной секции. Как же это так получается, дорогие товарищи?

Бушуев широко улыбнулся удивительно доброй, почти детской улыбкой.

Вепхиа только сейчас заметил у него на лице беловатые рубцы

шрамов. Странное дело, они ничуть не испортили его и даже придавали лицу своеобразную привлекательность.

— Так в чем же дело, товарищи? — повторил Бушуев.

Со всех сторон послышалось:

— Нам и так работы хватает!

— Какой там спорт — спать некогда!

Бушуев слушал внимательно, и с его лица не сходила детская улыбка.

— Неужели никто из вас не играл в мяч или в лапту? Или просто не соревновался с друзьями в детстве, кто дальше кинет камень? Грузины, я слышал, известные борцы. А танцы ваши приводят в восторг весь мир. Удивительно, такие горячие, темпераментные люди — и с такой прохладцей относитесь к спорту...

— Можно я скажу? — вскочил с места Бисмарк.

— Пожалуйста, — кивнул головой Бушуев.

Бисмарк вышел вперед, расправил складки гимнастерки, поправил пояс и, выдержав, как заправский оратор, паузу, начал:

— В Великой Отечественной войне наш народ одержал блестящую победу. Наша страна развернула грандиозное мирное строительство...

— Ближе к делу! — крикнули Бисмарку.

Но остановить его теперь не смог бы никто. Он говорил быстро, как хорошо заведенная машина, но путал слова и глотал окончания. Выступал Бисмарк на русском языке, а на реплики отвечал по-грузински. Понять, о чем он говорил, было невозможно, так ужасно коверкал он русскую речь.

— Нашей стране нужны здоровые, физически выносливые люди, — продолжал Бисмарк.

— Так какого же черта ты тархтел, что спорта не надо? — завопил Чичико Шубитидзе.

— А я о чем вам толкую? Создайте нам условия, а тогда, хотите — будем танцевать, хотите — в мяч долбать целый день.

— Замолчи, наконец! — крикнул Симон Алпаидзе.

От него Бисмарк не ожидал резкого выпада и запнулся.

— Кончили? — спросил Бушуев таким ледяным тоном, что Бисмарк сразу потерял желание демонстрировать свое ораторское искусство. Он кивнул головой и уселся на место.

Ребята наградили злополучного оратора аплодисментами. Они хлопали умышленно громко. Под шум рукоплесканий Ахмед и Чичико успели пару раз толкнуть Самсониашвили.

Бушуев понял, что эти аплодисменты — издевка. Когда они затихли, улыбнулся прежней доброй улыбкой и сказал:

— Вот и оратора выслушали... А теперь решим вопрос просто. Кто играл в футбол — поднимите руки.

В ту же секунду взвился лес рук.

— Ого, я думаю, тут получится несколько команд. Отлично. Ну, а гимнасты есть среди вас? Есть? Очень хорошо. Боксеры?

— Я, — встал Гайк.

— Разряд имеешь?

— Третий.

— Отлично. Здесь, я вижу, можно организовать целую спортивную группу. А как обстоит дело с борьбой?

— Борцов у нас много, — послышалось с разных сторон.

— В чем же тогда дело, товарищи? За чем остановка?

Бушуев встал.

— В нашем клубе вы можете тренироваться в любой секции. Кому что по нраву. Кто хочет, займется борьбой, кто желает — теннисом, а кто — фехтованием.

— Мастер по фехтованию у нас есть свой, — сказал Гига и, прищурив глаз, указал на Вепхиа.

— Отлично. Так как же, товарищи? Вы вот говорите: спорт нам не нужен, мол, нам не до спорта. Не годится, ведь так... Вы, правда, приехали сюда учиться. Но если станете мастерами и в спорте, разве это плохо? Значит, товарищи, договоримся так — завтра после работы жду вас в клубе в восемь ноль-ноль. Распределим по секциям, познакомим с инструкторами и уточним расписание занятий. Ясно?

* * *

Ровно в восемь к Бушуеву в спортзал общества «Металлург» явились три девушки и семь парней.

Помещение недавно освободили от квартирантов, но кое-где в раздевалках еще ютились жильцы, которых поселили здесь во время войны.

Зал был приспособлен под склад. Весь спортивный инвентарь: брусья, козлы, перекладину, кольца, гимнастические маты, сваленные друг на друга, стащили в угол, где они лежали, покрытые толстым слоем пыли.

В одном из углов чернела гора гнилого картофеля. Орсовские деятели отказались вывозить его, и он прел, распространяя острый си-вушный запах.

Бушуев четыре месяца боролся, чтобы снабженцы освободили помещение, и теперь готов был на собственной спине перетаскать всю картошку.

В ближайшие дни решено было собрать молодежь, провести субботник и привести спортзал в порядок. А пока — Бушуев поставил в углу стол, докторские весы и в импровизированном кабинете принимал тренеров, инструкторов и будущих чемпионов.

Когда ребята вслед за Гигой гуськом вошли в зал, там было уже много молодежи.

Бушуев посадил рядом с собой женщину-врача в белом халате, она возилась с прибором для измерения давления. Какой-то здоровенный детина изо всех сил дул в спирометр — аппарат, определяющий объем легких. Около весов, смеясь и перебрасываясь шутками, толпились обнаженные по пояс дюжие парни.

Вепхиа узнал сталеваров из их цеха.

— Здорово, братцы! — весело заорали они. — Нашего полку при- было. Бороться будем?

Гига хотел им что-то ответить, но успел только помахать рукой — его уже заметил Бушуев.

— А где же остальные? — спросил Бушуев немного удивленно. — Что же это вас так мало?

— Не пришли, — сокрушенно вздохнул Гига. — Вечно так: сначала отказываются, а потом сами попросят.

— Нет, товарищи, так нельзя. — Бушуев недовольно поморщился. — Комсомольский актив, я вижу, у вас отстаёт. Мы здесь думали, что из республики, где выросли Борис Пайчадзе, Нина Думбадзе, Елена Гокиели, из пятисот человек придут самое меньшее четыреста девяносто девять. А вас... •

— Нас семеро.
— Вот об этом я и говорю.

Пришли тренеры.

Девушек сразу же увела с собой мастер по фигурному катанию
Татьяна Малахитова.

Астамура Тантиба и Дзики Данелия взяли в футбольную команду.

Тренер с приплюснутым носом долго ходил вокруг Гайка Евангулова, оглядывая его с головы до ног, щупал руки, ладони, плечи; потом шутливо, но крепко ударил по плечу и сказал:

— Ну что ж, постараемся сделать чемпиона!

И увел Гайка в комнату, откуда доносились резкие удары по «груше».

Тимур Касимбаев оказался не только сменным мастером мартеновской печи — он руководил секцией вольной борьбы. Тедо и Гига с детства занимались грузинской борьбой и Касимбаев, щурия узкие глаза, сказал со своей всегдашней усмешкой:

— Будем теперь соревноваться и здесь, и у печи. Ваш Бурак тоже хороший борец, но на лопатки кладем, однако.

А Бушуев добавил, глядя на крепкие фигуры ребят:

— Грузинской борьбы, правда, мы здесь не знаем, но в вольной борьбе есть много ее элементов. Грузинские борцы славятся; и я думаю, если мы вовлечем в секцию побольше ваших ребят, то добьемся серьезных успехов... На фронте у меня был дружок, грузин Майсурадзе. Вот кто умел бороться! Его всегда посылали в разведку, за языком. Как ухватит кого — готово!

— И у нас такие найдутся, — сказал Тедо Гаглошвили.

В зале ребята уже начали возиться со снарядами: вытащили брусья, установили перекладину, залезли на кольца.

— Товарищи! — позвал Бушуев. — Давайте очистим помещение от картошки, хлама и приведем его в христианский вид...

Первыми пришли девчата, принесли ведра, щетки и тряпки для мытья полов.

Бушуев снял китель и, засучив рукава, сам взялся за работу.

Не прошло и нескольких часов, как спортзал преобразился — снаряды расставили по местам; Бушуев вытащил откуда-то шпаги и металлические сетки.

— Здесь у кого-то было желание научиться фехтовать. Попробуем? — спросил он Гигу.

— Ну, что ж. — Гига взял шпагу. — Вепхиа! — позвал он. — Иди сюда. Давай сразимся!

— Чем? — Вепхиа подошел к нему, взял шпагу и повертел ее в руках. — Вот этим? А что это такое?

— Не видишь? Шпага. Ты же всю жизнь мечтал фехтовать. Посмотрим, какой ты мастер.

Вепхиа согнул шпагу, она легко и упруго разогнулась и выпрямилась. На конце ее блеснул маленький шарик.

— Этот вертел, — убежденно проговорил юноша, — надо дать повара, на нем удобно жарить шашлык. А для чего это? — он потрогал шарик — Только мешает.

— Не убивать же ею, чудак-человек, — сказал Гига. — Спортивное оружие. Попадет в тебя, проигрываешь очко, нанесешь удар — очко засчитывается тебе. Разумеется, настоящая шпага острая и не так

легко гнется — ударишь, пронзишь насквозь. А с этим безопасно. Становись, защищайся!

— Ну, я не повар, чтобы драться вертелом. Фехтовать надо шашкой...

— Бичо,¹ настоящее фехтование именно на шпагах.

Гига протянул Вепхиа сетку.

— На, надень маску. Я не знал, что ты такой неуч. Давай, защищайся. Сейчас мы увидим, какой из тебя фехтовальщик.

— Не хочу, — упрямо ответил Вепхиа и рассек шпагой воздух.

— Надень, говорю тебе. Так можно выколоть глаз.

— Попробуй, выколи. Если не уберегу, такой глаз мне не нужен.

А драться вертелом я не буду.

— Нет, Вепхиа, без маски нельзя.

И Гига надел на хевсура металлическую сетку.

— Ну-ка, я проверю вашего прославленного фехтовальщика, — сказал Бушуев, тоже надел маску и стал в позицию, оставив левую руку и нацелившись правой.

— Становись и ты так! — приказал он Вепхиа.

Ребята окружили фехтовальщиков.

Вепхиа смутился. Как ни старался он стать так же, как Бушуев, у него ничего не получалось. Он выглядел таким растерянным и неуклюжим, что вызывал смех.

Это окончательно сбило его с толку. Тем временем Бушуев сделал выпад и одним ударом выбил у него из рук шпагу.

— Подними! Ничего страшного, — сказал Бушуев. — Когда берешь в руки оружие, должен уметь его держать.

Вепхиа сорвал сетку и схватил шпагу.

— С этим я не могу, ничего не вижу. Попробуем так, — решительно заявил он.

— На, надень мою маску! — со смехом сказал Бушуев. — Может, через нее лучше увидишь.

Вепхиа был вынужден снова закрыться сеткой. Он разгорячился, разозлился и совсем забыл о смущении. Не глядя больше по сторонам, перестал думать о том, правильно ли стоит и как держит шпагу.

Теперь он видел перед собой только противника и позабыл обо всем на свете. Вот когда пригодилось то, что всегда было у него в крови!

Они скрестили оружие. Вепхиа ловко отпарировал удар Бушуева и сам перешел в атаку. Он мог нанести решающий удар, но почему-то медлил.

— Ты что играешь со мной, как кот с мышью? — возмутился Бушуев. — Колоть должен, а не щекотать.

Спустя несколько минут, Бушуев бросил шпагу и заявил.

— Молодчина ты, парень. Какая реакция, какая меткость! Ведь тебя не обманул ни один ложный выпад! И какой поразительно острый глаз! Ты будешь отличным спортсменом! Сможешь два раза в неделю ходить на тренировку?

— Хоть каждый день. Что мне делать после работы? Я свободен.

Бушуев был очень доволен.

¹ Бичо — парень.

Хотя в спортивных секциях стало заниматься уже немало молодых грузин, редко кто из них проявлял необходимое усердие и настойчивость. Ребята или вовсе пропускали занятия или же приходили, но больше развлекались, чем тренировались.

Напрасно Бушуев, в конец огорченный, взывал то к одному, то к другому. Никакие уговоры не помогали.

Ребята отшучивались, давали обещания, но продолжали поступать по-своему.

Убедившись, что уговоры и просьбы не действуют, Бушуев потерял всякую надежду и махнул на них рукой. Но неожиданно у него появился союзник.

В конце осени из Тбилиси приехал назначенный вместо Арчила инженер Гоги Беридзе. Он оказался ярым спортсменом.

Гоги встретился с Бушуевым, познакомился, и между ними установились дружеские отношения, как у людей, влюбленных в одно и то же дело.

Но ребятам, привыкшим к неограниченной свободе, новый руководитель пришелся не по вкусу. Он явно не выдерживал сравнения с Арчилом, который хотя и был строг, но никто не слышал от него придинок по пустякам: туда не ходи, этого не делай, не кури, не пей пива... И потом Санеблидзе был герой, фронтовик. А о новом руководителе можно было сказать только, что он не расстается со своей неизменной трубкой да сверлит каждого пронизывающим взглядом.

Бисмарк первым предложил устроить собрание и от имени всего коллектива послать в Тбилиси телеграмму с просьбой отозвать Беридзе.

Когда все собрались в красном уголке, горячо обсуждая этот вопрос, вошел Беридзе.

— Можно присутствовать на вашем собрании? — спросил он и, не дожидаясь ответа, придвинул к столу председателя стул, сел и обвел всех взглядом. — Интересно послушать, какие вопросы вас волнуют? Продолжайте, пожалуйста.

Все молчали.

Тогда Беридзе, выбив и почистив трубку, повторил свой вопрос:

— Так о чем же вы здесь спорили? Или о ком?

Гига, сидевший с ним рядом, ухмыльнулся в недавно отпущенные усики и сказал:

— О вас, уважаемый товарищ Гоги. До вашего прихода в критике не было недостатка. А вот сейчас что-то все притихли, точно воды в рот набрали. Отчего бы, не знаю...

— Что же вам во мне не нравится? — допытывался Беридзе, будто ни о чем не догадываясь, хотя ему были хорошо известны все претензии ребят.

Так как все продолжали молчать и никто не решался заговорить, Беридзе продолжил:

— Я знаю, что вас беспокоит и почему вы здесь собрались. Вам пришлись не по душе мои новые порядки. Не так ли? Вот давайте о них и поговорим. Что же вам не нравится? Запрещение ходить по пивнушкам и пить водку? Или ругаться площадными словами? Вчера, например, я иду по коридору и слышу — здоровые верзилы угощают друга друга отборнейшими выражениями. Увидели меня — замолчали. Но ведь я не стану караулить каждого из вас. А в двух шагах от них

стояли девушки. Да разве только в девушках дело? Вы-то сами не хотите быть приличными людьми? Кто сказал вам, что пить и ругаться — молодечество? По-моему, нет хуже несчастья для человека, чем быть пьяницей и невежей. Неужели нельзя найти интересного, полезного занятия? Книги, спорт, музыка, танцы... Ведь если даже прожить тысячу лет, и то не прочитаешь десятой доли всего, что написано. Учитесь жить красиво. И сама жизнь сторицей вознаградит вас.

Все молчали, но слушали внимательно. Враждебное отношение сменилось сочувствием. Беридзе почувствовал, что лед тронулся.

— А разве не достойны жалости и презрения люди, которые в жизни не видят ничего дальше своего носа? — продолжал Гоги. — Им кажется, что у них есть свои интересы и желания. Но что это за интересы?

Беридзе помолчал и сказал:

— Я хочу того же, чего и Арчил, — чтобы вы были не только отличными специалистами, но и настоящими людьми, достойными сынами и дочерьми нашего солнечного края. И за это я буду бороться!

Как-то раз гимнасты принесли из спортивного зала неожиданную весть: наш инженер такое «солнце» закрутил на перекладине и такой «крест» сделал на кольцах, что ошеломил всех!

Каждому захотелось лично посмотреть на это, и уже на следующей тренировке не было отбоя от желающих записаться в секцию гимнастики.

Затем сообщили новость лыжники: наш Гоги, оказывается, прыгает с трамплина на тридцать метров — пока ни у кого нет такого результата!

Потом состоялся товарищеский матч по боксу, и опять-таки Беридзе принял в нем участие.

Уже одно это заставило молодежь забыть свое недавнее недоверие.

А через несколько месяцев ребята заговорили о победах Гайка на ринге, Вепхиа — в фехтовании, Зизо — в фигурном катании на коньках. Теперь каждому хотелось попробовать свои силы в спорте.

И зимний мороз уже был не страшен, заставляя рдеть румянцем щеки. Летние солнечные дни, когда ребята с наслаждением бегали за мячом по зеленому футбольному полю, больше не казались томительными и бесконечными. Белые ночи оглашались веселым смехом и звонкими песнями.

Время мчалось незаметно.

Молодость, сила, радость жизни — победили.

* * *

Больше года пролежал Арчил в одной из московских больниц. Его оперировал знаменитый профессор Юдин, но, несмотря на благоприятный исход операции, положение по-прежнему оставалось тяжелым. Арчил перенес инфильтрат, воспаление сердечной оболочки и долгое время был на волоске от смерти. Силы медленно покидали его. Он лежал молча, скорчившись на железной кровати. Голова бессильно откинулась назад, заострившийся нос резко выделялся на бескровном лице, щеки ввалились, глаза глубоко запали.

А за окном стояла ранняя весна. Сквозь зеленые занавески просвечивали красные крыши, клочок бледно-голубого неба и ослепительно яркое солнце. Его косые лучи прорезали комнату, скользнули по ножкам кровати, по одеялу и упали на лицо больного. Арчил слабо пошевелил губами, на миг приподнял веки. Он беспомощно боролся с солнцем.

Губы раскрылись, словно Арчил хотел что-то произнести. Но сил не было, и он так ничего и не сказал.

Из соседней комнаты донесся шепот:

— Не входите. Он, должно быть, спит.

Тогда Арчил раскрыл глаза, приподнял с невероятным усилием голову. На него смотрели необыкновенно знакомые, родные, единственные в мире глаза.

— Мама! Мамочка, родная!

Ему показалось, что он крикнул эти слова, на самом же деле прошептал их еле слышно. Из уголков глаз выкатились две большие, тяжелые слезы и повисли на ресницах.

Врач и сестра-сиделка вслед за Мартой поспешно вошли в палату.

— Будем надеяться на лучшее, авось пенициллин и новые антибиотики помогут ему. Но знаете, кажется, приезд матери — самое лучшее лекарство, — сказал дежурный врач.

И действительно, в болезни Арчила наступил перелом, он стал поправляться, правда, очень медленно.

Марта не отходила от него ни на шаг. Ночи напролет просиживала она у его изголовья.

* * *

Теплым солнечным осенним днем Нико взял перонный билет и вышел на платформу встречать жену и сына.

Устало отдуваясь, подошел запыленный состав. Нико побежал к вагону и уже издали увидел приникшую к окну Марту.

Задевая пассажиров и носильщиков, навьюченных чемоданами и узлами, Нико протиснулся в купе и удивленно воскликнул:

— А где же Арчил?

— Где? — раздраженно переспросила Марта. — Где может быть сын такого отца? Он остался в Рустави. Ну, что же ты стал? Снимай лучше чемодан. Бери саквояж, он тоже наш. Остальное я возьму сама.

Они вышли на перрон, где поток пассажиров захлестнул их и повлек на площадь, к трамвайной и автобусной остановкам.

— Где это, на той стороне? — спросила Марта, чуть задыхаясь, о новой квартире, в которую Нико перешел в ее отсутствие.

— На этой. Недалеко. Доедем на трамвае.

— На этой? — Марта даже приостановилась. — Все время я боялась, что окажется именно этот район. Так и получилось!

— Умоляю тебя, успокойся и не устраивай мне сцен на улице. Потерпи немного, а дома говори, что захочешь!

Когда они пришли домой, Марта молча осмотрела первую комнату, потом заглянула во вторую поменьше, вышла на узкий балкончик, который выходил во двор с краном посередине. Рядом с их дверью отпирала замок молодая смуглая женщина. Услышав шаги, она обернулась.

— Дядя Нико, ваши приехали? — спросила она и почтительно поздоровалась с Мартой. Но та лишь еле кивнула ей и вернулась к себе в комнату.

— Уже знакомых завел? — язвительно сказала она мужу.

— Как тебе не стыдно, Марта. Это очень симпатичная девушка, биохимик, кандидат наук...

— Скажите пожалуйста! — Марту уже трудно было остановить. — Что ж, приведи ее тогда в дом невесткой.

— Что с тобой?

Нико рассердился не на шутку.

— Или ты не радуешься, что Арчил здоров и снова с нами? Марта молчала...

* * *

Когда перед Арчилом открылась панорама строительства—каркасы заводских корпусов, нагромождения металлоконструкций, леса, остовы недостроенных зданий, вереницы платформ, груженных ящиками величиной с вагоны, машины, подъемные краны, как журавли, стоящие на одной ноге с вытянутыми вперед длинными клювами, — ему неудержимо захотелось посмотреть на все это вблизи, сию же минуту сойти с поезда и с головой окунуться в самую гущу заводской стройки.

И вдруг поезд неожиданно затормозил и остановился на станции Рустави.

— Вот здорово, мама! — Арчил, не слушая возражений Марты, чмокнул ее в щеку и соскочил на платформу. — Ждите меня к вечеру!

Он пошел разыскивать управление строительства.

— Вам придется вернуться назад. Идите прямо вдоль железнодорожной линии. До конторы — с добрый километр, — сказал ему дежурный по станции в побуревшей от пыли и солнца красной фуражке.

Арчил шагал и чувствовал, как в груди у него растет и ширится радость. Ему даже захотелось петь.

С бездонного синего неба ласково грело осеннее солнце. В прозрачном хрустальном воздухе четко вырисовывались опаленные холмы Ялгоджа, зеленая поросль на берегах Куры. Все было так ясно и чисто, что казалось — это картина, написанная свежими, еще не просохшими красками.

Одноэтажное здание управления покосилось и обветшало. На стенах с обвалившейся штукатуркой висели щиты с печатными и написанными от руки объявлениями. Огромные плакаты знакомили со средствами защиты от пожара. Край одного плаката был оторван и обнажал зиявшую в стене трещину.

У кабинета начальника строительства, за небольшим расшатанным столом сидела белокурая голубоглазая девушка и в одно и то же время занималась совершенно разными делами. Правой рукой приводила в порядок целую кипу бумаг, а левой придерживала телефонную трубку и кому-то бойко отвечала по-грузински:

— Нет, начальника нет... Понятно? Ну, а я что могу сделать? Когда придет? Не знаю...

Привычным движением, не глядя, она ловко бросила телефонную трубку и со снайперской точностью попала на рычаг. Но в это время зазвонил другой телефон, и девушка, зажав трубку между плечом и подбородком, приготовилась записывать телефонограмму, продолжая одновременно откладывать в сторону нужные бумаги.

Арчил подождал немного, с интересом наблюдая за ее манипуляциями, и, когда ему показалось, что девушка освободилась, спросил:

— Простите, красавица, где может быть начальник строительства?

Девушка подняла голову и уже собралась было резко ответить, но — или что-то во внешности Арчила поразило ее, или между ними внезапно возникло чувство искренней обоюдной симпатии — только она сказала с легкой улыбкой:

— Честно говоря, он у себя в кабинете, но приказал мне всем отвечать, что его нет. А вы присядьте. Он должен позвать меня, и тогда я доложу о вас.

Арчил сел, хотя меньше всего ему хотелось сидеть здесь. Он предпочел бы быть на дворе, осмотреть каждый закоулок строящегося завода, площадки, где закладывали мартеновский цех, пройти по улицам строящегося города, встретить знакомых, товарищей.

Над дверью зазвенел звонок. Девушка торопливо встала, поспешно собрала бумаги, сложила их в папку и спросила Арчила:

— Как сказать насчет вас?

— Скажите — инженер Арчил Санеблидзе.

Девушка скрылась за дверью и долго не возвращалась. Часто звонили телефоны. Где-то неподалеку велись взрывные работы, глухо ухали взрывы, тряслись стены и с потолка сыпалась штукатурка.

«Должно быть, готовят котлован», — подумал Арчил и стал вслушиваться в свистки и гудки машин.

В приемную то и дело входили производители работ, небритые, в смятой одежде, перепачканные известкой. Одни держали в руках свертки чертежей, другие туго набитые полевые сумки. Входили без разрешения, хлопая дверью, или звонили по телефону. На Арчила никто не обращал внимания.

— Пожалуйста! — громко сказала ему вышедшая из кабинета секретарша, кокетливо посторонилась в дверях и вернулась к своим бумагам.

Арчил оказался в большом кабинете, заставленном стульями, с длинным столом посередине.

Начальник строительства Макар Гургенидзе разговаривал по телефону. Он мельком взглянул на Арчила, но не поздоровался и не предложил сесть.

Арчил стал рассматривать кабинет. К одной из стен был прикреплен вставленный в аккуратную рамку генеральный план Рустави. В углу на отдельном столе стояли макеты завода и нового города. Над ними приколоты к доске чертежи. Арчил с интересом вгляделся в них.

В причудливом хитросплетении горизонтальных и вертикальных линий, в запутанных топографических значках он нашел ответы на многие волновавшие его вопросы.

Будущее завода и города, как наяву, предстало перед ним.

«Почему я не поэт, — подумал он, — описал бы рождение среди пустыни нового индустриального сердца Грузии!»

— Нравится? — прозвучал над его ухом низкий голос.

Арчил вздрогнул, повернулся и подал протянутую руку.

— Здравствуй, — сказал Гургенидзе. — Вот это наш будущий завод. Только теперь Арчил мог как следует рассмотреть собеседника.

Перед ним стоял мужчина среднего роста, крепкий, как дуб, в френче старого покроя и сапогах с низкими голенищами. Видимо, давно не бритая борода железной щетиной росла на потемневшем от загара лице. Легкая проседь тронула густые волосы Гургенидзе, посеребрила виски. Кончики подстриженных усов пожелтели от табака. И сейчас он достал серебряный портсигар, скрутил папиросу толщиной в палец и с удовольствием затянулся. Предложил закурить и Арчилу, но когда тот отказался, щелкнул массивной крышкой портсигара, спрятал его в карман и вернулся к столу.

— Чтобы не тратить времени зря, давайте сразу же приступим к де-

ду. Мне о вас уже говорил Сико Гогебашвили. Врачи запретили вам жить на севере, не так ли? — спросил он Арчила.

— Да, я был тяжело болен.

— Для вас сейчас руставский воздух настоящее спасение, улыбнулся Гургенидзе. — Временно дадим вам комнату, а через несколько месяцев — трехкомнатную квартиру. Работать вы будете на монтаже вашего же мартеновского цеха. Работы там непочатый край. Что скажете?

Арчил никак не ожидал, что дело примет такой оборот. Он зашел сюда, чтобы выяснить, каковы перспективы его устройства на работу, познакомиться и заодно узнать на месте, в какие сроки будет пущен мартен. А тут прямо, как говорится, попал с корабля на бал...

— На строительстве не хватает инженеров. Я думаю, тебе не надо объяснять, почему. Мы вынуждены искать людей, где придется. Скажи мне лучше, как ты себя чувствуешь?

— Пока я немного слаб. Доктора говорят, что мне необходим южный климат.

— Лучше этой дачи нигде не найдешь. Тем более в это время года воздух здесь чище, чем в Бахмаро. Завод еще не работает, дыма и копоти нет. Даю тебе гарантию, за два месяца ты сам себя не узнаешь, так окрепнешь. Ну, решай — писать сегодня же приказ?

— Не знаю, право, что вам ответить. — Арчил придвинул стул и опустился на него. — Ведь я еще не был дома. Когда увидел строительство, не утерпел, сошел с поезда и прибежал сюда. И даже не знаю, где мы теперь живем. Пока я болел, отец перешел в другую квартиру.

— Лучше перебирайся сюда. Я сейчас же напишу тебе записку. Пойдешь на улицу Строителей. Там в седьмой корпус как раз сегодня начали вселять жильцов. Сейчас же иди, не медли, принимай ключи. Сегодня же перевози из Тбилиси вещи и, если хочешь, забирай родных. Как участника Отечественной войны и инвалида обеспечу тебя снабжением по первой категории. Ну, а с утра приступай к работе.

Гургенидзе говорил так внушительно, с таким убеждением, что Арчил вынужден был беспрекословно подчиниться.

«Он действительно выстроит завод к назначенному сроку», — подумал Арчил, когда Гургенидзе тут же при нем позвонил начальнику отдела кадров и заведующему жилищным хозяйством и отдал соответствующие распоряжения.

Обрадованный, окрыленный надеждой сегодня же уладить все дела, Арчил отправился в отдел кадров, где ему вручили анкеты, на заполнение которых ушло много времени. Затем попросили представить множество документов: паспорт, военный билет, справку о снятии с учета, свидетельство врачебной комиссии...

Покончив со всем этим, он побрел на улицу Строителей. Добрался туда, еле передвигая ноги.

Солнце уже заходило, когда он, наконец, отыскал здание, где должен был получить комнату. Но управдома там не оказалось.

— Его не так-то легко найти, батона! — сказал Арчилу пожилой седоватый мужчина. — С утра за ним бегают народ, и аллах его ведает, где он, — на небесах или в преисподней. Но скорее всего, он горит в аду!

— А где у него контора?

— Какая к черту контора. Иногда появляется в стройуправлении. А так — ищи ветра в поле. Разве случайно наткнешься...

— Квартира его где?

— Квартиры у него здесь нет, живет в Тбилиси. Нарочно не получает тут, чтобы там не потерять. Ездит из города. Благо, пять поездов

ходит утром и пять—вечером. Пожалуй, лучше всего поймать его на платформе, что против стройуправления.

— Да, но как я его найду? — устало проговорил Арчил. — Я ведь не знаю его в лицо.

— Среднего роста, полный и рыжеватый, смахивает на лису. Да кого не спросите, все его знают. Так и спросите — не видали безмозглого Сепе?

Арчил безнадежно махнул рукой. Искать на станции управдома показалось ему верхом нелепости, к тому же он так устал, что снова возвращаться назад было свыше его сил. Сейчас он мечтал только о том, чтобы прилечь и отдохнуть хотя бы часок. Но здесь не только лечь, но и присесть было негде. Кругом высились горы кирпича и лесоматериалов, разрыхленной земли и песка, бетонные трубы и железная арматура. В натеренных грузовыми машинами колеях после дождя образовались лужи, увязнуть в которых не составляло большого труда.

Арчил решил возвратиться в Тбилиси и, пока не выяснится вопрос с квартирой, ездить на работу из города.

В сторону станции шел грузовик. Арчил поднял руку. Шофер притормозил, предупредительно открыл дверцу кабины и усадил его рядом.

— Я тоже отвоевался, — сказал он весело и кивнул на орденские ленточки на груди Арчила. — Вы на каком были фронте?

— На всяких пришлось, — ответил Арчил. — А вам?

— И мне. Объездил всю Европу. Вот, демобилизовался недавно и кручу здесь баранку, — словоохотливо объяснял шофер.

— Приехали, — неожиданно заключил он и остановил машину.

Арчил спрыгнул на землю и побрел к платформе. У маленького ларька несколько мужчин пили пиво. Арчил ясно слышал, как один из них со смехом сказал другому:

— Ну, брат, не напрасно тебя зовут безмозглым Сепе, несчастного!

Арчил подошел к ним и спросил:

— Кто здесь товарищ Сепе?

Невысокий толстяк отставил кружку, взглянул на Арчила узенькими глазками и нехотя проговорил гнусавым голосом:

— Я самый. Что прикажете?

— Вы управляющий домом?

— Да-а... я... — протянул тот медленно, взял кружку, сдул пену, не торопясь, выхлебал пиво, провел рукой по усам и щетинистому подбородку и уже потом спросил Арчила:

— А что вам угодно? Если насчет жилплощади — опоздали, все распределено.

— У меня есть ордер, — сказал Арчил.

— Ордер! Ну что ж, что ордер, — язвительно хихикнул толстяк, — ордер здесь, дорогой, на одну комнату десятерым выдают. Если на ордер надеяться, год можно проходить за мной. А что я могу поделывать? Возьмем вас на учет и, когда дойдет очередь, обеспечим...

Он сказал это таким тоном и с такой откровенной издевкой оглядел Арчила, что тому кровь кинулась в голову. Все же он сдержался и только сказал, повысив голос:

— Пройдемте к начальнику строительства и побеседуем там на эту тему.

Но на управдома его слова не произвели никакого впечатления.

— Какие могут быть у меня дела к начальнику строительства, молодой человек, — произнес толстяк пренебрежительно. — Я знаю,

что он мне скажет: дайте. А интересно, откуда я возьму то, чего у меня нет и в помине. Вот запишу вас в очередь...

Он полез в карман, неторопливо достал записную книжку и только после этого сказал:

— Пожалуйста ваш ордер.

— Говорю вам — идемте к начальнику строительства! — стараясь говорить спокойно, повторил Арчил. — Пойдемте немедленно, а то...

— Вы что, грозите мне? — в голосе управдома послышались визгливые нотки и он сунул книжку в карман. — Пугаете, да? Я и так пуганый! Сколько таких, как вы? А я один. Если все будут заставлять меня бегать к начальству, много я наработаю. Подумаешь, фронтовик! Я тоже фронтовик, а никого не страшаю. И я кровь проливал на фронте, — Сепе ткнул себя пальцем в грудь. — Фронтовики! Мы все фронтовики. А то приезжают сюда разные люди, требуют себе все в первую очередь. Все мы сейчас одинаковые!

— А разве я сказал хоть что-нибудь насчет фронта... — спокойно начал Арчил, но Сепе его уже не слушал.

— Вы не сказали, другие говорят, — прервал он Санеблидзе и коротко отрезал: — Словом, я ничего не могу сделать. Не нравится — идите к Гургенидзе!

И прежде чем Арчил успел что-либо возразить, Сепе круто повернулся и проворно взбежал по деревянным ступенькам на платформу.

К станции, вздыхая, подходил поезд. Когда управдом вошел в вагон, один из тех, кто стоял у пивной будки, сказал Арчилу:

— Охота вам связываться с ним. Дайте ему тысячу рублей, и он сейчас же преподнесет вам ключ от квартиры. А так промучает целый год.

— Вот, оказывается, в чем дело? — зло бросил Арчил и посмотрел в сторону платформы. — Хорошо, завтра я покажу ему тысячу рублей...

* * *

В поезде Арчил долго не мог успокоиться.

«Видимо, и здесь мне предстоит борьба, не менее трудная, чем на фронте», — думал он.

Арчил был так взволнован, что не заметил, как перед глазами замелькали и зажглись огни вокзала.

Тбилиси! Он снова был дома.

Арчил пошел отыскивать свою новую квартиру.

Остановившись на углу одной из улиц, он, чиркая спичками, попытался разобрать на табличке ее название.

— Какую улицу вы ищете? — спросил его женский голос.

— Маравионскую... Еле запомнил — интересно, кто дал ей такое странное название?

— Вы не ошиблись — это здесь... А какой номер вам нужен?

— Сорок первый.

— Пойдемте вместе. Я тоже живу в этом доме. Вы к кому там, простите?

— Отец мой совсем недавно туда перешел...

— Вы — Арчил? — быстро спросила незнакомка.

— Да, — Арчил даже остановился от неожиданности. — А вы кто будете? В этой темноте, к сожалению, не узнаешь...

— Вы меня и не знаете. Но мы с вами соседи. Ваш папа много рассказывал о вас, он ждал вас сегодня с утра.

— Простите, как ваша фамилия?

— Гургенидзе.

— Знакомая фамилия. Кем приходится вам начальник строительства в Рустави?

— Никем. Однофамилец, должно быть.

— Как вас зовут? — спросил Арчил.

— Маквала.

— Чудесное имя. Вы студентка, Маквала?

— Нет. Я уже окончила аспирантуру. Вот мы и дома.

Маквала отворила калитку, и они вошли во двор. Здесь было темно. Маквала пошла впереди Арчила, нащупала ступеньку и постучала в дверь.

— Кто там? — услышал Арчил голос отца.

— Откройте, дядя Нико, ваш сын приехал.

Дверь открылась, и Маквала спросила:

— Почему вы сидите в темноте, дядя Нико?

— Маквала, это ты, дитя мое? Свет выключили, а дома нет ни свечи, ни лампы...

— Потерпите минуточку, я сейчас все устрою! — и Маквала исчезла в своей комнате.

Арчил ощупью дошел до дверей и столкнулся с отцом.

— Сын мой! — Нико обнял его и расцеловал. — Иди осторожно, смотри, ни на что не наткнись...

Они вошли в комнату. Немного погодя, Маквала внесла зажженную лампу и поставила на середину стола.

— Пусть бог тебе поможет и озарит счастьем, как ты осветила нас, — сказала Марта Маквале. — А ты где ходишь до сих пор, мой мальчик? Наверное, голоден?

— Как волк, мама. У нас есть что-нибудь?

— Голодным тебя не оставлю.

— Может быть, и у меня кое-что найдется, — и Маквала собралась выйти, но Марта удержала ее за руку:

— Нет, нет, не беспокойся!

— Отчего же? У меня есть консервы, кажется, рыбные, колбаса, конфеты к чаю.

Маквала убежала к себе.

Вскоре все сидели за накрытым столом.

Арчил успел уже рассказать о том, что произошло с ним в Рустави. Он обрадовал стариков, сообщив, что завтра же получает там комнату, а через несколько месяцев трехкомнатную квартиру или даже отдельный коттедж.

— Сможешь развести там себе садик! — сказал он отцу с улыбкой. У Нико заблестели глаза.

— Ты правду говоришь, сынок? — спросил он с надеждой.

— А что удивительного, — проговорила Марта, — если ехать в Рустави, смешно рассчитывать на меньшее.

— Нет, ты понимаешь, что значит дом со своим двором?! — мечтательно произнес Нико.

— Ну, уж если тебе так захотелось иметь дом и хозяйство — мог бы жить в деревне, — не унималась Марта.

— А что ты думаешь? И следовало бы! Деревня — чудесное место.

надо быть глупцом, чтобы предпочитать город деревне, — порывисто ответил ей Нико.

— Ну, это ты уж слишком, отец, — прервал их спор Арчил. — Деревня одно дело, а Рустави будет большим и прекрасным городом!

— Когда это будет, мой мальчик, когда? — воскликнула Марта.

— А я и не знал, что ты такая пессимистка, мама! — Арчил встал, обошел стол, обнял Марту за плечи и приник к ней головой.

Маквала, слушая разговор родителей с сыном, не сводила глаз с Арчила. Худой, небритый, с запавшими щеками. Но даже при тусклом мерцании керосиновой лампы она видела, как горят его глаза...

* * *

Было еще темно, когда Арчил проснулся. Несколько секунд лежал, не двигаясь, — никак не мог понять, где он находится. Нависший над головой низкий потолок, непривычная темнота в окнах, сырость и запах краски показались ему продолжением сна.

Арчил зажег спичку, взглянул на часы и с лихорадочной поспешностью стал одеваться, хотя ему страшно не хотелось вставать. На мгновение Арчилу даже показалось, что он вообще не сможет подняться — после вчерашней прогулки по Рустави все тело ныло, болели ноги. Но, стряхнув усилием воли это ощущение, он встал и пошел умываться. Приоткрыв дверь, заглянул в соседнюю комнату. Марта приподняла голову с постели.

— Ты уже на ногах, мой мальчик? Так рано?

— Где здесь можно умыться, мама?

— Кран во дворе, сынок.

Марта спустила с кровати ноги.

— Посмотри, свет дали?

Арчил нащупал выключатель. Вспыхнул свет.

Марта резко встряхнула одеяло Нико.

— Довольно спать, вставай, помоги мне.

Нико спал крепким сном, как ребенок. Арчил с нежностью взглянул на его седые волосы, разметавшиеся по подушке.

— Оставь его, мама, пусть спит. Еще рано, — сказал он.

Но Марта была неумолима:

— Нет, пускай встает, давно пора.

— Ты опять ворчишь? — просыпаясь, сказал Нико.

Наскоро позавтракав, Арчил побежал на вокзал.

Когда он вошел в вагон, уже рассвело. Народу здесь было немного. Одни молча, с заспанными лицами смотрели в окна на окутанный утренним туманом город, другие откровенно клевали носом, откинувшись на скамью.

И мужчины — их было большинство — и женщины в своих потертых старых одеждах выглядели серыми и усталыми.

После Навтлуги пассажиров прибавилось. Женщины в пестрых цветных платках и шالях разместили в проходе свои мешки и хурджины. Путевые рабочие в вымазанных мазутом спецовках и телогрейках молча занимали места. Школьники в красных пионерских галстуках наполнили вагон веселым шумом и суетой.

Напротив Арчила уселись трое. Две девочки и мальчик. Их сверкающие глазенки словно обдали Арчила теплом и лаской.

Они сидели тихо — видимо, суровый и задумчивый вид Арчила ему-
тил их. Но долго молчать им было трудно — и к концу пути они разрази-
лись неудержимым смехом.

«Нет, конечно, стоит жить на свете! Хотя бы для того, чтобы эти
смеющиеся рожицы никогда не омрачались горем, которое нам всем при-
шлось испытать».

С этой мыслью Арчил сошел с поезда и отправился на работу, к ко-
торой стремился всем сердцем. Она владела всеми его помыслами и без
нее он просто не мог представить себе жизни. Теперь эта работа, нако-
нец, началась.

Арчил быстро вошел в курс дела — сказались фронтовой опыт и при-
вычка быстро принимать решение. Но то, с чем ему сразу же пришлось
столкнуться, поразило и озадачило его.

Производитель работ на его участке жаловался, что никак не может
получить семьдесят пять кубометров лесоматериала, которые должны
были быть отгружены еще накануне. По словам прораба, во всем вино-
ват завскладом Максим Куртанидзе.

— Арматурщики из-за него простаивают, — негодовал прораб. — Я
не могу бросить участок на произвол судьбы, а то сам бы добрался до
этого проклятого Куртанидзе, гори он огнем! Что он делает — ума не
приложу, но только лес все время ускользает у нас из рук!

Арчил тотчас же отправился к Куртанидзе.

В маленькой конторе, сколоченной из свежего теса, его встретил не-
молодой обрюзгший человек с небритым лицом в потертом старом паль-
то. Он смерил Арчила ленивым взглядом и спросил, еле ворочая языком:

— А кем вы будете, разрешите узнать?

Арчил и сам толком не знал, как называется его должность, но все
же уверенно ответил:

— Я инженер-контролер.

— Стало быть, ревизор, — протянул Куртанидзе и после короткой
паузы спросил:

— Кого же вы собираетесь, собственно говоря, проверять — меня
или строителей? Меня? Очень хорошо. Только меня, уважаемый, прове-
рять не надо. Весь лесоматериал, который в текущем квартале был вы-
делен для вас по плану, я выдал и даже сверх этого шестьдесят кубоме-
тров прибавил. Это не шутка. Вы, батона, лучше проконтролируйте своего
прораба, куда он дел такое количество леса.

— Это мы выясним после, а пока мне надо получить семьдесят пять
кубометров в соответствии с нарядом, — резко сказал Арчил.

— Что толку в наряде. Для реализации нужен материал, которого в
данное время у нас, к сожалению, нет, — невозмутимо ответил Курта-
нидзе.

— Нет? — воскликнул Арчил. — А это что такое вокруг? Склад
битком набит лесом.

Куртанидзе утмленно закрыл глаза. Его помятое одутловатое ли-
цо выражало безмерную усталость.

— То, что склад битком набит, как вы изволили выразиться, еще ни-
чего не значит, — с расстановкой произнес он. — Заметно, что вы фрон-
товик, уважаемый. Так вот, вы не должны заблуждаться насчет того,
будто лесоматериал может быть без хозяина. Бесхозного у нас нет ничего.

До сих пор Арчил старался спокойно слушать этого невозмутимого
человека. Но теперь почувствовал, что готов выйти из себя.

— Не морочьте мне голову! Здесь один хозяин — строительство за-
вода, и все должно быть подчинено его интересам.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился Куртанидзе. — Толь-

ко хозяева леса те, кому его выделили. Завод строят шестьдесят различных организаций, и каждая имеет свой фонд. Лес, который прибывает в адрес «Горстроя», нельзя смешать с лесоматериалом для «Строймонтажа», бетонного завода или «Стальконструкции». Только не все забирают свой лес сразу. Кое-кто через несколько дней, а некоторые, случается, и совсем не берут. Вот, например, лес «Горстроя» лежит уже более недели; занимает территорию склада. Если завтра начнут подходить платформы с новым лесом, куда я дену этот?

— А почему «Горстрой» не забирает? — спросил Арчил.

— Этого я не знаю. Дело хозяйское. Наверное, еще нет необходимости.

— Так, может, они не соизволят взять и через неделю?

— Вполне возможно. По-моему, они еще и стен не возводят.

— Почему же тогда нельзя этот материал перебросить на участок мартеновского цеха?

— Если Макар Григорьевич или главный инженер дадут распоряжение — отчего же...

Не дослушав складчика, Арчил понесся к начальнику строительства.

— Подождите немного, он скоро придет, — сказала секретарша. — Нет, серьезно, — засмеялась она, поймав пристальный взгляд Арчила, устремленный на дверь, обитую черной клеенкой. — На этот раз он действительно вышел.

Они разговорились. Выяснилось, что года два назад Валя — так звали секретаршу — вышла замуж и приехала из России. Арчил поразился, как хорошо она говорит по-грузински. Оказалось, муж Вали был грузином. Первое время они жили в деревне с его родственниками, а потом разошлись. Валя осталась с маленьким ребенком, одна; ей пришлось поступить на работу. Несмотря ни на что, она выглядела жизнерадостной и бодрой.

— А где же ребенок, пока вы на работе? — с участием спросил ее Арчил.

— В детском саду. Он теперь моя единственная радость. — И у Вали засветились глаза. Арчил невольно залюбовался ею и подумал: «Сколько мужества и сил появляется у женщины, когда она становится матерью».

— У вас нет никакой другой специальности? — спросил он.

— Как же, я — токарь. Окончила семилетку и получила разряд, жаль только, работать не пришлось. Вот, если мама приедет, хочу поступить на вечерние курсы и, может быть, удастся окончить техникум... А вот и Макар Григорьевич.

Арчил обернулся и протянул Гургенидзе руку. Тот ответил крепким рукопожатием. Они вошли в кабинет.

— Ну, как дела? — вешая пальто на вешалку, обернулся Гургенидзе к Арчилу.

— Комнаты пока не дали, приказ тоже еще не оформлен. Но я все-таки начал работать. До зарезу нужны семьдесят пять кубометров пиломатериала — задерживаются арматурные работы...

— Сегодня я встретил Гогебашвили, — прервал Арчила начальник строительства. — Мой, говорит, инженер мне самому требуется — в Краматорск отправляем последнюю группу учеников, вот Санеблидзе там и нужен нам. Потом кое-как договорились. Ведь строительство мартена — не менее важное дело.

— Значит, я остаюсь?

— Да, пока не сдадим в эксплуатацию первую печь.

— Если работы и в дальнейшем будут вестись такими темпами, ка-

жется, ни я, ни вы не доживем до того времени, Макар Григорьевич. Ведь даже фундамент не забетонировали.

— Это верно. И все же дождемся, на страх врагам. Я в этом уверен. Но должен тебе сказать откровенно — есть паразиты и на строительстве.

— За них нужно крепко взяться, — горячо подхватил Арчил.

— Правильно. Это, конечно, капля в бездонном океане. Но ведь и капля иногда переполняет чашу. Мы должны положить конец этому. Пойдем, — добавил Гургенидзе, — я сам вселю тебя в комнату.

Гургенидзе оделся и вместе с Арчилом вышел из кабинета. В приемной его ожидало несколько человек. Среди них был и управдом. Начальник строительства подошел к нему. Сепе вытянулся, как солдат, и отчеканил:

— Слушаюсь, Макар Григорьевич!

— Ты почему не даешь ему комнату?

— Кому, Макар Григорьевич?

Управдом огляделся по сторонам и посмотрел на всех, кроме Арчила.

— Вот ему, ему, — нетерпеливо указал Гургенидзе.

— В первый раз вижу, Макар Григорьевич, — не моргнув глазом, солгал Сепе.

— Ну вот, марш отсюда и немедленно обеспечь его жильем. Выполнишь — доложишь, — приказал Гургенидзе и, считая вопрос решенным, кивнул Арчилу: ступай, мол, за ним. А сам вернулся в кабинет.

Некоторое время Сепе стоял молча, что-то соображая. Потом шагнул к дверям и бросил Арчилу:

— Пойдемте!

Всю дорогу управдом бурчал себе под нос:

— Вечно так, вчера приказывают одно, сегодня другое. Заварят кашу, а расхлебывать приходится кому? Сепе.

На углу они остановились, и Сепе сказал:

— Придется идти пешком. Если ждать автобуса — целый час пройдет. Так вот и ходишь день-деньской, как каторжный. А кто ценит?

Арчил молчал. Сепе посмотрел на его непроницаемое лицо и тоже замолчал. По дороге его несколько раз останавливали разные люди. Арчил терпеливо ждал. Наконец, они дошли до улицы Строителей, вошли в грязный захламленный двор, поднялись на второй этаж еще не достроенного, но уже заселенного дома. Сепе открыл дверь в комнату, где стояли тесно сдвинутые четыре железные койки.

— Вот, батоно, располагайтесь. Здесь только три человека, четвертым будете вы. Одна койка свободна, пожалуйста.

В комнате было грязно, всюду валялись окурки, обрывки газет.

Арчила не столько поразило бесстыдство Сепе, сколько ужасающий беспорядок в комнате.

— Что здесь за люди живут?

— Не знаю, не знаю, такие же люди, как вы. Распишитесь, что приняли кровать.

Арчил не выдержал:

— Ты что, издеваешься надо мной?

Управдом, казалось, только этого и ждал. Он вытаращил глаза и завопил:

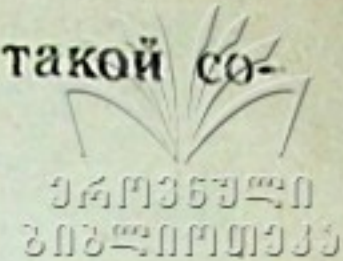
— Как, вам не нравится? Не по вкусу? Не желаете жить рядом с трудовым народом? Здесь мы — рабочий класс. Да, да, да. Кончилось время таких, как вы, князей. Не угодно, другого уложим. Меня еще благодарить будут. Люди бегают, не знают, где ночь провести.

— Ну, я тебе покажу! — пригрозил ему Арчил.

— Покажешь? Как, ты смеешь мне угрожать? — подскочил управ-

дом. — Что ты можешь мне сделать? С работы снять? Да от такой собачьей работы сдохнуть можно...

И Сепе вылетел из комнаты, точно его сдуло ветром.

К концу рабочего дня Сепе, как лиса, прокрался в приемную начальника строительства и, с опаской озираясь по сторонам, просунул голову в дверь.

— Можешь войти, — сказала ему Валя, — у Макара Григорьевича никого нет.

Сепе прошмыгнул в кабинет и замер у стола.

— Ну, что ты сделал? — спросил Гургенидзе.

— Рабочих обеспечил жилплощадью, Макар Григорьевич. Вселил в шестую...

— А того инженера?

— Все привередничает, Макар Григорьевич. Что ни покажу, все бракует. А что я могу сделать?

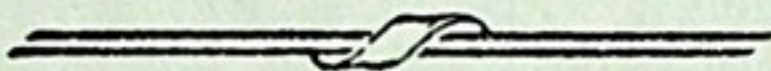
— Что он тебе сказал?

— Не желаю, говорит, ни под каким видом, сам живи в таком свинюшнике.

— Раз так, пусть ездит из Тбилиси, — сказал Гургенидзе, кивнул Сепе на дверь: мол, разговор окончен, и, приподнявшись, взял трубку звонившего телефона.

Сепе на цыпочках вышел из кабинета и плотно прикрыл толстую, обитую гранитом дверь.

Окончание следует

Андрей Вознесенский

СТИХИ О ГРУЗИИ

ГОРНЫЕ ДОРОГИ

Вас за плечи держали
Ручищи эполетов.
Вы рвались и дерзали,
Гусары и поэты!

И уносились ментики
Меж склонов-черепак.
И полковые медики
Копались в черепак.

Но оставались песни.
Они, как звон подков,
Взвивались в поднебесье
До будущих веков.

Их горная дорога
Крутила, как праща,
И к нашему порогу
Добросила, свища.

И снова мертвой петлею
Несутся до рассвета
Такие же отпетые —
Шоферы и поэты!

Из горного озона
В даль будущих веков
Летят высоким зовом
Гудки грузовиков.

ТУЛЯ

Кругом тута и туя.
А что такое Туля?

То ли турчанка —
Тонкая талия?
То ли речонка,
Горная, талая?

То ли свистулька?
То ли козуля?
Туля!

Я ехал по Грузии,
Грушевой, вешней,
Среди водопадов
И белых черешен.

Чинары, чонгури,
Цветущие персики
О маленькой Туле
Свистали мне песенки.

Мы с ней не встречались.
И все, что успели,
Столкнулись—расстались
Среди Руставели...

Но свищут пичуги
В московском июле:

Тунт —
 ту-ту —
 туля!

Туля! Туля!

ПРАДЕД

Памяти прадеда моего, сына приверженца Ша-
милля, заложником увезенного в Муромский
монастырь в 1830 г.

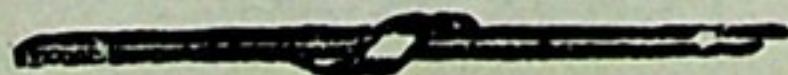
Ели — хмуры.
Щеки — розовы.
Мимо
 Мурома
Мчатся розвальни.
Везут из Грузии!
 (Заложник царский.)
Юному узнику
Горбятся
 цаплей,
Слушать про грузди,
Про телочку яловую...

А в Грузии —
Яблони...

(Яблонек завязь
Гладит меня,
Чья это зависть
Глядит на меня?!)

Где-то в России
В иных временах,
Очи расширя,
Юный монах
Плачет и цепи нагрудные гладит...

Это мой прадед.

Михаил Мревлишвили

Каменщик и его сосед-лекарь

Из цикла „Тбилисские новеллы“

Перевод с грузинского Малико Мревлишвили

В одном городе жил лекарь. Хороший лекарь, знающий, искусный. Многие болезни умел он врачевать. А по соседству с ним жил каменщик, на весь город известный человек, уважаемый. Народ гордился им, его работой. Случись разлад среди соседей или что другое неладное, — тотчас же звали мастера, мол, рассуди нас. Такой уж славой справедливого человека пользовался он.

Лекарь в своей области тоже был сведущим, однако слава не приходила к нему. Наверное, не везло! И случилось так, что люди эти подружились накрепко, хоть водой разливай — не разлучишь.

Каменщика донимал тяжелый недуг. Больное сердце то и дело давало о себе знать. О вине он и помышлять не мог. Лишь выпьет малую толику, как схватит за сердце болезнь, как начнет душить злой приступ, так и кажется — вот-вот душу богу отдаст. Но каждый раз, словно из-под земли, являлся лекарь, доставал из кармана пузырек и мигом ставил друга на ноги.

Каменщик был премного благодарен лекарю. Не раз пытался хоть чем-то отблагодарить, но тот наотрез отказывался — спасти от смерти друга он считал своим долгом. И мастер впал в раздумие: «Как быть, чем отплатить спасителю?»

Долго ломал себе голову, но так и не придумал ничего. Решил в лавках подарок поискать. Осмотрел ткани роскошные, гладкий шелк и бархат, кашмирскую шерсть и русское полотно, багдадские платки, но не пленил его ни один из товаров. Пошел тогда к прославленным тбилисским золотых дел мастерам. Показали часы золотые, бирюзой и алмазами усыпанные, прибор чернильный, из клыков заморского зверя сделанный да серебром оправленный, подзорную трубу из саламандры, карманный ножик с рукояткою эмалевой, опалы, золотым ободком охваченные. Глаза разбежались у каменщика, а остановить свой выбор на чем-нибудь так и не смог.

«Эх, — решил он, — допытаюсь-ка лучше я у самого лекаря, может, есть мечта какая, исполню».

Однажды вечером, сидя у очага, завел он с ним беседу да будто ненароком спросил:

— Скажи, неужели ты никогда ни о чем не мечтал?

Лекарь посмотрел в окно, указал рукой на солнце, которое горило спрятаться за гору, и сказал:

— Жизнь человека, что путь солнца за день, — начинается утром восходом и кончается к вечеру закатом. О чем же можно мечтать на склоне лет?

— И все же должно быть у тебя сокровенное желание? — не отставал каменщик.

— Солнце моей жизни заходит, пригоршнями раскрывала природа мне свои тайны, а славы и зернышка не дала, что и говорить, — не повезло мне в жизни, — тяжело вздохнул лекарь.

Узнал мастер мечту друга, решил помочь ему.

— Не падай духом. Твой закат еще далек. А знания принесут тебе славу, — в этом положишься на меня. Только помни: имя свое и славу надо беречь, как зеницу ока, — сказал он и поспешил домой.

Какие думы передумал наш мастер за эту ночь, какое решение принял, — об этом-то я и хочу рассказать вам сейчас. Но должен заметить, что диву даюсь, как мог он предвидеть многое, какими пророческими оказались его слова!

Итак, каменщик всю ночь не смыкал глаз, все думал. И решил в ближайшее воскресенье созвать гостей.

Людей он назвал тьму-тьмущую. Да такой пир задал, просто сказочный. Стол накрыл в саду, под сенью чинар. Всех поразило обилие блюд, только птичьего молока не хватало. Музыкантов сменяли певцы, молодежные пляски, игры! Все веселились без удержу. То и дело вносили новые чаны с вином. Виноградные гроздья отливали янтарем. Гранаты, потрескавшиеся от зрелости, походили на шкатулки с яркими рубинами.

Сам хозяин веселился больше всех: слагал стихи-шаири, провозглашал тосты, задавал загадки, рассказывал сказки и пил, пил без меры. Дивились гости — никогда не пил столько каменщик, боялись за него.

Не выдержало сердце каменщика такого количества вина, схватился он за грудь. Хорошо еще, подросла жена, уложила на цыновку больного. Гости всполошились, повскакали с мест: ведь лица на нем не было. Но тут принялся за дело лекарь.

Раздвинул он толпу, подошел к лежащему в обмороке каменщику. Поднес к губам его пузырек, разорвал рубашку на груди и приложил холодное полотенце к сердцу. Так же проворно снял с него ботинки и обложил ноги горячими кирпичами, завернутыми в шерстяной платок.

Больной очнулся, посмотрел блуждающим взглядом по сторонам. Схватил лекаря за руку, благодарно прижал к груди. Изумление гостей не знало границ. Тогда мастер сказал:

— В который раз возвращаюсь я с того света, и все благодаря искусству и стараниям нашего лекаря. Слава ему!

Гости в один голос принялись расхваливать лекаря. Во главу стола усадили его, лучшие тосты посвятили ему.

С того и началось. Слава о лекаре пошла сперва по околотку, потом перекинулась в Тбилис-город, а затем и повсюду.

С тех пор не было у него отбоя от больных: где ни покажись лекарь, всюду собиралась вокруг него толпа.

Надо отдать ему должное: из сил выбивался, ни днем, ни ночью не спал, все лечил. Многих выходил он в ту пору. Одним словом, затмил он искусством и славой своей всех врачей на свете.

Полюбил народ своего лекаря, из уст в уста передавалась молва о нем, именем его клялись люди.

Но, к сожалению, слава, что хмельной напиток: сам не заметишь, как вскружит голову, опьянит.

Вначале жертвой ее стала жена лекаря. Возгордилась, возомнила о себе бог весть что, напыжилась, словно индюшка. И начала нашептывать мужу:

— Видишь, ты снискал славу, люди молятся на тебя. Отбрось скромность и добродетель, они не к лицу теперь тебе. Перестань якшаться с простонародьем, время и об ученой степени подумать. Иначе останешься ни с чем.

Поразмыслил лекарь над словами жены, решил внять ее совету. Вовсе покинул свой район, переселился в другой. Закрылся в четырех стенах, принялся за труд. Памятник себе решил поставить, даже название книги придумал: «Мой вклад в науку». Врачевать и вовсе перестал. Всем был заказан вход к нему: и чужим и близким. Даже для родственников закрыты были двери его дома. А приток больных все рос и рос. Пришлось поставить в дверях сторожа и строго наказать ему не впускать никого. Дверь же украсила дощечка с надписью: «Не беспокойте меня, я пишу труд».

А время все шло. Люди понемногу забывали своего любимого лекаря, и доброе имя его стало забываться.

Узнал обо всем этом мастер, и очень огорчился. Подумал: «Неужели он так поступит и со мной?» Решил проверить на деле. Послал соседа к лекарю, велел передать просьбу: «Я болен, навести меня».

Однако его посланца и к двери близко не подпустили. Грубо велели убраться вон. «Очень уж возгордился твой друг, никому дверей не открывает», — с досадой сказал каменщику сосед.

Разгневался тогда мастер. Сам пошел к лекарю. Оттолкнул сторожа и вошел в дом. За столом сидели именитые гости, поздравляли лекаря с завершением первого тома его труда.

Недовольно посмотрел ученый муж на простого каменщика. Велел жене посадить его в конец стола.

Заговорило в мастере самолюбие. Ошеломил его прием бывшего друга. В самое сердце вонзились стрелы обиды. И свалил его старый недуг.

Засуетились светила медицины, стали совещаться. Наш лекарь также решил не ударить лицом в грязь. Но ведь пузырьки с проверенными на опыте каплями он давно забросил, да и секрет их изготовления позабыл.

Так и умер каменщик.

С того дня пошла об ученом лекаре дурная слава. Отвернулся от него народ.

Словно бы и жив остался человек, да не стало лекаря, остался «первый том», а славы и след простыл.

Эльза Триоле

ЛУННЫЙ СВЕТ

Перевод с французского М. Кавтарадзе

Длинные гибкие резиновые стебли, переплетения электрических лиан, раскаленные до блеска железные цветы, кольца серебристых змей... нежное жужжание, журчание воды... Искусственный сад, знойный, благоухающий: никель, фаянс, зеркала, зеркала, отражающие белые фигуры с тиарами перманентных завивок... Головы отрезаны от мира, утратили связь с ним из-за страшного гудения ветра под касками-сушилками, на лицах — странно отсутствующее выражение.

— Месье Антуан, — зовет хозяйка, — можете вы принять в три часа мадам Дюбреиль?

— А что у нее?

— Укладка волос.

— Постараюсь...

Месье Антуан Реймонд — красивый брюнет с оливковым цветом лица и мешочками под глазами — улыбаясь, шепчет что-то на ухо даме, затылок которой покоится у него на ладони.

Женщины в креслах парикмахера не поддаются какой-либо классификации.

Разве можно себе представить, что вон та, поднявшая к самому зеркалу свой чистый лоб, с молитвенным выражением, окажется минуту спустя маленькой женщиной с округлыми формами, в платье из пестрого шелка с платиново-бесцветной завитой головой, на которой едва держится шляпка.

Или мокрые, редкие и прямые волосы на голове мужеподобной брюнетки обратятся вдруг в очаровательно женственные каштановые локоны и из пеньюара появится прекрасная рослая девушка с неестественной, упругой грудью под полотняной блузкой...

Перекись пенится на голове мадам Леонс. Мадам Леонс терпеливо ждет, ей не скучно — у парикмахера никогда не бывает скучно. Как красива эта белая пена на голове! Нигде не бываешь такой красивой, как у парикмахера! Надо бы добыть на дорогу жирный крем...

— Еще немного уксуса, месье Реймонд, — говорит дама рядом, — это мыло без уксуса никуда не годится.

— Доверьтесь мне, мадам, и волосы у вас будут мягкие и блестящие.

Когда головка сидящей рядом дамы вынырнула из воды, она ока-

залась до нелепости маленькой. Точь-в-точь такое же впечатление производит большая лохматая собака мадам Леонс, когда ее купают: просто не верится, что на самом деле она так мала и тщедушна.

— Месье Реймонд, — говорит мадам Леонс, — боюсь, вы забыли обо мне, я не хочу, чтобы мои волосы стали платинового цвета.

— Не беспокойтесь, мадам, я помню об этом.

— ...Она вышла замуж за доминиканца, — рассказывает дама рядом, в то время, как месье Реймонд массирует ей лицо.

— За доминиканца? — повторяет месье Реймонд, подняв взгляд к отражению дамы в зеркале.

— Да. Очень красивый парень.

— За доминиканца? — месье Реймонд становится так, чтобы лучше видеть. — В сандалиях на босу ногу?

Дама только что вернулась из Парижа. Это очень хорошая клиентка, очень богатая. Месье Реймонд настолько воспитан, что не выражает удивления, хотя эта история кажется ему странной.

— Почему же вы думаете, что он обязательно ходит босиком? Это — очень красивый молодой человек, и вовсе не босой... Втирания совсем не те, что были раньше, совсем не щиплет.

— Это просто несчастье. Уверяю вас, что если уж у нас такие, значит, лучших нигде не найти! Вы слышали, Меги, Даниэль Дарье вышла замуж за доминиканца. А я-то думал, что монахи...

Маникюрша подсаживается к даме:

— Ах, что вы говорите! — возбужденно произносит она.

— Да нет, месье Реймонд, я же вам говорю — доминиканец, из Южной Америки, оттуда... там есть республика, которая называется... Как ее? Словом, тамошних жителей называют доминиканцами. Он атташе посольства, вполне светский человек.

— А я удивлялся, что монахи...

— Это бенедиктинцы ходят босиком, а вовсе не доминиканцы.

— Кармелиты, деточка, кармелиты, — не выдерживает дама, сидящая в стороне.

— Этому нет конца! — заявляет хозяйка, которая проходит за креслами с бутылкой шампуня в руках. Все смеются.

— Месье Реймонд! Я не хочу быть «платиновой», вы совсем не занимаетесь мной. Я тороплюсь на поезд!

— Я весь к вашим услугам, мадам Леонс!

— Сегодня первый летний день, — констатирует маникюрша, подпиливая ногти мадам Леонс. (Шампунь, укладка волос, все уже сделано. Остались руки).

— Только в парикмахерской узнаешь новости, — говорит мадам Леонс, — я ничего не знала. С этими карточками и очередями не замечаешь, как проходит жизнь! Поторопитесь, мадемуазель, мне нужно поспеть на поезд.

— Опустите руку в воду, мадам. Вы едете отдыхать?

— Да, мне рекомендовали один уголок, где утром к завтраку можно иметь масло. У меня там как раз оказались друзья. Это такая глушь, наверно, будет скучно, но в наше время...

— Нам всегда говорили, что парижанки высокомерны и требовательны, — вздохнула маникюрша, — а я нахожу, что совсем наоборот. Если они довольны, они всегда возвращаются к нам. А наши южанки никогда не знают, чего им нужно! Дайте другую руку, мадам, а эту положите в воду... Правда, у парижанок острый язычок, но с ними легче сговориться, чем с нашими дамами. У наших дам прекрасные поместья.

и все же они никогда не дают на чай. Разве проживешь на то, что мы зарабатываем, без чаевых?!

Время от времени маникюрша поднимала прекрасные круглые серые глаза, с выщипанными бровями на круглом гладком лице, с чуть желтоватой кожей, великолепно очерченным ртом и так ярко накрашенными губами, что зубы у нее казались ослепительно-белыми.

— Что это за помада у вас? — спросила мадам Леонс.

— «Виктуар». Но, кажется, она у нас уже кончилась.

— Вообще больше ничего нет. Нет ли у вас случайно чулок?

Маникюрша на секунду задумалась:

— Чулки? Можно найти, но они будут стоить двести франков. Я нахожу, что это слишком дорого. Ведь они такие тонкие, зацепишь и прощай двести франков.

— Действительно, слишком дорого! Последний раз я заплатила сто пятьдесят. Это становится невозможным. Но ведь самое главное для женщины — хорошие чулки... Этот лак долго сохнет? Мне все же не хочется опоздать на поезд.

— Только четверть часика, мадам. Лак — военного времени. Лучше немного потерпеть, подумайте, что будет, если вы его поцарапаете... У вас красивые ногти!

Мадам Леонс недурна. Очень холеная и подобранная, тип сухощавой англичанки; она очень накрашена, волосы обесцвечены перекисью, ногти ярко-красного цвета.

Мадам Леонс едет отдыхать совсем одна. Несмотря на бездну изобретательности, которую она проявляет (а может быть, именно благодаря ей), чтобы семья хорошо питалась и была прилично одета, она очень похудела и ее нервы в печальном состоянии. Доктор рекомендовал отдых, деревню. Мадам Леонс считает, что Тулуза, где они живут, уже деревня. Все, что не Париж, — деревня! Но Робер настоял на том, чтобы она уехала, Робер такой хороший; сам он в течение месяца будет питаться в ресторане, а маленькому очень хорошо у Мэмэ. Ей нельзя больше думать о карточках, сказал доктор. «Карточкомания» приняла угрожающие размеры. Есть люди, которые говорят только о карточках и о том, где что можно достать. Они стоят в очередях из любви к искусству, они путешествуют потому, что талон ДН, который у них в районе ничего не стоит, в соседнем департаменте чего-то стоит.

— ДН, — говорит мадам Леонс, — это мучные изделия, их и здесь можно получить.

В глубине души мадам Леонс решила переменить врача. Этот смешон своей болтовней о «карточкомании». Еще немного, и он объявил бы ее сумасшедшей. Разве она упрекает доктора за то, что он все время говорит только о войне? Выходит, что у него «войномания»? Она рассказала ему историю пальто Лулу, и он тут же воскликнул: «Вот видите, вот видите!» А что именно должна она видеть? Подумаешь, какое событие! Лулу вырос из своего пальто и нужно было обменять его на другое. Она пошла в мерию, оттуда ее направили в «Национальную Помощь», там у нее взяли пальтишко и дали ордер на другое детское пальто, но сверх пальто, которое она отдавала, с нее потребовали еще 20 талонов. Какая же тут выгода? Тогда она отправилась в префектуру, где ей дали ордер и не взяли ее пальто, но, правда, 20 талонов все же вырезали. Это было уже лучше: тут она в самом деле кое-что заработала — старое детское пальто.

Может быть, она берет с собой слишком много вещей? Возможно, но в конце концов это ее право. Почему война уничтожила всех носильщиков на вокзалах? Не стоит даже пытаться все это понять. К счастью, в поездах обычно бывают офицеры и молодые люди в шортах¹. Непонятно, что эти люди собой представляют, но они всегда помогают нести чемоданы. У мадам Леонс было две пересадки. Первый раз ей пришлось бежать, чтобы поспеть, потому что их поезд опоздал. Тоннель тянулся бесконечно, высокий молодой человек хотя и производил впечатление силача, но все же обливался потом, когда наконец уложил в сетку три чемодана мадам Леонс. Он тоже бежал по тоннелю. Поразительно, какие сильные бывают мужчины! Подумать только, бежать с тремя чемоданами! Мадам Леонс рассыпалась в благодарностях. Молодой человек едва успел выскочить из вагона, как поезд тронулся, набирая скорость. На второй пересадке все было наоборот: поезд, в который должна была пересесть мадам Леонс, опаздывал, и ей пришлось бесконечно долго ждать в буфете вокзала. Ее атаковали десятки мух, хотя в буфете было пусто — даже для мух не нашлось бы ничего съедобного.

Но гвоздем путешествия был его конец — прибытие к месту назначения, вернее — почти к конечному пункту, потому что мадам Леонс должна была переночевать в этом городе и только наутро выехать на машине к захолустному местечку, которое и являлось целью ее путешествия, а до него было еще пять километров.

Мадам Леонс пришлось пококетничать с контролером у выхода с вокзала, чтобы он разрешил носильщику, единственному на привокзальной площади, пройти на безлюдный перрон, где в полном одиночестве ждали чемоданы мадам Леонс. Носильщик походил на столетнего старца: он взвесил большой чемодан и сказал: «Несите сами, он слишком тяжел для меня» и взял два чемодана поменьше. Мадам Леонс пришлось коленкой толкать перед собой большой чемодан. К счастью, контролер еще издали заметил ее и поспешил на помощь. А по выходе с вокзала нашелся рабочий, который взвалил все три чемодана на тележку и довез их до «Терминуса».

Свободной оказалась лишь комната за сто франков. Мадам Леонс приехала на добрых четверть часа позже всех остальных. Ей досталась комната с тремя широкими, чуть ли не двухспальными кроватями. Общежитие, а не комната! Ванная, вся в паутине, походила на русло высохшей реки. Было около десяти часов вечера. Мадам Леонс с утра ничего не ела, а нужно было еще позвонить друзьям, в то местечко, куда она направлялась.

Как полна жизнь! Мадам Леонс испытывала чувство удовлетворения, какое, вероятно, испытывает исследователь, борющийся с природой, полной всяких неожиданных препятствий, и счастливый и гордый тем, что затраченные усилия привели его наконец к победе. Подумать только, что перед войной она жила так легко и беззаботно! Чем же она была занята целый день? Ведь тогда у нее еще не было Лулу. В то время провизию покупали, а не добывали, ничего не приходилось искать или добиваться, можно было не запасаться ни продуктами, ни углем, ни сухим горошком, которого теперь, кстати, не найти... До войны она никогда не согласилась бы спать одна в номере с тремя кроватями. Ведь это неле-

¹ Шорты — короткие штаны спортивного типа. (Прим. перев.).

по! В те времена вообще не существовало номеров с тремя кроватями, а теперь, вероятно, это вызывается необходимостью, порожденной временем. Мадам Леонс вымыла руки довоенным мылом, которое захватила с собой. В дороге все так пачкается! Она проверила, есть ли у нее сахар в очаровательной маленькой коробке от Лансела: может быть, внизу ей дадут чаю!

Но прежде всего нужно поговорить по телефону: что будет с мадам Леонс и с ее тремя чемоданами, если завтра за ней не заедут на машине? Сидя в кресле, она читала рекламные брошюры, которые валялись на круглом столе; она не могла понять, о чем в них говорилось и к какому времени относились изложенные в них факты. Она снова и снова перечитывала страницу, чтобы хоть как-нибудь убить время. В холле было всего несколько человек: телефонистка и мужчина, ожидавший телефонного вызова. Время от времени кто-нибудь проходил, брал свой ключ и поднимался в номер. Мадам Леонс ждала уже около получаса, кресло начинало казаться ей таким твердым. Она очень устала...

Застекленная дверь вела в ресторан отеля. Оттуда вышел мужчина, и тотчас же погас свет. Мадам Леонс подумала, что сегодня ей так и не удастся покушать! У мужчины был красноватый цвет лица, какой часто бывает у англичан. Хорошо скроенный, но довольно потертый костюм неуклюже сидел на нем, брюки сползли низко на бедра, рубашка почти вылезала из них. На лице застыла улыбка, обнажая кривые зубы. Они встретились глазами и узнали друг друга: это был Тарриг, коллега мужа в самом начале его деловой карьеры. Они потеряли его из виду десять лет тому назад, с тех пор, как он уехал в Африку, работать в управлении колониями.

— Вот чудеса! — сказал Тарриг, пожимая ей руку, — а куда вы девали Робера?

— Мадам, — позвала ее телефонистка, — обычно в это время М. отключают от города.

Как будто не могли сказать ей раньше!

— Давайте, Жанетта, выйдем на несколько минут!

Мадам Леонс очень устала, но если бы добыть где-нибудь чаю...

— Ну, конечно, вы получите ваш чай! Я знаю тут одно довольно приличное кафе с террасой. Ведь мы не виделись десять лет!

На улице было совсем темно. Это приключение сбивало с толку мадам Леонс: незнакомый город, ночь, появление Таррига из дверей ресторана, словно из далекого прошлого... Ей казалось, что ее несут волны ночи и усталости. Чудная ночь, усталость, как от вина. Терраса кафе была погружена во мрак: в этом городе очень серьезно относились к затемнению. Кресла были удобные и, благодаря усилиям Таррига, мадам Леонс наконец получила чай. Она была очень довольна: ей оказывали необычайную милость, подавая чай в такой час, когда уже не было газа. Тарриг что-то говорил, но его голос доносился словно сквозь толстую стенку: по правде говоря, мадам Леонс наполовину спала.

— Да, — слышалось откуда-то издали, — жизнь в колониях — странная штука, там можно встретить любопытных людей...

Тут мадам Леонс потеряла нить рассказа, когда же она ее вновь нашла, голос продолжал:

— ...если бы не война, я никогда бы не вернулся сюда. Я во что бы то ни стало хотел пойти в армию.

Мадам Леонс чувствовала себя виноватой: она пропустила все, что

он говорил о жизни в колониях. Она сделала усилие, но нить снова оборвалась, и она уже ничего не слышала из того, что Тарриг рассказывал о войне.

Они вернулись в отель. Портье подал мадам Леонс ключ от комнаты и телеграмму. Ну, конечно, телеграмма была для нее: они не разобрали фамилии и телеграмма лежала с утра! Окончательно проснувшись, мадам Леонс вскрыла ее: друзья, которые приготовили для нее квартиру и которые должны были ждать ее с машиной, извинялись, что вынуждены ускорить свой отъезд. Ключи от дома лежат под ковриком около двери.

Мадам Леонс расстроилась. Она протянула телеграмму Тарригу.

— Я вам помогу, — сказал он. — Если вы чувствуете себя способной поехать туда сейчас же, я могу вас отвезти.

— Я всегда могу сделать над собой усилие, когда это необходимо, — произнесла сентенциозно мадам Леонс, — только я хотела утром купить шоколадные конфеты. Завтра как раз пятница, и этот город единственный во Франции, где еще можно достать шоколадные конфеты.

— Если у вас есть чемодан, я вам советую воспользоваться моей помощью, — настаивал Тарриг, — вам не придется плутать в одиночестве по этому захолустью. Я хорошо знаю эти места, они прекрасны, но жить тут невозможно. Признаюсь, я не понимаю, почему вы туда едете.

— Говорят, там можно получить масло к утреннему завтраку.

— О, тогда... — Тарриг засмеялся, он находил, что мадам Леонс обладает чувством юмора.

Чемоданы мадам Леонс снова снесли вниз.

— Интересно, что бы вы делали без меня! — сказал Тарриг, укладывая чемоданы в багажник. — Боженька существует для красивых женщин.

Они миновали город. Мадам Леонс не видела кругом ничего, кроме тьмы, словно они находились в бутылке с чернилами. Но при выезде из города, когда они ехали по бесконечно длинному мосту, на небе, усеянном звездами, внезапно появилась огромная луна, и стало совсем светло. Вдалеке, где-то внизу, можно было разглядеть пролеты древнего моста через реку. Вероятно, было за полночь, но мадам Леонс окончательно проснулась.

Тарриг говорил о последних событиях, и теперь мадам Леонс его слушала. Однако все время разговаривал он один, темный силуэт рядом никак не откликался. Когда в самом начале замужества месяц Леонс заставил свою жену прочитать «Войну и мир», она прочла только «мир». Она обычно пропускала в книгах именно то, о чем сейчас рассказывал Тарриг. Сама она никогда не говорила о войне, разве только чтобы сказать: «Вот когда война кончится..» Было даже странно, насколько глуха она становилась, как только речь заходила о войне, можно было подумать, что ей мгновенно закладывало уши. Она чувствовала себя неспособной вообразить всю сумму несчастий, в которые был погружен мир. Впрочем, у нее была своя доля неприятностей со всеми этими карточками, грязной маленькой квартирой в Тулузе, с Лулу, у которого не было самого необходимого. И вот сейчас она во мраке совсем выбилась из сна, и уши у нее не заложены. Она воспринимает слова Таррига примерно так же, как будучи ребенком глотала ложку касторки, с зажатым носом, запрокинутой головой. Тарриг заговорил на этот раз о голоде.

— Голода не будет, потому что всегда будет черный рынок, — возра-

зила она, — конечно, для бедняков это несчастье... Но ведь всегда были богатые и бедные.

Большая луна, толстая и упитанная, набросила огромный белый саван на окрестности. Тарриг замолчал. Убаюканная движением мадам Леонс снова задремала.

— Вы знали Барбье? — после долгой паузы спросил Тарриг. Его голос заставил мадам Леонс вздрогнуть.

— Как будто, знала, — сказала она, не вполне отчетливо соображая ни что она говорит, ни о чем идет речь.

— Я снова его встретил в Камеруне. Мы подружились так, как можно подружиться только там. По крайней мере я так думал.

К несчастью у Таррига глухой голос, бесцветный, как лунный свет. Он ускользает от внимания, совсем как вода, уходящая в трещину. Мадам Леонс делает отчаянные усилия, она слышит:

— ...он ждал десять лет. В течение десяти лет своей жизни он только ждал и больше ничего не делал. В один прекрасный день случилось так, что она оказалась свободной!

Мадам Леонс вдруг вспомнила, что упущены шоколадные конфеты, и ее начала терзать эта мысль. Но все же то, о чем рассказывает Тарриг, ее интересует. Похоже, что это любовная история, а любовные истории ее всегда интересуют. Знать бы только, получит ли она масло к завтраку.

— ...тогда, — продолжал голос Таррига, — он захотел выколоть себе глаза. Не знаю, почему в минуту отчаяния эта мысль все время приходила ему в голову. «Я выколю себе глаза, я выколю себе глаза». Он попробовал.

Может быть, от того, что она оказалась не такой, какой он ожидал ее увидеть? — произнесла мадам Леонс, прослушавшая из этой истории все, между десятью годами ожидания и моментом, когда кто-то решил выколоть себе глаза. Может быть, это уже другая история? Впрочем, нет, так как Тарриг ответил:

— Возможно... Вы правы, я об этом не подумал. Только женщина может так верно угадать.

Он повернулся к мадам Леонс. Он видит только ее белое от луны лицо, глаза, огромные от этой белизны. Какое изумительное лицо у этой женщины! Вот она закрывает глаза: теперь она словно гипсовая маска.

Мадам Леонс так и не узнала конца истории. Возможно, на этом все кончилось, а может быть, эта история и вообще без конца. Она проснулась только тогда, когда остановилась машина.

* * *

Перед ними были ярко освещенные лунным светом стены, гладкие, блестящие, побеленные лучами, которые смыли с них все грязные пятна, все шероховатости. Густые тени служили им оправой. Тарриг вылез из машины. Он тоже был как бы омыт лунным светом, его глаза приобрели блеск бриллианта, профиль, узкий и аскетический, утратил живые краски. «Это там», — сказал он.

Они вошли через ворота. За оградой высились большие неподвижные деревья. Резкие черные тени, обрезанные по краям, как по линейке, стлались по круглым камням, от которых было больно ногам Жанетты. Тарриг предложил ей руку. Она слегка попятилась перед черной зияющей дырой, которая оказалась проходом через высокую ограду. Но тут же, в проходе был поворот, и вот они в маленьком, стиснутом со всех

сторон стенами, внутреннем дворике, под луной, застрявшей где-то на верхушке церкви. Дворик был полон до краев волнами лунного света, которые спускались сверху. Тарриг все еще держал руку Жанетты. Еще один черный проход — и другой дворик, побольше. Скорее, маленькая площадь, а на ней деревья и фонтан с колоннами посередине. Тут лунный свет был более рассеянный, тени — серее. Тарриг продолжал продвигаться вперед, увлекая за собой Жанетту.

— А чемоданы? — голос Жанетты растаял в воздухе, как снег в воде.

— Да, правда, чемоданы...

Но он все шел вперед. Теперь это был белый, мощный бульжинок, круто спускающийся переулок, в котором дома стояли без крыш, а вместо дверей и окон зияли черные дыры. Переулок развалин, который оказался всего лишь тупиком.

— Под половиком? — спросил Тарриг. Он нагнулся, открыл дверь. Они вошли.

— А чемоданы?

Голос Жанетты пророкотал, как удар грома. Придя в ужас от произведенного ею шума, она умолкла. У Таррига оказался электрический фонарик: они — в длинном сводчатом коридоре.

— Вам незнаком этот дом?

— Нет, — прошептала она.

Коридор заканчивался дверью, направо поднималась лестница. Тарриг открыл дверь и зажег свет: кухня, все еще жилая, с запахом обугленных поленьев и остывшего кофе. Одна дверь выходила в сад. Жанетта остановилась у порога. Кухня оказалась ниже сада.. Жанетта поднялась по ступенькам.

Это был совсем маленький садик, замкнутый со всех сторон стенами. Огромные девственные белые стены. Здесь луна разгулялась во всю, залила и садик и стены. Серебряные лилии, как на алтаре, росли вдоль одной из стен, и их аромат никуда не мог ускользнуть, задерживаясь между стенок этой закрытой вазы. Среди беспорядочно проросшей травы стоял каменный стол, круглый, белый, словно покрытый скатертью. Странно было видеть каждую травинку так же отчетливо, как видишь дно озера сквозь очень прозрачную воду. Тарриг вышел вслед за Жанеттой, сел на стол и застыл. Тишина душила обоих своими войлочными руками, вызывала головокружение, как пустота пропасти. Прозрачная бесконечность, побеленная луной, покрывала их, как стеклянный колпак покрывает часы. Вечность окружала их. И так чиста была эта вселенная, что даже аромат лилий казался слишком ощутимым, слишком тяжелым.

Голос Таррига скользнул, не нарушая тишины:

— Вне времени и пространства... Что вы скажете, Жанна?

— Тысяча девятьсот сорок второй, — отозвалась Жанна. Она вернулась в дом.

Кухня, которая только что казалась такой жилой, стала ледяной: туда тоже проник лунный свет. Жанна миновала ее и поднялась по лестнице, словно знала, куда идти. Комната наверху была очень большая. Жанна увидела стены цвета ржавчины, с большими пятнами сырости. Там стояла кровать, и Жанна не пошла дальше. Она быстро разделась, легла, потушила свет.

Сначала прозвонили церковные часы. Кукушка, выждав добрых пять минут, прокуковала столько же раз. Толстые ставни не пропускали

ни воздуха, ни лунного света. Большая, незнакомая комната со стенами цвета ржавчины казалась совсем черной. Сейчас, темной ночью, это было все, что знала о ней Жанна. Бум... Снова церковные часы. Кукушка позвонит позже. Всю жизнь бой стенных часов с кукушкой будет переносить Жанну в детство, в ее девичью комнату. Окно было справа, платяной шкаф прямо перед ней, и стоило только протянуть руку, чтобы дотронуться до розового абажура на маленькой ночной лампе у изголовья кровати. Бум... Бум... Бум... Кукушка отстала, как бы для того, чтобы все вокруг успело вновь обрести свою неподвижность, и только тогда раздалось: «ку-ку, ку-ку, ку-ку».

Лунный свет проник сквозь узкую щель в ставнях, острый, как стальной клинок, отсек дымную завесу, за которой, чтобы не видеть и не быть видимой, жила Жанна. Оружие... Люди... Ребенком, она боялась темноты, над ее кроватью вечно склонялись какие-то огромные гримасничающие пасти. Тогда окно было справа, а шкаф перед ней. Люди... Жанна видит их. Они проходят перед ней, костлявые и совершенно нагие. У всех выдающиеся скулы, все курносые. Головы мертвецов всегда азиатского типа. Бедрa не толще худых рук, впалая грудь, над огромным вздутым животом видны ребра. Они останавливаются и становятся во фронт. Есть и живые среди них, розовые, обутые в сапоги. Они снова дефилируют. Как могла она жить, нося в себе, точно ужасную болезнь, это чудовищное видение? Но его не было у нее! Нет, было, всегда. Иначе откуда бы она его взяла, если не в самой себе? «Нет больше муки для матерей!» Может быть, и эти слова она носила в себе? «Для матерей нет больше муки». Она их где-то читала. Несомненно. С закрытыми глазами она читала их. Нет хлеба для детей! Люди продолжали проходить мимо. Они не смотрели на Жанну, к счастью, им не до нее. Время от времени кто-нибудь падал, время от времени земля разверзалась перед марширующими и поглощала их. Потом вспыхнуло пламя. И с закрытыми, и с открытыми глазами Жанна ясно видела пламя. Оно стлалось по самой земле. Что же может гореть на этой сухой, потрескавшейся земле? Люди съели всю солому, они съели даже пыль. Вместо травы на земле всходит пламя. Оно покрывает равнину пылающим газоном, поднимается все выше и выше, достигает горизонта, куда направляются люди. Там видны дома. Люди идут, они не смотрят на Жанну. Огонь обгоняет их, прыгает на соломенную крышу и извивается там, точно хвост огромного, гордого красного петуха. Жанна вместе с людьми проходит сквозь пламя, она мучается вместе с ними, она невыносимо страдает за них. Бум... Неумолимый звон. Теперь черед кукушки. Но что может сделать жалкий голос кукушки в этом пламени.

Жанна соскользнула на пол, встала на колени на холодные камни. Боже мой! Отними у меня разум, чтобы я больше ничего не знала. Что перед этими страданиями предродовые боли! Боже, смети меня с лица земли.

Луна скатилась до уровня окна. Жанна со скрещенными руками встретила ее страшный свет. Она испустила крик, протяжный, как вой сирены в час тревоги, и потеряла сознание.

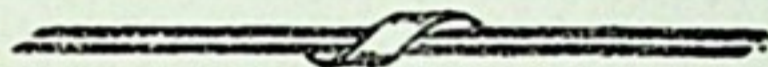
* * *

Она не слышала боя церковных часов, ее разбудила кукушка, прокуковав девять раз. Жанна поднялась и легла на кровать. Что за дом! Этот матрац полон блох. Ей не поверят, если она расскажет, что она была вынуждена провести ночь на полу, — до того ее извели блохи. А

может, это были комары. Нет ничего удивительного, когда рядом такой запущенный сад. Зброшенный дом! Какое нахальство со стороны ее друзей заманить ее в такое место. Да, а где же вода, как ей умыться? Кто ей приготовит завтрак? Если не будет масла, она немедленно уедет. А чемоданы? Куда исчез этот Тарриг? Когда людям вздумается оказать вам услугу, нет конца неприятностям.

Мадам Леонс нашла все три чемодана внизу на кухне, молоко перед дверью, в конце коридора, а масло — в буфете. В девять часов в дверь постучали: это была служанка. Перед отъездом друзья мадам Леонс все предусмотрели, обо всем позаботились. Какие милые люди! Можно тут записаться на яйца? А, тем лучше! А на мучные изделия? Это чудесно! Тогда она сможет послать яйца в Тулузу для Лулу. Дети, они требуют в наше время бесконечных забот. У служанки их трое, один совсем маленький, и двое близнецов трех с половиной лет. У них уже не было права на ордер «пеленки». А во что ей их одеть? В три с половиной года малыши не перестают же расти! Мадам Леонс незамедлила преподать ей несколько советов.

Вода для кофе кипела на плите. Сейчас мадам Леонс пойдет на автобусную остановку и поедет в город, чтобы не пропустить шоколадных конфет!

Б. Букия,

директор Тбилисского научно-исследовательского института приборостроения и средств автоматизации

Шаг в неизведанное

1. САН-ХОЗЕ, ЛОНДОН, ТБИЛИСИ

Американский городок Сан-Хозе привлек недавно внимание всего мира. Там находится завод счетных машин, и этот завод посетил Никита Сергеевич Хрущев во время своего исторического визита в США. Уже на следующий день, 21 сентября 1959 года, выступая на обеде у мэра Сан-Франциско (на обеде присутствовали представители местных деловых кругов), Никита Сергеевич счел нужным особо сказать об этом заводе:

«Большое удовольствие мы получили от посещения завода по производству счетных машин, где нас очень тепло встретили... У нас, в Советском Союзе, тоже производятся счетные машины, и не знаю, кто лучше их производит, чьи машины лучше — наши или ваши, это еще тоже вопрос... Может быть, наши машины лучше...»

Читая в газете выступление Никиты Сергеевича, я очень живо представил себе картину этой встречи бизнесменов с советским премьером. В словах Никиты Сергеевича сквозил ничем не скрываемый юмор. И как же иначе! Уж кому-кому, а бизнесменам, людям дела, должно быть лучше всех понятно, что страна, которая отправляет в космос свои чудо-корабли, умеет производить и счетно-решающие и управляющие машины хотя бы потому, что без них эти корабли могут затеряться в беспредельном пространстве мироздания.

Слов нет, компания «Интернейшил бизнес машинз», которой принадлежит завод в Сан-Хозе, делает отличные вещи. Но они нам уже не в диковину, прошли те времена, когда мы только в проспектах компании «ИБМ» видели «думающие» машины. А ведь для этого решающего шага в развитии советской науки и техники понадобилось всего несколько лет. Я имею в виду, разумеется, те последние несколько лет, когда, опираясь на предшествующие достижения отечественной науки, наша страна энергично взялась за развитие такой ее отрасли, как кибернетика. Математические машины, которые еще недавно кое-кто пытался окружить атмосферой недоверия, обрели плоть и кровь, были, как говорится, воплощены в металле и начали превосходно служить задачам технического прогресса в нашей стране.

Я располагаю довольно обстоятельной информацией о компании «ИБМ», почерпнутой в технической литературе. Нам ее завод в Сан-Хозе

известен, хотя мы ни разу не видели ее машин в натуре. Замечу в скобках, что вообще первой увиденной мной в действии математической машиной была машина, созданная нашими советскими учеными в Москве. Это была смелая, оригинальная конструкция.

Летом нынешнего года я ездил в Лондон, где состоялся симпозиум, посвященный вычислительной технике для усовершенствования технологии производства и промышленного конструирования. Симпозиум — это конференция по узко-техническому вопросу, но, как и следовало ожидать, заранее намеченный узкий круг был разомкнут, и конференция затронула довольно много смежных вопросов. Многие мы, советские делегаты, выслушали с интересом, многое нам было известно, о многом и мы сами поведали. Во всяком случае, это было очень полезное творческое общение представителей науки и техники различных стран.

Нам повезло: в Лондоне были солнечные дни. Столица Англии произвела должное впечатление. И все же грустно было видеть в таком богатом городе тихих, безмолвно сидящих на улицах людей с дощечками на груди, приглашающими купить спички у пенсионера или безработного. Нищенство официально здесь запрещено. А неофициальная форма нищенства — это... продажа спичек. Я спросил гида: нет ли среди этих продавцов спичек рабочих, уволенных с производства в результате вторжения автоматизации? Ответом был неопределенный жест.

Я задал этот вопрос не случайно, потому что даже на симпозиуме, при всем его, если так можно выразиться, подчеркнутым техницизмом, представители капиталистических стран, хотя и ратовали за автоматизацию и математические машины, но в то же время высказывали мысли, предостерегающие против излишнего оптимизма в этой области. Один из них даже сказал, что автоматизация может привести к бедствиям, большим, чем при первом промышленном перевороте в Англии. И подобные слова были сказаны на родине этой революции, во время которой рабочие мануфактур ломали ненавистные им станки и машины!

Несколькими месяцами раньше я знакомился с материалами о влиянии автоматизации на трудовую занятость в промышленности США. Среди технических выкладок в речах почтенных государственных мужей Америки то и дело мелькали тревожные вопросы: «Благословение или проклятие?», «Обесценение рабочего?», «Действительно ли хороша скатерть-самобранка?». Вот уж, действительно, вопросы, которые никак не стоят и не могут стоять в нашей Советской стране! И это я с особой силой почувствовал во время своей недавней поездки в Лондон. Между прочим, наши гостеприимные хозяева подготовили нам, советским делегатам, приятный сюрприз. В вычислительном центре фирмы Феранти нам показали универсальную математическую машину «Сириус». Математическая машина сыграла... Гимн Советского Союза. Нам было это очень приятно, но мы все же в шутку спросили хозяев: не боится ли фирма, что ее обвинят в советской пропаганде?

2. ДЕЛО НАЧАТО С «НУЛЯ»

Вспоминаю один из дней лета 1956 года, когда, по заданию Центрального Комитета Компартии Грузии, я выехал в Москву, как первый и пока единственный работник еще фактически не существовавшего Тбилисского научно-исследовательского института приборостроения и средств автоматизации. И, откровенно говоря, я испытывал нечто большее, чем простая робость. Это и понятно. Создавалась совершенно новая для республики отрасль науки и техники, имеющая вообще не более чем 10-летнюю историю, и нашему институту предстояло занять в ней видное место. С чего начать? Где подобрать кадры? Особенно неловко мне было за себя. Я знаю автомобили, котлы, турбины, но никак не кибернетику, не математические машины, о которых имел только общее представление.

Меня успокоил Валерий Иванович Лоскутов, начальник технического управления тогдашнего Министерства приборостроения и средств ав-

томатизации, а ныне главный специалист по автоматическим машинам Госплана СССР:

— Вы проработали одиннадцать лет в автомобильной промышленности? Это, дорогой мой, хорошая визитная карточка. Кто знает автомобиль, тот знает многое. Работа в автомобильном производстве сильно расширяет технические горизонты. Вас волнует вопрос о кадрах? Да у вас в Грузии замечательные специалисты, повстречайтесь, поговорите с ними!

Еще обратной дорогой, в самолете, я невольно вспомнил свою комсомольскую юность, первые годы Советской власти. На той же улице Камо, где сейчас находится здание нашего института, была картонажная фабрика, где я впервые увидел производство. Рабочие здесь просто склеивали руками обыкновенные картонные коробки. Не было тогда в Грузии ни автомобильной промышленности, ни других технически совершенных отраслей производства. Шли мы тогда с путевкой партии и комсомола поднимать новые большие дела. А дальше — учеба в институте, многолетняя работа на стройках и предприятиях. И вот снова с «нуля» предстоит поднять новое большое дело. Да еще какое!

Уверенно направляли это новое дело Центральный и Тбилисский Комитеты Компартии Грузии. Нужны были математики, знакомые с теорией приближенных расчетов и математической логикой, — и они нашлись. Нужна была материально-техническая база, — и она стала быстро создаваться: многоотраслевая промышленность Грузии откликнулась на зов ЦК и стала оказывать нам самую разностороннюю помощь.

Специалисты нашлись превосходные, но всем им пришлось еще основательно учиться и переучиваться. Даже одному из «ветеранов» нашего института Амвросию Каллистратовичу Рухадзе, доктору наук, труды которого известны и за рубежами нашей Родины. Никто из них не видел еще быстродействующих вычислительных машин, которые могут управлять производством. С ними нужно было познакомиться, изучить накопленный опыт, развивать его дальше, создавать свои машины.

Так началось новое, неведомое Грузии, большое дело.

3. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МАШИНА, ЕЕ ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Дата рождения нашего института — осень 1956 года. Он получил наименование: Тбилисский научно-исследовательский институт приборостроения и средств автоматизации. Я бы сказал, что это не совсем точное название. Оно, в сущности, отражает название бывшего министерства, в состав которого мы входили. На самом же деле институт — специализированный, занятый работой в одной лишь области приборостроения и автоматизации — в области управляющих математических машин.

Что же такое математическая машина? Я не берусь дать достаточно полное и всестороннее определение, споры по этому вопросу еще продолжаются, но во всяком случае можно с уверенностью определить некоторые характерные особенности математической машины. Это, раньше всего, такая машина, которая способна выполнять либо вычислительные функции, либо функции управления, либо и те и другие вместе. Образно говоря, такая машина способна выполнять некоторые интеллектуальные, мыслительные функции человека. Эта особенность математических машин настолько затуманила голову некоторым американским «теоретикам», что они даже считают, что подобные машины могут... сами развиваться. Но это, конечно, идеализм чистой воды.

Математические машины являются могучим средством вычислительной техники. Они способны в необычайно короткие сроки производить наиболее громоздкие и сложные вычисления. Благодаря своей способности производить логические действия, эти машины могут быть с успехом применены и для управления технологическими процессами. Следовательно, без них немыслима автоматизация — главное направление технического прогресса. Это те машины, встроенные в автоматические линии, появление которых предвидел еще Карл Маркс, считавший их завершающим этапом

машинного производства. «Когда рабочая машина, — писал Маркс в первом томе «Капитала», — выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин...»

Нечего и говорить о том, что создание таких машин опирается на самые современные достижения науки и техники. Появление математических машин было обусловлено раньше всего развитием таких отраслей науки, как электроника, импульсная техника, теория информации и другие. В послевоенные годы советские ученые семимильными шагами двинули их вперед.

Вернемся, однако, к осени 1956 года. Это было время, когда мы собирали в не существовавших пока стенах института электриков, радиотехников, механиков, математиков, из которых предстояло сформировать людей новой специальности — мастеров создания средств современной вычислительной техники. К началу 1957 года определилась первая тематика института. Она была разработана в результате тесного общения института с производством, в результате многочисленных поездок наших первых работников в СКБ и НИИ страны, в результате огромной помощи научных организаций Москвы.

Сейчас, спустя всего два с половиной года со времени реального, практического начала работы по созданию математических машин, коллектив института может наглядно продемонстрировать — в металле и в действии — первые плоды своего труда. Созданы первые шесть машин. Я сознательно опускаю описание тех тревожных и серьезных трудностей, которые пришлось пережить институту в связи с организацией его научной и производственной базы — это была целая эпопея! — и перехожу сразу к характеристике первых созданных машин.

Как они рождались? По чьим заявкам? Действительно ли они нужны производству? Судите сами.

Вот перед вами управляющая машина по регулированию электрического режима ферросплавных дуговых печей. Известно, что производство ферросплавов — одно из самых энергоемких. Metallурги давно были заинтересованы в получении такой машины, которая помогла бы устанавливать оптимальный режим плавки в ферросплавных печах, при котором, естественно, расход электроэнергии должен уменьшаться, а качество выплавленного металла улучшаться, и в этой их глубокой заинтересованности мы убедились сразу же, как только начались испытания нашей машины на Зестафонском ферросплавном заводе. Испытания показали, что первая ступень в решении этой задачи достигнута — машина стабилизирует электрический режим плавки металла в печи.

Известно, что на предприятиях нашей страны имеются сотни крупных литейных цехов. Работа в них — тяжелая, трудоемкая. Особенно сложными операциями являются расчет шихты, ведение плавки. В умелом осуществлении этих операций — гвоздь успеха, обуславливающий уменьшение брака литья, составляющего в целом по стране многие миллионы рублей. Таким образом, сама жизнь подсказала нам необходимость создания вычислительной машины для автоматического расчета шихты вагранок. И вот, рожденная жизнью, новая математическая машина уже существует, уже опробована.

Жизненная необходимость лежит и в основе рождения вычислительной машины для автоматизации некоторых диспетчерских расчетов в энергосистемах. Организация энергосистем происходит в нашей стране непрерывно, ведется и объединение энергосистем, как, например, закавказской. Работа диспетчерского аппарата в таких случаях усложняется. У нас есть «электростанции на замке», полностью управляемые на расстоянии. А вот можно ли отделы главных диспетчеров энергосистем сделать «отделами на замке»? Будучи в Лондоне, я беседовал с одним английским ученым, работающим в этой области, и он мне сказал, что уже десять лет занят этой проблемой, но пока реальных результатов не получил. Наш институт, вслед

за учеными Москвы, сделал первую попытку решения лишь одной части этой, я бы сказал, грандиозной задачи.

Созданную нами вычислительную машину мы демонстрировали в действии.

Приехали к нам специалисты «Грузэнерго».

— Вот эта машина, — сказали мы им, — способна производить некоторые расчеты, которыми у вас занята группа работников отдела главного диспетчера.

— Посмотрим, — последовал ответ.

Работники института задали машине определенную задачу. Она была решена за три минуты.

— Теперь позвольте нам предложить свою задачу, — потребовали работники «Грузэнерго».

Машина решила ее за две с половиной минуты.

— Неправильно! — воскликнули энергетики.

Та же самая задача была поставлена машине вторично. Тот же самый ответ. Задали в третий раз, и опять машина повторила этот же результат. Тогда, по обоюдному согласию института и «Грузэнерго», решать эту задачу были посажены люди. Считали «от руки» почти целый день. И что же? Машина была абсолютно права, она действовала безошибочно. Разумеется, еще многое нужно сделать для усовершенствования этой машины, но мы готовы обеими руками подписаться под технической характеристикой данной машины, «дающей возможность быстро рассчитывать напряжение в контролируемых точках сети и выбирать наиболее рациональные режимы работы энергосистем».

Своими «корнями» уходят в жизнь и другие наши машины, связанные с автоматизацией управления доменными печами. В стране имеется единый план научной работы в области комплексной автоматизации доменных печей, его осуществлением занято немало научных институтов, и в том числе наш. Мы надеемся, что в системе машин, управляющих доменными процессами, займет свое место и наша, носящая пока довольно громоздкое название: «Управляющая вычислительная машина для руководства вращающимся распределителем шихты доменных печей». Эта машина может выполнять некоторые функции мастера печи, заменяя его там, где надо подавать команды, например, об изменении программы и времени загрузки печи, там, где надо следить за температурным состоянием поверхности шихты, определять зону загрузки и т. д. Способность данной машины «логически мыслить» мы проверили в лабораторных условиях и сейчас готовимся проверить на одной из доменных печей Рустави.

В ту же систему автоматического управления доменными процессами входит и другая наша машина, «определяющая критерии теплового состояния низа доменной печи в зоне прямого восстановления». За этими двумя машинами до конца 1959 года последуют еще три, а в будущем году будут созданы еще две. Семь машин ТНИИСа в серии машин, необходимых для комплексной автоматизации доменных процессов, — такова наша ближайшая программа в этой области!

Наши математические машины, таким образом, исходят из жизни и возвращаются в жизнь. Возвращаются для того, чтобы сделать жизнь советских людей еще лучше и краше. Ввод в действие этих машин будет способствовать быстрейшему переходу предприятий на сокращенный рабочий день, повышению культуры труда, увеличению производства продукции, материальных благ. Все это делается для народа, в интересах народа. В наших, советских условиях народ не отстраняется пугливо от таких машин, а, наоборот, приветствует их рождение. И понятно, почему приветствует: наша «скатерть-самобранка» находится не в руках кучки капиталистов-монополистов, а в руках самого народа! А народ знает, как ему распорядиться в собственных интересах тем, что было его мечтой и становится прекрасной коммунистической явью в наши дни.

«Я глубоко уверен, — говорил Никита Сергеевич Хрущев в своем

выступлении на митинге строителей Братской ГЭС 8 октября 1959 года. — что недалеко то время, когда в нашей стране на основе дальнейшего развития производства, науки и техники, на основе технического прогресса, автоматизации производства люди будут работать 3 — 4 часа в день. Человек будет управлять сложными машинами и механизмами и за короткое время производить значительно больше продуктов, чем теперь, и это будет обеспечивать более полное удовлетворение потребностей страны, всех потребностей каждого гражданина коммунистического общества».

4. А ЗАВТРА?

Вернулся из Ланчхути Иван Георгиевич Лазарашвили. Он занимает в нашем институте должность руководителя темы. И надо сказать, что тема, над которой работает его группа, — одна из жизненно-важных, свидетельствующая о том, что институт стремится максимально приблизить свою деятельность к конкретным нуждам производства.

В Ланчхути проходил испытания макет управляющей вычислительной машины для автоматизации работы фиксационного аппарата в производстве зеленого байхового чая. На нынешнем этапе чайного производства, ставшего на путь механизации и автоматизации производственных процессов, назрела необходимость создания для него специальных математических машин. И наш институт сделал первую попытку в этой области, увенчавшуюся, как показали испытания на Ланчхутской чайной фабрике, заметным успехом.

Испытывался макет машины. Что это такое? Макет — это «без пяти минут» опытный образец машины. Конструктивно она еще недоработана, главным образом в смысле своих габаритов и внешней отделки, но дает полную возможность проверить всю задуманную схему работы, взаимодействие блоков, узлов, деталей. Следующий этап после испытаний макета — придание машине окончательных конструктивных форм и передача ее в опытное производство. До конца 1959 года будет готов опытный образец первой чайной математической машины, причем машина «обращает» так называемыми информационными датчиками. Датчик — прибор, ставящий задачи перед машиной, переводящий производимые им измерения в сигнал. В фиксационном аппарате будут датчики температуры и влажности. Эти приборы сами определяют состояние чайного листа в смысле его температуры и влажности и сами преобразуют полученную информацию в импульсы, в электрический сигнал, дающий машине определенную команду к действию.

Можно с уверенностью сказать, что скоро понадобятся математические машины и для других звеньев чайного производства. Понадобятся они и для других ведущих, традиционных отраслей промышленности Грузии. Ну что ж, это закономерно. Институт готов к решению новых задач. Во втором году семилетки он значительно расширяет сферу своей деятельности. Будут продолжены и углублены начатые работы в энергетике, металлургии, машиностроении, пищевой промышленности. В энергетике, например, будет интенсивно вестись теоретическая проработка ряда вопросов, связанных с созданием новых машин. В машиностроении творческая мысль работников института сосредотачивается на осуществлении комплексной автоматизации плавильных отделений литейных цехов. В области металлургии новыми будут работы по созданию машин, управляющих некоторыми процессами в мартеновских печах и на прокатных станах. Институт впервые берется оказать помощь и химической промышленности: так, будет изучена возможность автоматического управления реактивными колоннами Руставского азотно-тукового завода.

Ныне наш институт представляет собой очень сложный организм. У нас теперь сотни людей — от докторов наук до слесарей и токарей, и все они целеустремленно работают в новой для Грузии и всей страны отрасли науки и производства — вычислительной техники. Одни трудятся

в лабораториях, другие — в конструкторском бюро, третьи — на опытном производстве. Лабораторный корпус на улице Камо расширяется, к нему пристраивается сейчас новое большое здание. Опытное производство в другой части города, тоже быстро растет. Непрерывно поступает и новое оборудование. Мы очень хотим — и всячески добиваемся того, чтобы институт располагал образцовым в смысле техники и производственной культуры экспериментальным заводом. Недавно на пленуме Тбилисского городского комитета партии, обсуждавшем вопросы технического прогресса, специально говорилось о необходимости создать в столице Грузии завод по выпуску вычислительных машин.

Институт растет, растет и его популярность. Уже на июньском Пленуме ЦК КПСС, где я был вместе с другими представителями Грузии, я впервые почувствовал, что наше детище начинает выходить на всесоюзную арену. После выступления на Пленуме председателя Совнархоза Грузии Г. И. Чоговадзе, рассказавшего также и о первых шагах созданных в Грузии институтов автоматизации, ко мне подходили ученые и хозяйственники, знакомые и незнакомые, с тем, чтобы получить ответы на интересующие их вопросы, касающиеся математических машин. Но вот на Выставке достижений народного хозяйства СССР в Москве и на Выставке Совнархоза Грузии в Тбилиси появились в качестве экспонатов наши машины по регулированию режима ферросплавных печей, продукция института была продемонстрирована, так сказать, в натуре, и тогда интерес к институту перешел уже в иную плоскость, принял чисто практический характер. Мы стали получать такие заявки, какие, скажем, обычно делаются на тбилисские металлорежущие станки или кутаисские автомобили. На предприятиях интересуются возможностями приобретения тех или иных математических машин.

Отрадным является и тот факт, что работники института все чаще принимают участие, уже в качестве докладчиков, на научно-технических конференциях всесоюзного значения. Так, были на конференциях — в Новосибирске — Тимофеев и Шекриладзе, в Москве — Тугуши, Гоксадзе, Шапиро, Каландадзе и другие.

Все это и радует, и обязывает, и «подстегивает» институт.

Но не только нас «подстегивает» жизнь. Получилось и так, что появление работников института на отдельных предприятиях стало играть роль катализатора — ускорителя процесса комплексной автоматизации и механизации производства. Математические машины требуются там, где создана база комплексной механизации. Нельзя эти машины «привязывать» к тому производству, где для их применения еще не созданы необходимые условия. Очень часто появление математических машин требует и изменения технологии, конечно, в лучшую, прогрессивную сторону. Поэтому, когда нас просят прислать для испытаний наши машины, хочется в первую очередь задать вопросы товарищам с предприятий: «А созрело ли ваше производство для новых машин? Опирается ли оно на достаточно прочную базу комплексной механизации? Достаточно ли высока у вас производственная культура?». Нам, в частности, пришлось отказаться от работы на Ингурском целлюлозно-бумажном комбинате именно потому, что уровень механизации здесь оказался настолько низок, что не на что было опереться конструкторам вычислительной техники. А какие трудности пришлось преодолеть на Зестафонском ферросплавном заводе: сперва мы здесь застряли, а потом совместными с работниками завода усилиями дисциплинировали производство. И в Рустави мы столкнулись с таким положением, когда институт был готов к испытаниям новой техники, а домны оказались неподготовленными, и пришлось потерять немало времени пока положение не было выправлено.

Все это убедительно говорит о том, что Совнархоз, в систему которого входит наш институт, обязан в дальнейшем лучше готовить свои предприятия к первому знакомству с вычислительной техникой и к дальнейшему ее внедрению в практику производства. Во втором году семилетки Совнархозу понадобится особенно эффективно координировать деятель-

ность института и предприятий. Нужно обеспечить также необходимые контакты института с другими научно-исследовательскими учреждениями и конструкторскими бюро. Нам нужно большое количество разнообразных приборов, особенно датчиков; из-за их нехватки мы вынуждены зачастую сами их создавать, чтобы наши машины не отказывали в работе и быстрее внедрялись в производство. Между тем, создание некоторых датчиков можно и нужно организовать в Тбилиси, Кутаиси и других городах республики, где имеются соответствующие институты и СКБ. Тут же, мимоходом, я хочу поставить вопрос о необходимости создания в институте сильной группы материально-технического снабжения. Пора кончать с таким положением, когда приходится тратить попусту много времени на поиски и приобретение, например, какой-нибудь радиолампы.

С первого дня своего возникновения институт стремится быть связанным самым теснейшим образом с жизнью, с производством. И все же в этом отношении у нас еще много пробелов. Нужно расширить практику так называемых «поисковых тем», предоставлять работникам института возможность эффективно проводить на производстве поиск, разведку тем. Мы вправе гордиться растущими у нас кадрами. Размеры журнальной статьи просто не позволяют мне назвать всех работников института, отличившихся в создании первых машин. И таких работников у нас будет все больше, ибо мы стремимся к тому, чтобы буквально каждый день был творческим, наполненным жизнью, тесным общением с людьми, производством.

Осенью нынешнего года к нам в Тбилиси приезжали специалисты по математическим машинам Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР. Товарищи из Москвы подробно ознакомились с деятельностью института, его лабораторий и опытного производства. Позволю себе пригласить читателя в одну из лабораторий института, где побывали наши гости.

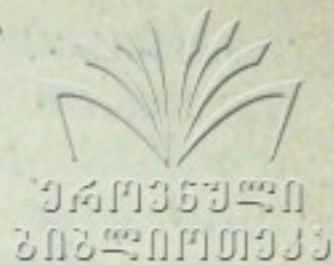
Николай Евтихиевич Чхатарашвили, один из пионеров института, уверенно отдает распоряжения у макета новой вычислительной машины. Так же уверенно, словно век занимаются этим делом, действуют здесь кандидат физико-математических наук Гиви Вениаминович Кантария и Елена Ивановна Хонелидзе. А ведь еще совсем недавно эти люди и не помышляли о работе по созданию математических машин и были далеки от этого нового дела. Теперь благодаря энергии этих и других сотрудников лаборатории создана, правда, пока в макете, замечательная машина, способная производить логические операции. Гостям она была показана в действии. Печатающий аппарат четко отстукал итог.

— Да, дело развивается успешно, — сказали нам товарищи из Москвы. — Впечатление хорошее. В Тбилиси теперь имеется основательная база для создания математических машин, представляющих собой высшую форму современной автоматки. И иначе быть не могло. Там, где существует крупная грузинская индустрия, где имеются прекрасные грузинские научные кадры, там должна успешно развиваться и грузинская вычислительно-управляющая техника.

Радостно было сознавать, что эти слова подводят некий итог первого этапа деятельности нашего института. Но нет среди работников института ни одного, кто бы не сознавал того, что впереди несравненно большая работа, что остается еще много неоплаченных долгов промышленности.

Начало новому делу положено. Мы уверенно смотрим в будущее. А будущее, озаренное солнечным сиянием коммунизма, встает перед нами в ореоле нового взлета творческих дерзаний.

Отар Челидзе

ПОЭМА — ЖАНР СОВРЕМЕННЫЙ

Ответ скептикам

Мне никогда не приходило в голову противопоставлять друг другу стихотворение и поэму, и все же я должен оговориться, что считаю неверной мысль, высказанную за последнее время в нашей литературной прессе, по которой эпос якобы не может существовать без «лирической прививки».

Некоторые литераторы договариваются до того, что даже классические поэмы объявляют литературным документом определенного времени, — и только.

В одной из дискуссий критик Лавросий Каландадзе высказал мысль, что эпическая поэма утратила в наше время свои функции, они перешли к роману, повести, рассказу, — словом, к прозе. Аналогичную мысль высказал в своей статье на страницах «Литературной газеты» поэт Ираклий Абашидзе.

Если художественное произведение, тем более поэма, остается только документом, то это не прибавляет никаких достоинств ни ее творцу, ни какой-либо литературной школе. «Документальная пыль» не оседает на подлинно художественном творении, ибо оно во все века сохраняет живое сердцебиение.

Не говоря уже о других произведениях мировой литературы, невозможно представить себе без их сегодняшней жизнеспособности даже поэмы Гомера. Страсти и переживания героев «Илиады» и «Одиссеи» и сегодня волнуют человечество, прошедшее через многочисленные войны и исторические испытания.

Возможно, что сегодня, как и во всякую эпоху, претерпевает изменения форма классической поэмы, но остается ее главная жизнеспособная линия, заключающаяся в эпическом повествовании.

Современная поэма постепенно освобождается от традиционности, академичности, но ее эпичность — неизменна.

Талантливейшие художники нашей страны тяготели к эпическому повествованию, стремились к монументальности. К этому направлены и их сегодняшние искания.

Лирическое стихотворение своей большой эмоциональностью, упругостью и динамичностью всегда волнует душу человека, проникая в сердце, в глубину сознания читателя.

Но назначение поэмы, как мне кажется, всегда шире и содержательнее.

Поэма, как высшая форма поэтического мышления, выполнила огромную роль в художественном воспитании каждого народа. Поэтому не должно вызывать удивление то обстоятельство, что история литературы всех народов начинается именно поэтическим эпосом. Казалось бы, этот вопрос не должен вызывать спора, но на всем большом и длительном пути развития поэзии у поэмы не раз появлялись явные или скрытые противники. В грузинской литературе они встречаются даже в эпоху Руставели.

К числу образцов поэтического эпоса почему-то искусственно относят длинные тирады о розах и соловьях, которые можно назвать лишь образцами «чистой поэзии», «искусства для искусства» прошлых веков. Подобные произведения не читает никто, кроме историков литературы, иногда использующих их для «укрепления своих позиций», иногда они всплывают на поверхность при защите какой-либо диссертации. Но читательская масса, народ не приемлют таких произведений, ибо в них не видно жизни, а если же она отражена, то сквозь призму «светло-розовых» тонов.

Говоря о поэме, я имею в виду не столько ее объем, сколько само эпическое мышление. Народные, классические, современные баллады, сюжетные стихотворения — все они порождены именно таким мышлением.

В пронизанных революционным пафосом балладах и поэмах Николая Тихонова повествовательный элемент является главным и решающим. Даже такого лирика, каким является Павел Антокольский, увлекла мощная эпическая струя, заставившая его написать пронизанную трагическим ощущением поэму «Сын». Каждое действие героя этой поэмы обобщается, и каждый образ выступает, разрушая лирические рамки.

И хотя, например, трагизм поэмы Александра Блока «Двенадцать» и «Строгой любви» Ярослава Смелякова, бесспорно, совершенно различен, оба эти произведения объединяет сильная эпическая струя.

Правда, сравнительно с поэмами Пушкина и Лермонтова, «Двенадцать» Блока — поэма новаторская, но означает ли это, хоть в малейшей степени, утерю великих традиций русской поэмы? Или жизненной силы народной речи?

Именно на почве народной речи произросли великие эпические произведения всех национальных литератур.

Скучными и обреченными на забвение представляются нам те рифмованные строки, к созданию которых творца не толкнули раздумья о кульминационных, переломных минутах в жизни человека.

Для доктора Фауста самые трагические минуты наступают в пору наивысшего расцвета его научной деятельности, когда физически обессиленный, но проникнутый огромной любовью к человечеству, мечтающий о его счастье, об освоении новых земель старец продает душу Мефистофелю, и все же не достигает цели.

Идея борьбы за счастье человечества, строительство новых городов и освоение заболоченных или же целинных земель сегодня звучит в тысячу раз актуальнее, чем когда-нибудь раньше.

Наше время требует от поэта широты мышления, большого эпоса. Чем больше проходит времени, тем более ширятся перспективы эпоса, и вряд ли он не может существовать без «лирического вспрыскивания».

Прекрасный режиссер — А. Довженко справедливо усмотрел перспективу передачи пульса эпохи ~~двадцатого века~~ в высокой эпичности, которой ~~одинаково присущи и трагизм и оптимизм~~.

Возможно ли освоение бесконечных космических пространств без жертв и временных затруднений, и не является ли это великое начинание мощным толчком к созданию эпических полотен? Больше того, сколько юношей и девушек столкнулись с затруднениями и преодолели их в далекой и глухой тайге и в пустынных полях, при возведении новых городов истроек! Через сколько трудностей прошла советская молодежь, осваивая целинные и залежные земли! Вряд ли кто-либо будет возражать против того, чтобы о лучших наших людях слагались хорошие песни, но бесспорно и то, что широкое полотно, запечатлевшее их подвиг, будет произведением большого эстетического воздействия, а не просто «документом».

Поэма будет бессильна без блеска формы. В поэме слово приобретает огромное значение.

Для того, чтобы добиться художественного совершенства поэмы,

можно использовать все средства выразительности, лишь бы читатель не почувствовал их искусственности и фальши. Ведь нельзя же представить себе блестящего пианиста без виртуозной техники.

Недаром всякое подлинно прекрасное произведение искусства называют поэмой. Среди всех прекрасных творений поэзии прекраснейшим является прекрасная поэма. И не только среди творений искусства. Французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери идет еще дальше, когда пишет:

«Кажется, что работа инженера, чертежника, конструктора находит внешнее выражение в полировке, в сглаживании. Она устраняет громоздкость соединений, приводит в равновесие крыло, чтобы оно не бросалось в глаза, чтобы оно не было крылом, прикрепленным к фюзеляжу, а было бы полным развитием форм, освобождающихся, наконец, из своей оболочки, чтобы все это было как бы чем-то самозародившимся, таинственно спаянным воедино, как поэма».

Один инженер-энергетик, из числа моих знакомых, так расшифровал форму поэмы одного поэта: «это дешевый металл, через него плохо пройдет ток». В данном случае законы физики и поэзии как бы совпали. Ведь известно, что ток самого высокого напряжения почти без потерь проходит через самый драгоценный металл. Без четкой, выкованной формы так же невозможно представить себе внутреннее развитие поэмы, как свободное прохождение тока в обломках ржавого чугуна.

Говоря о кововой, отточенной форме, я имею в виду и новые, живые рифмы. Было время, когда нерифмованные поэтические произведения исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов. С течением времени последние были заменены рифмой, которая, помимо музыкальности, может нести на себе и смысловое ударение, обладает свойством закреплять, соединять строки. Функция рифмы заключается и в том, что она делает стихотворение легко запоминаемым. Новый образ вместе с новой рифмой легко запечатлевается в памяти.

Как в современной литературе, так и в литературе прошлого, встречаются произведения совершенной формы, авторы которых, казалось бы, свободно выражают свои мысли. Но эти мысли и чувства — бедны и лишены глубины.

* * *

Мало что значит сама форма поэмы, если не выражены в ней большие человеческие идеалы: в настоящей поэме слияние эпического и лирического начала напоминает незаметную для глаза химическую реакцию.

«Судьба Грузии» Николоза Бараташвили является поэмой с политическим содержанием. Вопрос о присоединении Грузии к России отражен здесь в таких красках и тональности, которые позволили Бараташвили избежать выпренности и дешевой поучительности — опасностей, часто подстерегающих авторов поэм. Бесспорно, что создать столь полнокровную политическую поэму наш великий поэт-романтик сумел потому, что, помимо большого мастерства, обладал большой человеческой душой и умением глубоко осмысливать актуальнейшие вопросы эпохи.

Попытавшись подражать замечательной поэме Бараташвили, поэт-версификатор сможет написать о дружбе народов, но будет ли такое произведение представлять какую-либо художественную ценность? Современность несет с собой не только новые идеи, но и новые средства выражения идей. Именно так мыслил и творил Николоз Бараташвили, и его поэзия была новаторской для своего времени.

Когда в произведениях некоторых современных поэтов различаешь чужой поэтический голос, будь это голос Руставели или Пушкина, все равно, это вызывает неприятное чувство. Нетрудно повторять что-то знакомое и уже сказанное, но это лишь надоедает читателю. Именно поэтому современному эпосу нет необходимости следовать по уже пробитому, привычному руслу, надо прорезать новые пути, новые русла — так, как это происходит в жизни. Как на один из положительных примеров мне хочет-

ся указать на поэму Михаила Луконина «Рабочий день». Здесь новые образы, новые рифмы, все новое. Так же, как новы тракторы, сходящие с конвейера сталинградского завода.

Поэма — сложнейший вид поэзии, отнюдь не нуждающийся в искусственных прививках.

Даже не прибегая к историческим экскурсам, можно сказать, что великий эпос современности создадут мастера стиха, прошедшие через горнило больших испытаний, много пережившие, накопившие запас чувств и жизненного опыта, духовное богатство, то есть — носители большого таланта, мастерства ювелира и силы бойца.

Поэма не нуждается в защите, но неверно, как это делают некоторые авторитетные поэты, отрицать правомерность своего рода приподнятой условности в эпосе, без которой он зачастую напоминает рифмованный рассказ. Спрашивается, надо ли выступать против такой условности, когда условна сама форма стиха? Ведь каждый человек, даже поэт, обычно не мыслит в формах стихосложения. Условность, таким образом, с самого же начала дана в поэзии, но при чтении художественно совершенных произведений ее не замечаешь.

И на эту изначальную условность опирается целый ряд условностей вторичных, которые становятся компонентами произведения и способствуют развитию фабулы.

Возьмите героя поэмы А. Твардовского «Страна Муравия» — Моргунка, который обходит весь свет. Нельзя представить себе большей условности, но читатель верит в правдивость судьбы Моргунка.

Условна и сцена встречи Теркина со Смертью («Василий Теркин» А. Твардовского), но с какой впечатляющей силой написана она!

Миндиа, героиня построенной на легендарном сюжете поэмы Важа Пшавела «Змееед», находясь в плену у злых духов, испробовал змеиного мяса, что дало ему мудрость и дар познания мира больший, чем у других людей. В поэме — глубокая жизненная философия, большая тема отношения человека к внешнему миру, семье, обществу. Поэтическая условность помогла создать шедевр мировой литературы.

Здесь же хочется подчеркнуть то общее, что имеется между талантливой поэмой и симфонией. Большинство поэм Владимира Маяковского напоминает нам такие большие симфонии. Симфоничны по своему стилю Эмиль Верхарн и Уолт Уитмен. Сила бесфабульных поэм этих замечательных поэтов — в грандиозных образах и ощущении ритма времени.

У Владимира Маяковского даже публицистическая фраза оборачивается поэтическим образом большой силы. Его метафорическое мышление не уместается в определенной рамке-фабуле. Поэтому его поэмы воспринимаются, как неповторимые художественные явления. Поэмы Маяковского настолько своеобразны, что обычно его ученики выступают в незавидной роли эпигонов. Как в наших литературных журналах, так и отдельными книгами выходили поэмы в подражание Маяковскому, но испытания временем они не выдержали.

Так же и в орбите поэм А. Твардовского закружилось несколько «поэм-спутников». Но насколько возросла в нашу эпоху роль искусственных спутников, созданных научно-технической мыслью, настолько пал удельный вес спутников литературных.

На языках братских литератур народов Советского Союза создается много поэм: популяризацией лучших из них должно и нужно заниматься. Это облегчит читателю ознакомление с лучшими образцами современного поэтического эпоса, увеличит плодотворность дискуссий вокруг спорных вопросов его развития.

Лавросий Каландадзе

Поэзия ясной мысли

К пятидесятилетию Ираклия Абашидзе

Так же как с первого взгляда в нем легко угадать поэта, так и среди множества стихов сразу можно отличить его стихотворение. И в жизни, и в отношениях с людьми он поэтичен. Его глубоко посаженные глаза, кажется, все время выхватывают из окружающего мира все новые поэтические образы. Весь его облик оставляет впечатление, что ему легко и радостно дается и песня, и жизнь. А между тем пишет он немного. Но упрекать его за это не стоит. Ведь поэтам полезно руководствоваться правилом: пусть меньше, да лучше. Человек он жизнерадостный, с большим чувством юмора, и поэт, влюбленный в жизнь, всем сердцем чувствующий радость бытия.

Думается, даже эти внешние черты в какой-то мере помогут нам войти в его поэтический мир.

Пожалуй, можно было бы начать (как обычно начинают) с того, что он — один из видных представителей второго поколения грузинских поэтов-комсомольцев, которые вошли в литературу в конце двадцатых годов. Поэтому не отягощенные грузом старого, они сразу стали певцами новой социалистической действительности, испытав, конечно, большое и животворное влияние Горького и Маяковского. Но при всем том корни поэзии Ираклия Абашидзе уходят, прежде всего, в традиции грузинской поэзии.

Кстати, одно из последних стихотворений, созданных в результате поездки поэта в Индию, озаглавлено «По следам Руставели». Но дело не в названии, хотя и оно знаменательно. В этом стихотворении поэт с присущей ему непосредственностью пишет о сильном впечатлении, которое произвела на него Индия. Но основное в этом стихотворении — не в своеобразии его интонации, а в том, что всю силу своего поэтического «я» — силу поэтического удивления и восхищения открытием нового для него мира Ираклий Абашидзе связывает с образом великого Руставели...

Но не только поэзия Ираклия Абашидзе, а все лучшее, что есть во всей грузинской литературе, никогда не теряло преемственной связи с наследием Руставели.

Ираклий Абашидзе — поэт цельной творческой биографии, касаясь которой можно говорить лишь о развитии и созревании его таланта, мастерства и идейно-эстетических устремлений, так как переломов и резких поворотов в ней нет. Вся его поэзия — это утверждение нового социалистического уклада жизни, светлых идей социалистического гуманизма. Проследив с этой точки зрения весь пройденный поэтом путь, убеждаешься, что он довольно своеобразно и вместе с тем явственно

выражает дух новой, советской поэзии, основанной на твердой вере в силу и красоту человека труда, на глубоком убеждении, что человечество трудными путями, но вечно и неуклонно движется к совершенствованию, к счастью. Естественно, что для этой поэзии характерна полнота и цельность восприятия мира.

Говоря о поэзии Ираклия Абашидзе, я все время исхожу из грузинских оригиналов стихотворений поэта. Я не берусь судить о том, как они звучат по-русски. Тем более, что, не умаляя огромный, любовный труд поэтов-переводчиков, я склонен думать: за очень и очень редкими исключениями, переводы истинно поэтических стихов передают более или менее хорошо поэтические сведения об оригиналах, а не всю художественную силу и своеобразие их.

Самое важное и, пожалуй, самое трудное — это дать конкретную, индивидуальную характеристику творчеству поэта, т. е. найти то особенное, чем данный поэт трогает нас. Можно, конечно, говорить об отдельных удачах или же неудачах поэта, можно пересказать его стихотворения (что, впрочем, в большинстве случаев ведет к профанации поэзии, ибо пересказ всегда оголяет стих, отстраняя его от музыки, от красок и вообще почти от всего того, что делает поэзию — поэзией), но все же не раскрыть его индивидуальный творческий облик.

А между тем поэт весь может раскрыться даже в одном, характерном для него стихотворении.

У Ираклия Абашидзе, как у всякого поэта, есть стихотворения (их 20 — 25), без которых он не был бы настоящим поэтом со своим своеобразным творческим миром и собственным голосом. Я имею в виду такие стихотворения, как например, «Песнь о первом снеге», «Поэтам Грузии», «Капитан Бухайдзе», «Все песни», «Вот здесь поселюсь я», «Отец», «Ночи охотника», «В Багдади», «По следам Руставели», «В Мцхета», «Поэтам Востока» и другие, уже занявшие прочное место в сознании грузинского читателя.

По строю своей души Ираклий Абашидзе — поэт-лирик. Поэзия для него — неожиданный взрыв накопленных и накаленных чувств, мыслей, впечатлений. Можно сказать, что, в определенном смысле, все его творческое развитие и все искания вели его к тому, чтобы найти себя в близкой для него стихии лирических переживаний. И действительно, здесь он силен и интересен.

Возьмем одно маленькое стихотворение, без которого нельзя представить себе этого поэта, — «Капитан Бухайдзе». Оно написано на фронте, в трудные дни 1942 года. Можно без преувеличения сказать, что ни одно стихотворение не взволновало в те дни так сильно сердце грузинского читателя, как это. И оно вошло в сокровищницу грузинской советской поэзии. В легкости и прозрачности ткани этого стиха можно угадать творческое развитие традиций поэзии Акакия Церетели, в частности его стихотворения «Мать-грузинка».

Сама форма этого стихотворения — монолог погибшего в борьбе за Родину советского воина — не простой художественный прием, случайно подвернувшийся поэту, а результат такого внутреннего накала, когда поэт смог органически слиться со своим героем и заговорить его языком:

Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, —
Я бы отдал опять свое сердце
Милой Родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою.

Это не взгляд со стороны. Это именно то слияние с героическим, которое невольно напоминает о письмах-завещаниях замученных в фашистских застенках коммунистов, выражавших горячую веру в великое дело борьбы за освобождение трудящихся и готовность снова пожертвовать за него жизнью, будь она дана им сызнова. Что-то большое роднит этих героев с капитаном Бухайдзе. И возникшая у нас ассоциация говорит о поэтической

силе этого стихотворения. Какая верность идеалам! Какие светлые и прекрасные биографии! Да, это люди обыкновенные, глубоко человеческие, и в то же время, — люди особого склада. Никакие жертвы и страдания не могут разуверить их в необходимости борьбы за высокие гуманистические идеалы, им чуждо чувство безысходности, бесцельной жертвенности. Они могут жертвовать многим, даже жизнью, могут отказаться от многих житейских удобств ради большого, человеческого. Не напрасно вспомнили мы об этих героях.

Ираклий Абашидзе хорошо знает воздействующую силу поэтических неожиданностей. Но добивается их не применением неожиданных метафор и сравнений, необычных словосочетаний и пестрых украшений стиха, а логикой поэтической мысли, поэтического образа, своеобразными поворотами их. Вот трогательный образ старого слепого отца из стихотворения «Отец»:

Помню, шел по тропинке походкою
валкою,
Тихий, строгий, покорный жестокой
судьбе,
Между жизнью и смертью
бамбуковой палкой
Прорубая на ощупь дорогу себе.

Как поэтически весомо и выразительно это «прорубая на ощупь дорогу себе»! Забыв о красках, о формах вещей, слепой отец умер, не взяв с собой «скорби горячей» о красоте мира. За этим следует взволнованный, полный тревоги за жизнь, за красоту вопрос лирического героя:

Ну, а мне, что же делать мне,
если я зрячий,
В оба глаза на мир упоенно смотрю.

И стих волнует, доставляет эстетическую радость даже своим трагическим пафосом, потому что это очень человечно, близко и понятно нам.

Стихи Ираклия Абашидзе почти всегда исходят из обычного, обыденного. Свой лирический разговор поэт редко начинает с ошеломляющего и поражающего. Он стремится к тому, чтобы впечатлял сам дух, смысл стихотворения, а не его словесные аксессуары. Речь идет, конечно, не об особых достоинствах или недостатках его поэзии, а об ее особенностях.

У Ираклия Абашидзе верный поэтический слух (стихи его не лишены мелодичности). Но поэтический глаз у него гораздо острее и точнее. Поэтому в его поэзии больше сочетания красок и линий, чем напевов и звуков.

Эти краски и линии по-своему поют у поэта в лирических картинах и пейзажах, но чаще всего они наглядно и зримо показывают картины новой Грузии. Ведь поэт рад тому, что:

Из двух Грузий уже нет одной,
Что была нищетою измотана.

А другую, новую Грузию, поэт видит и в дарах новой Колхиды; и в облике свободного труженика-грузина, плоды рук которого «затмевают все золото древних времен»; и в живых картинах цветущей Гурии; и в живописных панорамах Кахетии, где «светлый сон — долина Алазани» переливается «как спина фазанья»; и в образах сынов и дочерей Грузии — хлеборобов и поэтов, комбайнеров и ученых, бывалых воинов Советской Армии и... даже столетних стариков, таких, как, например, Гио Мрелашвили, испытавших много страданий в прошлом, а теперь буквально влюбленных в новую жизнь. «Мало, мало, очень даже мало и ста лет для жизни человечей», — говорит Гио, и в этой жалобе чувствуется возрожденный человек.

Для того, чтобы увлечься и запеть, Ираклий Абашидзе должен или видеть или очень предметно представлять то, о чем он хочет петь. Это — одна из главных особенностей его дарования. В этом отношении в грузинской поэзии он больше стоит на линии Важа Пшавела, чем на линии Акакия Церетели, а из современных грузинских поэтов ближе к Георгию Леонидзе, чем к Галактиону Табидзе, который в основу своего стиха клал прежде всего мелодию чувств, а потом уже пластические формы.

Трудно сказать, кто сильнее в поэте, — мастер акварели или масляной краски. Лирики как будто больше склонны к акварели. Но если ее нежными переливами ласкают глаз такие стихи Ираклия Абашидзе, как «Ветер и чинара», «Предрассветный снег», «В Джугаани» и «Январь на берегу Ганга», то «Прощание с Цулукидзе», «Ингилойцы», «Ночи охотника» и «Родина Ниношвили» привлекают внимание яркими и сочными красками, придающими лирическим стихам эпическую силу. Тонкое поэтическое мастерство улавливается и в том, что в основе выбора средств поэтического выражения лежат соответствующие им мотивы: в первом случае — любовь, чистота и свежесть, нераздельность мирного труда и красоты, возвышающая сила дружбы стран и людей, а во втором случае — скорбь и революционная сила, воинская отвага и трудовой героизм, мощь первозданной природы и человеческой страсти, обездоленность человека труда в прошлом и возвышение его в настоящем.

Есть у Ираклия Абашидзе ценное для писателя свойство — чувство меры. Он избегает словесных излишеств, поэтических красот. Редко метафорический строй его стихов не совпадает с их настроением и смыслом.

Вот стихотворение «Горный орел». Лаконичность и сдержанная динамичность поэтических образов в этом стихотворении создают нужную эмоциональную атмосферу мысли о величии Ленина. Можно лишь сказать, что некоторое приглушение внутреннего ритма в грузинском оригинале, отчасти, нарушает эту атмосферу.

В проникнутом большой любовью к Владимиру Маяковскому стихотворении «В Багдади» Ираклий Абашидзе, обращаясь к поэту революции, говорит ему:

Ты — песня поля,
 гроздь ежевики,
Ты солнце, греющее горячо...
Вот ты идешь, высокий и великий,
Как шарф,
 дорогу бросив за плечо.

Сказано это выразительно, пластично.

Ясность мысли и чувства, точность рисунка, зримость образов, чистота поэтических красок, — вот к чему стремится в своем творчестве Ираклий Абашидзе. Не случайно, надо думать, вновь и вновь появляется в его стихах излюбленный им образ первого снега. Песней о первом снеге воспел он установление Советской власти в Грузии, песней о первом снеге выражает он порой свою горячую любовь к Родине, и к родному городу — Тбилиси, и к женщине, стремясь связать с ним ощущение чистоты, свежести, красоты и мудрости природы.

Но этот первый снег не снег вообще. Этот снег — краска поэзии данного писателя.

Вот мы и подошли к одной из главных основ поэзии Ираклия Абашидзе. В стихотворении «Вдохновение» поэт, обращаясь к песне своей жизни, говорит:

Песня жизни моей,
От рожденья грузинской всецело,
Всем напевом своим
Ты бессменно грузинской была.

Это верно. Песня его — грузинская, и певец он новой, социалистической Грузии. Иначе и не могло быть, ибо трудно представить поэта нашего времени, который может не быть поэтом своей родины... Но с

поэтической точки зрения существенно то, что чувство родины у Ираклия Абашидзе имеет свою окраску, свою «за далью даль». Это чувство у поэта — не безотчетное любование всем «своим». Оно у него масштабно, осмысленно и наполнено новым содержанием. Как и всякий истинный творец, поэт, конечно, не может не исходить из общего и не выражать его. Это общее — мировоззрение всех советских людей. И не придавать значения этому общему в поэтическом творчестве могут только эстетствующие снобы.

Для поэта Грузия — это своеобразная, но органическая и неотъемлемая часть большой социалистической семьи народов. Тема Грузии в творчестве поэта органически слита с темой дружбы и братства народов. Единство этих тем, этих мотивов составляет главную основу поэзии Ираклия Абашидзе.

Во многих своих стихах выразил поэт свою глубокую, большую сыновнюю любовь к Родине. Возьмем очень популярное в Грузии и полюбившееся грузинскому читателю стихотворение «Вот здесь поселюсь я». В этом стихотворении очень ярко выступает одна из особенностей дарования поэта: глубокая задушевность, безыскусственная интимность. Именно эта задушевность, полная откровенность дружеской беседы, намеченная уже в самой простой фразе — «вот здесь поселюсь я», создает чистую эмоциональную атмосферу стиха. Во всех частях, во всех уголках Родины поэт находит столько прекрасного, близкого и своего, что всюду желает поселиться, что ни одним из этих уголков не может поступиться. По мысли поэта, дружба народов, как высшее выражение самого прекрасного и истинно человеческого начала — жизненной потребности связи человека с человеком, — та сила, которая одна и может сделать жизнь на нашей планете прекрасной и счастливой. Корни ее уходят в историю всех народов. Великая идея дружбы и братства людей выстрадана всеми народами в их борьбе за высокие идеалы. Ибо вне человеческих связей не мыслимы ни любовь, ни свобода, ни счастье.

Дружбу советских народов поэт ощущает и как большое личное счастье.

Как счастлив я, что столько братьев кровных
Есть у меня, питомца дальних рек,
Что мне в глаза туркмен глядит любовно,
Что крепко руку жмет мне брат узбек.

Не различие языков, цвета кожи и склада характеров, а лишь эгоистические интересы, мелкие страсти и индивидуалистические склонности, веками насаждаемые различными социальными системами, построенными на эксплуатации человека человеком, разъединяли людей. А так, в истинно человеческом — в лучших, благородных чувствах и помыслах — люди не могут не быть едиными. И язык каждого народа может быть языком истины, красоты, любви, свободы, счастья людей, языком родины. В этом смысле каждый из языков — двойник всех других. Это и есть то общее, которое делает плодотворным конкретное, поэтическое.

Ираклий Абашидзе умно, проникновенно и по-своему выразил искреннее поэтическое восприятие этого великого единства многообразия в стихотворении «Поэтам Востока».

Сто языков различных у Востока,
Их перечень затейлив и велик,
Сто волн певучих общего потока,
Они в один сливаются язык.

Язык поэтов не страшится встрясок,
Смещенья ритмов, усеченья строк, —
Мы превращаем в сотни тысяч красок
Сто разных языков твоих, Восток.
Поля и горы, и лесные чащи
Мы воспеваем красочно на них.
Язык, для счастья Родины звучащий, —
Всех ста различных языков двойник.

И понятно, что Родина для поэта — не только источник большой, неугасимой любви, но и богатая палитра красок, родник и начало всех живых нитей поэтического контакта с миром.

041135740
31343110335

Везде, в каком бы ни был я краю,
Какие б краски не пленяли взоры,
Я признаки Отчизны узнаю —
Дыханье рек родных, родные горы...

Образ Родины неразлучен с поэтом никогда, он с ним везде и всюду, во всех странствиях... Вот он в Индии. «Добрый взглядом» окинул он эту великую страну и в ее ярких красках условил тона, схожие с тонами грузинской природы. Он видит: «Гималаев седые крутизны» и радуется, что тут же над ними «как приветственный шепот Отчизны» летает «наша ласточка, сизая странница».

Но Родина — это не просто земля,
Это не только моря и горы,

а державный великан-народ, строй его жизни и уклад его души.

Одна из отличительных черт поэзии Ираклия Абашидзе состоит в том, что она большей частью является простой, непринужденной беседой, в которой поэт с открытой душой говорит о предметах, интересующих и волнующих его. В его стихах всегда ощущается присутствие слушателя, собеседника, соучастника переживаний поэта, его друга или противника.

Вот поэт пишет «Открытое письмо американскому писателю» и ведет с ним прямой разговор о гражданском долге писателя нашего времени, о его месте в строю борцов за мир, за счастье людей. Разговор, насыщенный живыми поэтическими картинками родной Кахетии, воспоминаниями о теплой встрече с зарубежным гостем, заканчивается упреком ему, сдержанным, но ничего не уступающим упреком за непоследовательность в деле защиты мира. Письмо это — образец страстной политической лирики.

Ираклий Абашидзе, конечно, не всегда безупречен в своем искусстве. Ему приходилось и приходится преодолевать налет схематичности, умозрительности, в общем, чуждые характеру его дарования. В творчестве поэта за счет уменьшения стихов, возникающих «по поводу...», множатся стихи, создаваемые его зрелой мыслью и накаленным чувством.

Поэтическому мироощущению Ираклия Абашидзе не свойственен дух сомнений и противоречий. Поэт больше склонен воспринимать мир в его светлых и гармоничных формах. Однако на пути его творческого развития это не исключало постепенного усиления драматической напряженности отношения к миру. В стихах поэта, особенно последних лет, все больше появляется глубоких вопросов и глубоких раздумий. Он как бы углубляет и расширяет свою излюбленную тему возрождения человека. Да, в нашей стране человек социально уже спасен. И почему же, тем более и тем сильнее, гуманистический дух нашей действительности не должен будить мысль и чувство о тех или иных несовершенствах человеческого счастья! Это никак не ущемляет жизнеутверждающий дух поэзии Ираклия Абашидзе. Наоборот, увеличивает ее поэтическую энергию. Ибо поэзия без болей и без тревог, даже очень изысканная и утонченная, чем-то похожа на дистиллированную воду, которая не имеет вкуса, хотя и утоляет кое-как жажду.

Задумчивый тон своих стихов поэт усиливает поэтической болью, поэтическим раздумьем о судьбе человека. Это сильнее всего проявилось в стихах «У Алазани», «Вдохновение», «Паоло Яшвили», «В Мцхета» «Миг и вечность»...

В полемическом по форме стихотворении «В Мцхета» поэт утверждает оптимистическую мысль о том, что человеческая жизнь неугасима благодаря своему творческому началу, что даже жизнь далеких предков вливается в нашу жизнь и жизнь всех последующих поколений творе-

ниями их мысли и их рук. Но в самом строе вопроса, с которого поэт на-
чинает спор с противником, есть боль, есть поэтическая тревога:

Если все на земле
только призрачный сон, в самом деле,
Если все — только тень, только тлен,
Почему же тогда до сих пор не истлели,
Почему осязаемы
Джвари и Светицховели,
Вековечные камни
щербатых, обветренных стен?!

Есть та же боль и в самом вещественном материале стиха:

Видишь город старинный!
Безмолвье. Руины. Покой.
Дух Армази, витающий рядом крылато.
В усыпальницах древних
Властители спят над рекой —
Те, кто правил Арагвой,
Кто властью гордился когда-то.

Трепетно написано стихотворение «Паоло Яшвили» — о судьбе трагически погибшего поэта.

Нам, конечно, могут показаться спорными некоторые мотивы творчества Ираклия Абашидзе. Мне кажется, что настроение стихотворения — «Ни от чего не смог я отказаться» — мелко и никак не согласуется с философией автора «Капитана Бухаидзе». Желательно, кроме того, чтобы боль и тревога в поэзии Ираклия Абашидзе не развились лишь в сторону набившего уже оскомину и много раз перепетого мотива страха перед старостью и смертью, хотя тема эта, конечно, не снимается.

Ираклию Абашидзе, выдающемуся мастеру грузинского стиха, видному общественному деятелю исполнилось 50 лет.

Дорога, пройденная им, лишь часть того пути, который предстоит ему еще пройти. И я уверен, что самая сильная песня его впереди!

.9.

190

BT

1927

1927

1927

1927

В. И. Ленин и большевистские организации Грузии

История героической борьбы грузинского народа за социальное и национальное освобождение неразрывно связана с именем великого вождя Коммунистической партии бессмертного Ленина.

В. И. Ленин был тесно связан с большевиками Грузии и Закавказья, систематически переписывался с ними и всячески помогал им в работе.

Правильное и полное освещение этих связей — важная и благородная задача наших историографов.

Разрешению этой задачи и посвящены работы кандидата исторических наук В. Эсаиашвили «В. И. Ленин и большевики Грузии», «Переписка В. И. Ленина с грузинскими коммунистами» и, наконец, новый большой труд, подытоживший многолетние исследования, — «В. И. Ленин и большевистские организации Грузии» (на грузинском языке).

Как указывает автор, цель его работы — осветить тесные и систематические связи В. И. Ленина с большевиками Грузии, сыгравшие такую важную роль в исторической судьбе грузинского народа.

В. Эсаиашвили проделал большую исследовательскую работу, в процессе которой ему удалось обнаружить множество ценных, неизвестных до сих пор документов, статей, писем, заметок. На основе глубокого изучения всех этих материалов В. Эсаиашвили установил ряд важных и интересных фактов. В его труде мы находим также новые решения различных вопросов истории грузинского революционного движения.

Книга В. Эсаиашвили состоит из семи глав. В первой главе — «В. И. Ленин об экономическом развитии пореформенной Грузии» — автор, анализируя ряд документов, устанавливает, что В. И. Ленин интересовался экономическим развитием пореформенной Грузии еще в 1893—94 годах, то есть, когда собирал материалы для своего знаменитого труда «Развитие капитализма в России».

В. И. Ленин указывал, что Грузия была «своеобразной колонией» — царизм не сумел превратить ее в типичную колонию. Это ленинское определение, как справедливо отмечает автор, имело решающее значение для марксистского понимания и освещения истории Грузии конца XIX и начала XX веков. Ленинский анализ развития капитализма и аграрных отношений в Грузии помогал грузинским большевикам и в руководстве крестьянским революционным движением.

Во второй главе освещается роль В. И. Ленина в создании социал-демократических организаций и марксистских кружков в Грузии.

Автор заостряет внимание на таких важных вопросах, как возникновение и пропаганда марксизма в Грузии, распространение ленинских трудов, переписка В. И. Ленина с грузинскими большевиками.

В монографии показано, что социал-демократическое движение в Грузии развивалось под непосредственным влиянием русского социал-демократического движения.

Отмечая большое значение *плехановской группы «Освобождение труда» в деле распространения марксизма в Грузии и создания первых марксистских организаций, исследователь указывает, что первая марксистская социал-демократическая организация в Грузии — «Месаме-даси» возникла под влиянием группы «Освобождение труда». В. Эсаиашвили подчеркивает, что марксизм в Грузию проник не только и тем более не в основном через те или иные лица, а через марксистскую литературу. (стр. 30).

Связи В. И. Ленина с грузинскими революционерами установились еще с 1894 года. Как доказал автор, грузинские социал-демократические кружки были тесно связаны с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Среди грузинских рабочих были широко распространены нелегальные

брошюры, прокламации, изданные «Союзом борьбы». Многие из них были написаны В. И. Лениным.

Одним из достоинств книги нужно признать то, что автор уточняет здесь время создания и ликвидации первого Тифлисского комитета РСДРП. В. Эсаиашвили доказывает, что первый Тифлисский комитет РСДРП был создан в 1897 году и функционировал вплоть до ноября 1901 года, в противоположность мнению некоторых исследователей, считающих, что до ноября 1901 года существовал лишь «руководящий коллектив».

Автор устанавливает, что распространение работ В. И. Ленина в Грузии начинается с 1896 года, а несколько позже в грузинской прессе появляются о них рецензии и библиографические статьи.

Период 1901—1903 гг. в Грузии, как и во всей России, характеризовался мощным подъемом революционного движения. Протест трудящихся против капиталистического гнета и царского самодержавия вылился в мощные политические демонстрации. Начались волнения и среди крестьян. Все сильнее чувствовалась необходимость создания единой революционной партии.

О борьбе грузинских большевиков за осуществление ленинского плана создания партии рассказывает нам третья глава труда В. Эсаиашвили — «В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократических организаций Грузии за создание единой пролетарской партии».

В конце 1902 — начале 1903 года почти во всех районах Грузии были созданы социал-демократические организации и кружки ленинско-искровского направления. В монографии убедительно показано, что работу их направлял В. И. Ленин.

В борьбе грузинских большевиков за создание своей партии важным этапом было оформление Кавказского Союза РСДРП. Это произошло в марте 1903 года на I съезде кавказских социал-демократов. Съезд избрал также Кавказский Союзный комитет РСДРП. Автор рассказывает о той ожесточенной борьбе против меньшевиков, которую повел Кавказский Союзный комитет за проведение в жизнь решений II съезда РСДРП.

В эти годы в Грузии особенно возрос интерес к произведениям В. И. Ленина, широко распространявшимся на русском и грузинском языках. Ленинские брошюры и прокламации печатались в Авлабарской большевистской подпольной типографии.

Владимир Ильич уделял большое внимание грузинской большевистской печати. С присущей ему чуткостью отозвался он на просьбу Кавказского Союзного комитета сотрудничать в газете «Пролетариатис брдзола». С пристальным вниманием наблюдал В. И. Ленин за ходом революции 1905—1907 гг. в Грузии. Об этом свидетельствует ряд работ и писем Ленина, которые автор приводит в четвертой главе книги — «В. И. Ленин и деятельность грузинских большевиков в период первой русской революции». Изучение этих документов имеет решающее значение для правильного научного освещения истории борьбы пролетариата и крестьянства Грузии.

В эти годы небывалого размаха достигло крестьянское движение. Серьезный характер приняли крестьянские выступления в Озургетском, Горийском и Душетском уездах.

В. И. Ленин указывал, что «на Кавказе революционное крестьянское движение очень сильно». В ленинском «Проекте резолюции по поводу событий на Кавказе» отмечалась активность грузинского пролетариата и крестьянства, а кавказские партийные организации были названы «наиболее боевыми организациями нашей партии».

В книге ярко освещается борьба грузинских большевиков за созыв III съезда и за осуществление его решений. Из приведенных автором материалов видно, как Владимир Ильич помогал им в этой борьбе, беспощадно разоблачая оппортунизм грузинских меньшевиков.

В. Эсаиашвили подробно анализирует деятельность «Кавказского бюро», созданного на Кавказской конференции в ноябре 1904 года для проведения подготовительной работы по созыву III съезда партии.

В V главе освещается деятельность В. И. Ленина и грузинских большевиков в период после поражения первой русской революции и до Февральской революции 1917 года. После декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Грузии, как и в России, начинается спад революционного движения. Грузинские меньшевики встали на путь открытого предательства, требовали ликвидировать партию.

В тяжелые годы реакции грузинские большевики не порывали связи с В. И. Лениным и во всей своей работе руководствовались указаниями и советами великого вождя. Они использовали легальные и нелегальные формы работы

с массами, беспощадно боролись с врагами марксизма — меньшевиками-ликвидаторами, оппортунистами всех мастей, защищая принципы единства партии.

В. Эсаиашвили впервые так подробно в историко-партийной литературе освещает борьбу грузинских большевиков против оппортунистов. В монографии рассматриваются многие вновь обнаруженные ценные материалы переписки грузинских коммунистов с В. И. Лениным, а также листовки, прокламации, журналы и альманахи (те, которые издавались грузинскими большевиками до 1910 года). О существовании большинства из них до последнего времени не было известно. В результате тщательного исследования и изучения архивных материалов В. Эсаиашвили обнаружил среди них грузинский большевистский альманах «Мгзаври», направленный против ликвидаторов. Содержание его подробно разбирается в монографии.

Не менее ценным в работе В. Эсаиашвили является освещение деятельности большевистского «Литературного бюро», до него мало изученной нашими историографами. Как известно, «Литературное бюро», просуществовавшее с начала 1907 года по май 1909 года, руководило идейной и партийно-организационной работой тифлисских большевиков.

Опираясь на новые материалы и документы, автор дает достаточно широкое и ясное представление о той позиции, которую занимали грузинские большевики в борьбе Ленина против богдановцев, махистов.

Последовательно освещается в монографии борьба большевиков Грузии за созыв Пражской конференции и осуществление ее решений.

Пражская конференция, состоявшаяся в январе 1912 года, заслушала доклады С. Орджоникидзе и С. Спандаряна о работе большевистских организаций Грузии. Ленин, очень внимательно слушавший их выступления, сделал много интересных записей, касающихся деятельности партийных организаций Тбилиси, Поти, Батуми, Кутаиси и Гори. В. Эсаиашвили приводит в своей книге выдержки из них.

После 1912 года в Грузии и на других окраинах Российской империи меньшевики развернули широкую пропаганду национализма. Автор рассказывает о той принципиальной борьбе, которую вели с ними, руководствуясь указаниями Ленина и Сталина по национальному вопросу, грузинские большевики.

В работе В. Эсаиашвили находят освещение многие ленинские документы, касающиеся вопросов первой мировой войны. В. И. Ленин, с большим интересом наблюдавший за деятельностью закавказских, в том числе грузинских большевиков в этот период, ознакомился с литературой о Грузии, публиковавшейся на русском, грузинском и немецком языках. Подробно комментируются автором монографии заметки и примечания Ленина к материалам грузинской прессы, в которых дается резкая критика позиции грузинских меньшевиков в мировой войне. Эти материалы специально для него переводились на русский язык.

В. И. Ленин поддерживал в те годы оживленную переписку с грузинскими большевиками, находившимися за границей (с Н. Кикнадзе, С. Буачидзе и другими). В этих письмах, большая часть которых приводится в работе, он излагал свои взгляды по вопросам тактики большевиков в первой мировой войне и грядущей революции.

Теме «В. И. Ленин и грузинские большевики в 1917—1920 годы» посвящена VI глава, в которой показана большая работа, проводимая в Грузии по изданию и распространению ленинских трудов.

В монографии подчеркивается та великая роль, которую сыграли указания, письма к грузинским коммунистам и отдельные работы В. И. Ленина в борьбе грузинских большевиков за социалистическую революцию и свержение господства меньшевиков.

Трудящиеся Грузии боролись за Советскую власть под знаменем великого Ленина, под руководством Коммунистической партии и в феврале 1921 года одержали историческую победу — Грузия стала Советской Социалистической республикой.

В последней главе — «В. И. Ленин о задачах социалистического строительства в Грузии» — автор подчеркивает руководящую роль В. И. Ленина в деле укрепления обороноспособности молодой советской республики, в развитии ее народного хозяйства.

Касаясь вопроса создания Закавказской федерации, В. Эсаиашвили доказывает, что инициатором ее был В. И. Ленин, и убедительно аргументирует это положение многочисленными партийными документами. В. И. Ленин всесторонне обосновал необходимость объединения Закавказских республик. Он считал, что объединение Грузии, Армении, Азербайджана будет способствовать расцвету хозяйства, росту производительных сил всего Закавказья, укрепит политическое единство трех советских республик, усилит их обороноспособность и, нако-

нец, поможет искоренить разжигаемую контрреволюционными партиями национальную рознь, сплотит закавказских трудящихся под знаменем интернационализма.

Жизнь подтвердила правильность ленинской политики — Закавказская федерация выполнила свою историческую миссию.

Автор рассматривает существующие по этому вопросу ленинские документы и, параллельно, освещает борьбу грузинских коммунистов за осуществление ленинских указаний.

В своих письмах В. И. Ленин указывал на особенности тактики кавказских коммунистов. В. Эсаиашвили на страницах своей книги приводит два письма, в которых излагаются эти особенности. Это «Письмо к Г. К. Орджоникидзе» от 2 марта 1921 года и письмо «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении и горных республик» от 14 апреля 1921 года.

Велика роль В. И. Ленина в развитии промышленности и сельского хозяйства Грузии. Коренные преобразования, связанные с восстановлением и развитием народного хозяйства Грузии, были намечены Лениным. Развитие промышленности и сельского хозяйства Грузии было предметом его неослабного внимания и заботы. В. И. Ленин учил грузинских коммунистов творчески использовать НЭП, руководил их борьбой за осуществление этой политики. Исследователь приводит для подтверждения всех этих положений множество документов.

В работе подчеркивается, что трудящиеся Грузии смогли превратить отсталую аграрную страну в передовую социалистическую республику именно благодаря мудрым указаниям В. И. Ленина и каждодневной заботе Коммунистической партии.

Книга В. Эсаиашвили не свободна и от некоторых недостатков. Так, нам кажется, следовало бы больше и полнее сказать о тех успехах, которых в результате неуклонного проведения ленинской политики достигли трудящиеся Грузии в области экономики и культуры. Это тем более необходимо, что в книге имеется специальный раздел — «В. И. Ленин о задачах промышленного и сельского развития Грузии», в конце которого автор кратко замечает, что, опираясь на ленинские указания и с помощью братского русского народа, Грузия достигла больших успехов в промышленности и сельском хозяйстве и смогла осуществить культурную революцию.

Затронутые в книге вопросы даются лишь в историческом аспекте. Думается, следовало бы связать их с современностью, в частности, с теми задачами, которые поставил перед нашим народом XXI съезд КПСС.

Подводя итоги, следует сказать, что работа В. Эсаиашвили в целом имеет большое познавательное значение, она убедительно рассказывает о великой роли В. И. Ленина в деле победы революции и построения социализма в Грузии.

Ф. Шиллер и Грузия

Бессмертные творения Фридриха Шиллера по праву считаются одним из прекраснейших вкладов

немецкого народа в общечеловеческую культуру. Пронизанное высокими гуманистическими идеями, страстное и целенаправленное творчество этого великого поэта и драматурга оказало огромное влияние на мировоззрение многих поколений европейской интеллигенции. Шиллера всегда глубоко любили и почитали в России. Белинский называл великого немецкого драматурга «благородным адвокатом человечества».

Творчество Шиллера быстро обрело популярность и в Грузии.

Сперва стихотворения, потом отрывок из пьесы, затем одна, другая, третья пьесы великого немецкого драматурга переводятся на грузинский язык, завоеывая ему непрерывно растущее число читателей и почитателей. Хочется подчеркнуть: главная причина этой популярности — в гуманизме, в революционной, тираноборческой направленности творчества великого немецкого драматурга.

Первая публикация произведений Шиллера на грузинском языке относится к 1852 году. Именно тогда журнал «Цискари» напечатал в переводе Г. Эристави стихотворение «Раздел земли».

С этого времени в грузинских журналах и газетах регулярно печатаются переводы стихов, баллад, драм Шиллера, ставятся его пьесы, печатаются рецензии и критические статьи о них. Но не следует думать, что до 1852 года Шиллер не был известен грузинскому читателю. Грузинская интеллигенция читала его на русском и, отчасти, на немецком языках.

Переводами из Шиллера занимались виднейшие грузинские литераторы. В 1859 году на страницах того же «Цискари» в переводе И. Чавчавадзе появляется одно из стихотворений Шиллера,

в 1873 году Ив. Кереселидзе переводит «Путешественника».

С отрывками из «Вильгельма Телля» знакомят грузинского читателя Н. Авалишвили, Г. Церетели. В 1893 году эту пьесу полностью переводит на грузинский язык и издает отдельной книгой И. Санеблидзе. Как оценивалось это событие общественностью того времени, явствует из статьи Т. Хускивадзе — «Вильгельм Телль» И. Санеблидзе (из Шиллера)», опубликованной тогда же в журнале «Квали».

Автор называет Вильгельма Телля народным героем, который должен служить примером для тех, кто истинно и глубоко любит свою родину, предан ей. «Почти вся эта маленькая книжка полна сценами, близкими по духу Грузии, — пишет рецензент. — ...Словом, содержание ее прекрасно, и каждый, кто сочувствует духовному развитию нашего народа, должен способствовать ее распространению».

Знакомясь с грузинской прессой тех лет, нельзя не заметить повышенного интереса к «Вильгельму Теллю». Чем же был вызван этот интерес? Тем, скорее всего, что в «Вильгельме Телле» наиболее ярко проявился революционный потенциал народа, труженика и воина, поборника справедливости.

Грузинские литературоведы рассматривали творчество Шиллера в тесной связи с эпохой и народом, считали его сугубо национальным, обусловленным всем предшествующим развитием немецкой литературы.

С этих позиций рассматривает драму Шиллера и Г. Церетели, выступивший в 1893 году на страницах журнала «Квали» со статьей «Наше искусство. «Разбойники», драма Ф. Шиллера». Остановившись во вступительной части на развитии теории «эстетического познания» в произведениях немецких просветителей, он отмечает, что главная их заслуга заключается в стремлении сблизить искусство с жизнью, поставить литературу ей на службу. По мысли автора, после Лессинга, утвердившего своим творчеством эту связь, совершенно естественно и закономерно было появление на литературной арене Гёте и Шиллера, которые «вынесли на сцену жизнь свое-

го народа». Разбирая затем спектакль «Разбойники» в Тифлисском грузинском театре, автор подчеркивает, что и постановщики и актеры полностью справились со своими задачами. «Для такого произведения нужны были артисты, талантливые от природы, обладающие большой духовной культурой и развитым сознанием», — пишет рецензент. В заключение он отмечает заслугу переводчика «Разбойников» Н. Авалишвили. Следует сказать, что Н. Авалишвили, глубоко изучивший творчество Шиллера, сыграл большую роль в деле его популяризации в Грузии. Помимо «Разбойников» он перевел драмы «Вильгельм Телль», «Заговор Фиеско в Генуе» и опубликовал их в «Мнатоби».

Вслед за постановкой «Разбойников» (1886 г.) Тифлисский грузинский театр ставит и другие пьесы Шиллера. С этого времени драмы Шиллера прочно входят в репертуар грузинского театра. Замечательные образы шиллеровских героев воплощали на грузинской сцене Нуца Чхеидзе, Ладо Месхишвили, Котэ Кипиани, Валериан Гуния, Александр Имедашвили, Юза Зардалишвили, Г. Арадели-Ишхнели и другие выдающиеся деятели грузинского театра.

Интерес передовой грузинской интеллигенции к Шиллеру достигает кульминационной точки в период революции 1905 года. Многочисленные критические статьи и рецензии пропагандируют передовые гуманистические идеи его творчества.

Нельзя не отметить серии статей И. Гомартели под общим названием «Основные признаки поэзии Шиллера». Статьи публиковались в 1902—1903 гг. в журнале «Квали», а в 1904 г. были изданы отдельной книгой. И. Гомартели называет Шиллера тем бессмертным поэтом, чей голос в защиту прав человека звучал в прошлом столетии громче всех. Автор считает, что Шиллер боролся не против одной какой-то формы несправедливости, но против всякого неравноправия.

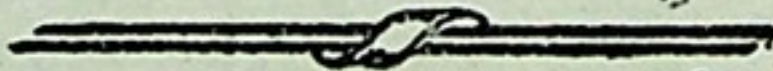
Несмотря на некоторые ошибки фактического и принципиального характера, Гомартели все же сумел правильно уви-

деть и осветить ряд существенных сторон творчества Шиллера.

В 1905 году в грузинских журналах и газетах был опубликован ряд юбилейных статей, посвященных 100-летию со дня смерти Шиллера. Грузинская пресса единодушно отмечала большую роль Ф. Шиллера в освободительной борьбе человечества. «Теперь, когда вся передовая Россия ожесточенно борется против старого режима и усеивает тысячами жертв путь свой к свободе, Германия, вместе со всем просвещенным человечеством торжественно отмечает столетие со дня смерти Шиллера. Основную мысль и цель творений гениального певца... и содержание всей его жизни можно выразить тремя простыми, но значительными словами, которые сейчас на устах у каждого из нас — свобода, единство, братство», — писал в редакционной статье журнал «Могзаури».

Произведения Ф. Шиллера, полюбившиеся грузинскому читателю с первого же знакомства с ними, приобрели еще большую популярность в советскую эпоху. На грузинский язык переводятся и издаются тысячными тиражами его драмы и стихи. С 1927 года в Грузии отдельными книгами были изданы драмы «Дон Карлос» и «Вильгельм Телль» в переводе С. Шаншиашвили, позднее его же переводы «Разбойников» и «Пикколомини», два сборника стихов и «Баллады» в переводах Х. Вардошвили, драмы «Заговор Фиеско», «Орлеанская дева», «Мария Стюарт» в переводе В. Бецукели. Дрaму «Вильгельм Телль» перевел также Г. Надирадзе. В репертуар грузинских театров прочно вошли «Разбойники», «Коварство и любовь», «Мария Стюарт». Полнокровные, яркие образы шиллеровских героев создали на грузинской сцене артисты Верико Анджапаридзе, Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Сесилия Такаишвили, Шалва Гамбашидзе, Георгий Шавгулидзе, Эроси Манджгаладзе, Нодар Чхеидзе и другие.

Творчество Шиллера, двухсотлетие со дня рождения которого отмечает ныне мировая общественность, всегда будет служить неиссякаемым источником идей свободы и справедливости.

И. Дубинский

Расшифрованный псевдоним Самуила Буачидзе

От болгарских друзей я знал, что в 1914—1915 годах связь Ленина с балканскими социалистами, особенно с Благоевым, Кабакчиевым, Дмитриевым, осуществлялась через Самуила Буачидзе. У Владимира Ильича возникало множество различных вопросов — обстановка в Болгарии, Греции, Румынии, Сербии, в ту пору была особенно сложной. Буачидзе часто и подробно писал Ленину.

Долгие годы ни одно из этих писем найти не удавалось. Причина, оказывается, была очень проста. Буачидзе свои сообщения Владимиру Ильичу, должно быть, в целях большей конспирации, подписывал не давнишним, сравнительно известным псевдонимом «товарищ Ной», а простым и хорошо звучащим сочетанием первых букв имени и фамилии — Самбуа.

— Самбуа? — переспросили меня в один из августовских дней работники Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС... — Ищете письма Самбуа к Ленину и Крупской? Помнится, что-то есть!

Совсем уж не долгие поиски, — и на столе несколько папок. Будто нарочно, чтобы у самых больших скептиков не осталось и тени сомнения в том, что Самбуа и Ной — это один и тот же человек — бесстрашный революционер Самуил Буачидзе, я нахожу письмо, датированное: «Женева, 14/XII.1915 г.». Письмо послано в Берн, Надежде Константиновне Крупской для Владимира Ильича.

Это, судя по содержанию, ответ на запрос Ильича о легальных и конспиративных связях с болгарскими тесняками — левыми социалистами и румынскими социал-демократами, о докладе Василя Коларова Центральному Комитету партии тесняков по поводу Циммервальдской конференции.

Заключительная строка: «Дорогой товарищ! Скажу лишь одно: здешняя жизнь не жизнь, а бескровная гильотина». И самим Буачидзе расшифрованный псевдоним: «С тов. приветом. Самбуа (Ной)».

Раскрываю другие папки, и в каждой бесценные документы революционной борьбы — статьи Самбуа в левых, балканских газетах, письма к Ленину и Крупской.

Вот концерт. Бисерным, хорошо знакомым почерком Буачидзе по-французски написан адрес: *Bibliothèque russe.*

7, rue Senger, 7

Для У. Jenève

Suisse

Внутри листок бумаги. Сверху, в правом углу написано и подчеркнуто:

Копия нашего решения:

«Решение российск. с.-д. в Константинополе.

Группа российских с.-д. в Кон-ле заявляет, что она, стоя на почве классовой борьбы и учитывая настоящее положение, отказывается от

переговоров и порицает всякие соглашения, якобы направленные к освобождению угнетенных народов, с каким бы ни было правительством ныне существующих.

Г. Рос. с.-д. в К-ле.

Сентябрь 1914 г.
г. Константинополь».

Сразу вспоминаешь непримиримую, едва не стоившую Буачидзе жизни, его борьбу с окопавшимися в Турции грузинскими «национал-демократами», «социал-федералистами», всеми, кто старался оторвать Грузию от России.

Как только представился случай — на собрании грузинской колонии в Самсуне, — Самуил выступил и во всеуслышание заявил:

«Сегодня каждому должно быть ясно, что национальные, расовые, сословные, религиозные и другие подобные им границы и различия круто ломаются. Недалеко то время, когда не станет и следов этой розни. В действительности счастье или несчастье человечества зависит исключительно от исхода борьбы между трудом и капиталом, между поработенными и поработителями.

Надвое делится светлое понятие «родина». Ей совершенно по-разному служат, ее совершенно по-разному понимают два класса, стоящие на противоположных ее полюсах. Назначение родины в глазах одних — подавлять, унижать, разорять человека. Такая «родина» — олицетворение страданий и произвола. Другая, с большой буквы Родина, возносит человека, дает ему крылья и счастье. У обреченного класса и класса, еще только заявившего о своем существовании, полного сил, — разные родины. Поэтому свободу Грузии и личное счастье каждому из нас принесет не вероломное, оплаченное правительствами Германии и Турции, отторжение Грузии от России, а наша помощь пролетариату России в его скорейшем освобождении. Свобода России — это свобода Грузии. Победа русского народа — наша победа. Это истина!».

Несколькими днями позднее, уже в Константинополе, грузинские социалисты, принципиально называвшие себя российскими социал-демократами, приняли написанную Буачидзе и цитированную выше резолюцию, впоследствии живо заинтересовавшую Владимира Ильича.

Кстати сказать, немедленно после этого султанские власти отдали приказ об аресте Буачидзе. Недвусмысленные указания о дальнейшей судьбе Ноя получил и некий Церетели — главарь банды, занимавшийся похищениями и убийствами неугодных, слишком беспокойных эмигрантов-грузин. Пришлось Буачидзе, переодевшись монахом, покинуть Турцию и отправиться в соседнюю Болгарию, благо, это отвечало и планам Ленина.

Полный текст решения «российских социал-демократов в Константинополе» нужен был Ленину в связи с появлением в буржуазной прессе балканских стран статей, клеветнически утверждавших, что, якобы, грузинские социалисты подали руку феодальной Турции для совместной борьбы против России.

Предполагалось, что с отповедью клеветникам выступит большевистская газета «Социал-демократ» (она выходила в Женеве под редакцией Ленина). Но затем Владимир Ильич посчитал вполне достаточным гневный ответ самого Буачидзе, напечатанный 22 июля 1915 года в «Рабочем деле» — органе болгарских тесняков. Статья Самбуа твердо, исчерпывающе характеризовала первую мировую войну и отношение к ней грузинского народа. Статья утверждала, что только пролетарская революция освободит Грузию от русского царизма, и Грузия войдет в семью социалистических республик.

...Еще письма из Софии. Вот строки из одного из писем:

«...Влияние германской с.-д. тут огромное, если не сказать больше, и этим объясняется, что буржуазная русофильская пресса кличет балканских товарищей «германо-филами»... Кстати, два слова и о конгрессе

(конгресс болгарских оппортунистов, так называемых «широких» социалистов. — И. Д.). Слышал речи, от которых мне показалось, что я в России и передо мной выступает «ликвидаторство» 1906 г. — Ларин, Череванин и К°. Знаменательно было для меня это явление.

...Что же касается низов, вот куда бы я рекомендовал показаться всем позорно выжидающим «хвостистам» (простите за неудобное выражение «хвостизм») вроде Огеевых и Аксельродов; вот где им задали бы жару».

И еще одна характеристика, впоследствии вполне подтвержденная историей.

«И если балканский пролетариат высоко и незапятнанно держит свое революционное социалистическое знамя, это прежде всего благодаря своему здоровому классовому инстинкту и политическому опыту».

«ТЕАТР» № 10

В десятом номере журнала «Театр» публикуется ряд материалов, посвященных театральной жизни нашей республики.

Открывается номер сатирической комедией Отара Чиджавадзе «Крот», нацеленной против мещанства и обывательщины, против людей, цепляющихся за старое, отжившее.

За последние годы в драматургии и театре было немало примечательных событий. Значительно оживилась, стала гораздо разностороннее театральная жизнь. Но сегодня по-прежнему очень остро стоит задача создания пьесы, которая полнокровно, глубоко раскроет нашу современность. Театр ждет от драматурга умную, темпераментную, целенаправленную пьесу, правдиво отображающую нашу жизнь.

Об этом взволнованно говорит главный режиссер тбилисского драматического театра имени Руставели Д. Алексидзе в своей статье «Искусство вечно живое», опубликованной в последнем — октябрьском номере журнала «Театр».

«Как растение не может жить без корней, — пишет Д. Алексидзе, — так мы, люди театра, задыхаемся без литературы.

Но не всякая литература может театр удовлетворить. Я считаю, что это должна быть обязательно большая литература, большого стиля, большого полета. Ведь неверно было бы считать, что, например, в грузинской драматургии сейчас мало пьес. Пьес много, но в подавляющем большинстве они не представляют собой большую литературу. И в этом прежде всего наша беда.

...Меня очень волнуют вопросы о лице нашего театра, театра имени Руставели. Дело в том, что мы не сегодня начали борьбу с мелкотемьем. В лучших программных своих работах наш театр всегда стремился к большим обобщениям, всегда был страстным, острым, возвышенным. Начало героическое, патетическое — в природе театра имени Руставели. Поэтому сегодняшний призыв к искусству такого рода особенно волнует нас».

Д. Алексидзе говорит о творческом содружестве театра и драматурга, о разнообразии форм нашего искусства.

«О какой стороне театрального дела сейчас ни задумаешься, — говорит в заключение Д. Алексидзе, — всюду, как главное, встает одно требование — быть современным!

Быть понятным и близким народу, отражать его жизнь, его дела, мечты и планы, помогать ему преодолевать трудности, приносить ему эстетическую радость, одним словом — быть действительно активным современником своего героического народа!

Первое слово в театре говорят драматурги. Мы ждем этого слова. Мы должны быть готовыми к нему».

«В поисках живого слова» — так называется статья народного ар-

тиста Армянской ССР Сурена Кочаряна, опубликованная под рубрикой «Творческая трибуна».

Рассказывая о том, как зародился у него интерес к искусству, Сурен Кочарян обращается к городу своего детства — Тифлису и рисует яркие, колоритные картинки старого города.

«Город моего детства — старый Тифлис, — пишет Сурен Кочарян, — причудливо соединял в себе две культуры. В нем мирно уживались и дополняли друг друга, создавая его неповторимое своеобразие, Восток и Запад. Так из распахнутых окон богатых домов лились хрустальные звуки шопеновского вальса, которые мирно соседствовали с зазывающими, по-своему музыкальными выкриками тифлисских кинто».

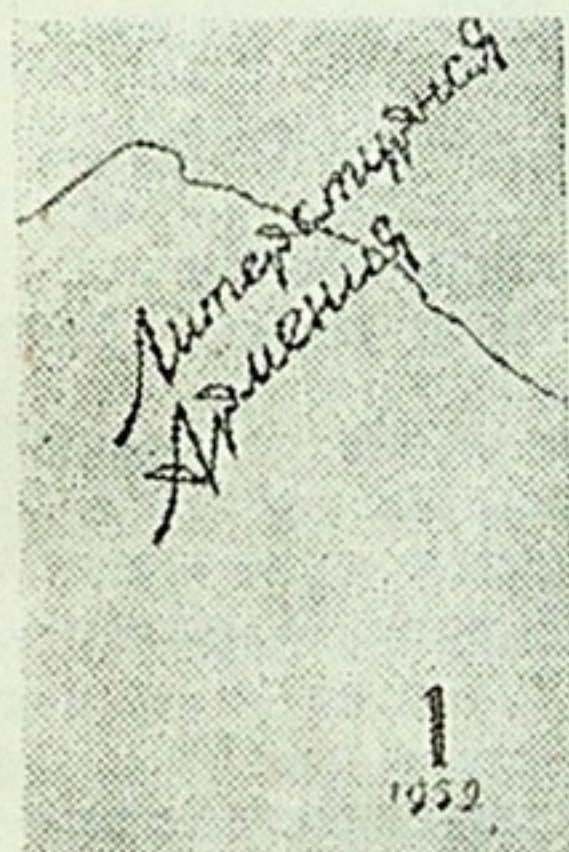
С. Кочарян вспоминает и о тех сценических уроках, которые он получил во время посещения Тбилиси в 1931 году, когда он приехал на гастроль в русский драматический театр им. Грибоедова.

Рассказывая о многих интересных фактах своей творческой биографии, Сурен Кочарян делает важные теоретические обобщения, связанные с мастерством актера-чтеца.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ»

Только в этом году появилась первая книжка журнала «Литературная Армения». Но уже сейчас, просматривая страницы вышедших номеров, можно проследить за тем, как у журнала складывается хорошая традиция — постоянно обращаться к тем материалам, в которых отражаются литературные связи братских народов Грузии и Армении.

В январе 1959 года в литературной жизни Грузии произошло большое событие — состоялся V съезд писателей республики. В его работе приняли участие и гости из Армении — литераторы Гурген Борян, Гиго Тер-Григорьян и Гурген Маари.

По возвращении из Тбилиси Гурген Маари опубликовал в № 2 «Литературной Армении» под рубрикой «В семье братских народов» очерк «Тбилисские встречи», в котором делится своими впечатлениями о пребывании в столице Грузии, о творческих встречах на съезде с грузинскими писателями, о тех теплых дружеских приемах, которые устроили для гостей Карло Каладзе, Симон Чиковани, Серги Чилая.

Армянские писатели побывали в гостях и у замечательного грузинского художника Ладо Гудиашвили. Много живых, интересных страниц посвящено воспоминаниям о предыдущих приездах писателя в Тбилиси, когда его с таким же радушием, как и сейчас, в дни съезда, встречали Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и находившийся тогда в Тбилиси армянский поэт Егише Чаренц.

К сожалению, в очерке почти ничего не сказано о выступлениях, звучавших с трибуны съезда, о затронутых в них проблемах.

В связи с 90-летием со дня рождения Ованеса Туманяна «Литературная Армения» (№ 1) публикует воспоминания о великом армянском поэте Тиграна Ахумяна («Ованес Туманян») и Рипсима Погосян («Незабываемые встречи»).

Большой период в жизни и творчестве великого армянского поэта связан с Тбилиси. Здесь прошло его детство, годы учебы в семинарии. Здесь, в феврале 1921 года он приветствовал установление но-

вого революционного строя и с неиссякаемой энергией работал в тбилисском Доме армянского искусства (Айартун), где возглавлял «Союз работников пера», куда входили все армянские писатели, жившие тогда в Тбилиси.

«Были первые недели установления Советской власти в Грузии, — пишет в своих воспоминаниях Тигран Ахумян, — и среди армянских писателей, проживающих в Тбилиси, возникла хорошая мысль издать литературно-художественный альманах, как первый отклик армянских писателей Грузии на новые времена. С этой просьбой Ованес Туманян обратился к писателям, и старым и молодым, представить редакции альманаха то, что они сочтут достойным для издания».

Будучи уже известным поэтом, Ованес Туманян часто бывал в семье своего любимого учителя Мисака Асильяна, преподававшего ему в семинарии армянский язык и историю армянского народа.

Один из авторов воспоминаний, опубликованных в «Литературной Армении», Рипсима Погосян — дочь этого учителя. Она рассказывает о встречах с Ованесом Туманяном в своей семье и у него дома, о юбилейном вечере, устроенном студенчеством Закавказского университета в честь О. Туманяна, о дружбе армянского поэта с грузинскими литераторами.

В эти годы в Тбилиси жил и работал друг Ованеса Туманяна — русский поэт Сергей Городецкий, который организовал среди молодежи «цех поэтов».

«Я была членом этого цеха, — пишет Р. Погосян. — Каждую среду мы собирались для чтения и обсуждения своих стихов в музыкальной студии на улице Грибоедова... Неизменными гостями этих литературных собраний были и грузинские поэты Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Валерьян Гаприндашвили и другие...».

«Высокий, статный Паоло, коренастый Тициан с неизменной гвоздикой в петлице и другие грузинские поэты читали свои стихи на певучем грузинском языке». В одну из таких сред в гости к молодым поэтам пришел и Ованес Туманян и, после продолжительной беседы с ними, пригласил всех членов «цеха» к себе домой.

«Кроме нас, — пишет Р. Погосян, — Туманян, великий поборник дружбы народов, пригласил и грузинских писателей. Здесь Иосиф Гришашвили, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и другие. Слышится армянская, грузинская и русская речь. А тамадой за этим интернациональным столом — сам хозяин».

О тесных дружеских и творческих связях другого выдающегося армянского писателя А. Ширванзаде с представителями грузинской интеллигенции свидетельствуют опубликованные в «Литературной Армении» два письма А. Ширванзаде к грузинскому общественному деятелю и журналисту М. В. Мачабели.

Эти письма были обнаружены грузинским литературоведом С. Хуцишвили в личном архиве М. В. Мачабели и уже знакомы читателям журнала «Литературная Грузия» (№ 6, 1958 г).

В этих небольших, но очень примечательных документах раскрывается теплое, сердечное отношение армянского писателя к грузинским собратям по перу.

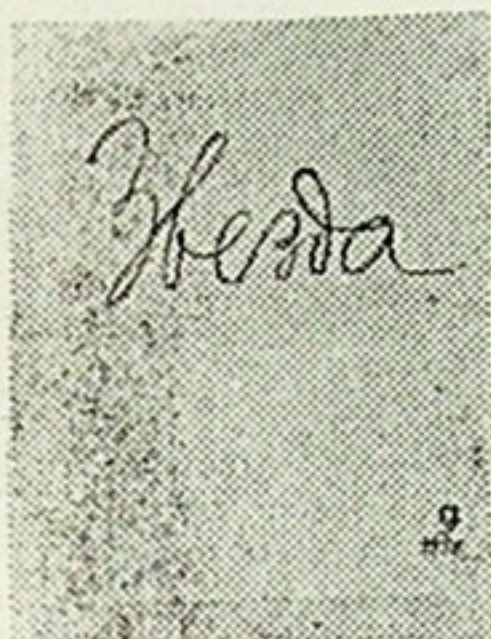
В 1958 г. грузинская общественность широко отметила 100-летие со дня основания Тбилисского армянского театра драмы им. С. Шаумяна. К этой дате государственное издательство Грузии «Сабчота Сакартвело» выпустило на армянском языке книгу Ашота Айрапетяна «Славный путь».

В № 1 «Литературной Армении» в разделе «Новые книги» дана развернутая аннотация на эту книгу.

Из статьи «Сегодня и завтра на студии «Арменфильм», напечатанной в № 2 «Литературной Армении», читатель узнает, что среди целого

ряда фильмов, готовящихся к производству, на студии завершается работа над кинокартиной «Обвал», сценарий для которой написан молодым тбилисским писателем Арменом Зурабовым. Фильм, посвященный трудовым подвигам строителей тоннелей, в скором времени выйдет на экран.

ЗАМЕТКА О «ЗАМЕТЕ»

Читателем-писателем, автором «Горестной заметы» в журнале «Звезда», размер знаменитой баллады Жуковского объявлен крамолой. Объявлен окончательно, без права обжалования в иных инстанциях, то, бишь, в других литературных журналах. Основания? Пожалуйста: размер уже использован Жуковским в его балладе «Замок Смальгольм» и, значит, обращение к нему отныне и присно противостоит и противозаконно.

Вы не убеждены? Читатель-писатель предвидел и это, а потому заготовил примеры, которые, по его мнению, наносят анапестам К. Ваншенкина сокрушительный удар. Строки из переведенной К. Ваншенкиным «Баллады о сельском враче» Мурмана Лебанидзе приводятся им в виде «убийственных» параллелей к балладе... Жуковского:

Барон: «Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои»...

К. Ваншенкин: «Я запомнил», — сказал, улыбаясь, больной
И опять замолчал в забытьи».

Ну, теперь-то уж вы, конечно, убедились, что перевод К. Ваншенкина, как две капли воды, похож на балладу Жуковского? И все это, как видите, из-за того, что и там и здесь — злополучный анапест.

Как, вы и теперь не убеждены? Вы даже утверждаете, что читали и балладу Жуковского, и перевод Ваншенкина, и не видите в содержании их ничего общего? А ведь вы, пожалуй, правы. Правы и тогда, когда утверждаете, что параллели можно подбирать без конца и к любому произведению, и что это действительно иногда забавно. Надо только напомнить Читателю-писателю, что прием этот не новый, собственно, его давно пытались использовать, хотя и не всегда удачно, авторы эстрадных куплетов. Читатель-писатель оказался оригинальным, таким образом, только в одном — в подборе классического балладного размера.

Нужно пояснить, что, встав на путь, открытый Читателем-писателем, мы просто вынуждены были бы поразиться схожести таких, скажем, не имеющих между собой, по существу, ничего общего произведений, как, например, стихотворение Николая Евстифеева «К соседу» и поэма Н. Некрасова «Рыцарь на час». Ведь при «умелом» цитировании («Я кусочек из Жуковского продекламирую, а потом ты свое говори, чтобы как раз по Жуковскому вышло») и здесь все как будто гладко получается:

Н. Некрасов: «В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,

Н. Евстифеев (подхватывает):

Чукча может сказать невзначай:

— Нужно съездить к соседу на чай».

Н. Некрасов: «Вижу тень его, сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени».

Н. Евстифеев (уточняет):
(а «сосед» полюбившийся тот
километров за двести живет!)».

и т. д.

Подобный опыт, несомненно, также следовало бы проделать Читателю-писателю. Если, конечно, он последователен и если всерьез верит в силу изобретенного им нового аналитического метода. Несмотря даже на то, что стихи Н. Евстифеева напечатаны... в том же девятом номере «Звезды», где помещена и сама «Горестная замета».

Впрочем, вряд ли это стоит делать сейчас, как, думается, не к чему это было делать и раньше. Тем более, такому серьезному журналу, как «Звезда».

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 23 ноября 1959 г. 6 печ. лист.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 1182

Тираж 4000.

УЭ 06479

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწიგნობრობის ცენტრის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

